Ты был всюду со мной

Благовестие

Е. Н. Пушков

Е. Н. Пушков

Ты был всюду со мной

Благовестие

Издательство «Христианин»
МСЦ ЕХБ
2007

НАСТОЯЩАЯ книга состоит из двух произведений — «Ты был всюду со мной» и «Благовестие». Написал их служитель Божий, испытавший поношение и узы за веру в Бога и верность Его заветам. В первой книге он описывает свой путь к Богу и те милости, которыми он жил, следуя за Господом. В другой описано личное участие автора в распространении благой вести. Желая прославить своего Господа и Спасителя, автор описывает разные моменты жизни и показывает, как удивительно сопровождала его рука любящего Бога.

Пусть эта жизненная история послужит читателю в назидание и поможет задуматься о личном служении славному Господу. Да преклонится перед Ним всякое колено, потому что Он достоин чести и славы!

Е. Н. Пушков
ТЫ БЫЛ ВСЮДУ СО МНОЙ
Автобиографическая повесть

БЛАГОВЕСТИЕ

2007 Отпечатано в типографии
издательства «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Ты был всюду со мной

Автобиографическая повесть

Межи мои прошли
по прекрасным местам...

Пс. 15, 6

С СЕРДЕЧНЫМ трепетом и молитвой к Богу начинаю писать эту книгу, озаглавив ее первыми словами из сонета, написанного мною в 1986 году в суровых местах лишения свободы. Я отбывал тогда срок на Северном Урале, и недруги истины Христовой сулили мне третий срок без выхода на свободу. Разум протестовал, но дух смирялся. Я просто не мог не написать этот сонет.

Ты был всюду со мной, где б ни шли мои межи,
И когда мне казалось, что крест мой тяжел,
Видел я впереди след кровавый Твой свежий
И, забыв свою боль, за Тобой снова шел.

Мне на долю земное не выпало счастье,
Безответным остался сердечный мой пыл.
Скорбь, лишенья мое сердце рвали на части,
Но ведь Ты был со мной... Значит, счастлив я был!

Может быть, скорбный путь свой холодною ночью
Вдалеке, окруженный колючей стеной,
Без родных и без милых друзей я закончу.
Иисус, о пребудь до могилы со мной!
Я хотел бы с любовью сказать Тебе там:
Мои межи прошли по прекрасным местам!

В то время мечта о свободе казалась мне несбыточной. Я молился лишь, чтобы Господь дал силы остаться верным Ему и сохранить духовную свободу. Хотя я часто пел гимн «По тундре, по суровой Сибири» и верил, что сбудутся слова: «Падут оковы, цепи разорвутся, Христовы воины свободу обретут...», в то же время думал, что они относятся не ко мне, а к последующему поколению страдальцев за имя Господа Иисуса Христа.

И вдруг по молитвам детей Божьих во всем мире Господь разбил оковы узников совести в СССР, раскрыл двери темниц, и желанная свобода стала реальностью... Уже четыре года, как я на свободе, а все не верится.

Каждое утро, видя белый хлеб на столе, и каждый вечер у постели с чистой белой простыней я смиренно склоняю колени перед моим Господом и со слезами благодарности повторяю слова, сказанные Господу Иаковом: «Недостоин я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему» (Быт. 32, 10).

Двадцать второго декабря 1992 года Верховный суд Украины отменил приговор Донецкого областного суда, по которому я в 1983 году вторично был осужден на пять лет лишения свободы в лагерях строгого режима и на три года ссылки. Я реабилитирован. От сердца прощаю моим гонителям, вспоминая при этом не только заповедь Господа моего, но и слова Иоанна Златоуста: «Не должны ли мы, братья мои, более всего молиться за гонителей наших, которые, доставляя нам столько неприятностей, как бы насильно толкают нас в Царство Божье? Добрый человек, делая нам добро, получает воздаяние — жизнь вечную, а эти, толкая нас в Царствие Божье,— муку вечную. Не должны ли мы, братья мои, более всего молиться за гонителей наших?»

Писать о себе и просто, и трудно. Просто — потому что хорошо знаешь все факты и мотивы, побуждающие взяться за перо; трудно — потому что не всегда мы перед Господом имеем на это право, так как даже духовный христианин может впасть в искушение что-то приписать себе, не воздав славу Богу. У меня еще не такой почтенный возраст, чтобы писать мемуары. Пятьдесят два года — не много, но за это время пережито немало, да и телесные недуги торопят еще что-то сделать во имя Бога или хотя бы рассказать грядущему поколению о милостях, явленных Господом на моем жизненном пути.

Наверное, каждый житель земли хотел бы оставить после себя след, и притом добрый. Хочется это сделать и мне. Совершая служение благовестника в дорогом для меня братстве, находя радость в этом труде, любя Господа и народ, который много пострадал от атеистического насилия, считаю тему о благовестии лейтмотивом, но о благовестии, если Бог позволит, я намерен написать следующую книгу, а эта — повесть моей жизни.

Благодарю друзей по вере в Господа Иисуса Христа за то, что они неоднократно побуждали меня написать эту книгу. Надеюсь на помощь Господа в данном труде и верю, что он принесет некоторое назидание как ищущим Господа, так и подвизающимся в деле благовестия.

Харцызск, 1993

СВЕТ ЕВАНГЕЛИЯ СРЕДИ МОИХ РОДСТВЕННИКОВ

РОДИТЕЛЕЙ и прародителей мы не выбираем — они даются Богом. Рождаемся мы тоже не по собственному желанию. Это прописные истины. Всю нашу жизнь видит Бог наперед. «Зародыш мой видели очи Твои»,— записал Давид в 138 псалме. Остается только благодарить Бога за подаренную жизнь и исполнять заповедь: «Почитай отца твоего и матерь твою... чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо тебе было» (Втор. 5, 16). Счастлив тот, кто может благодарить Бога за своих родителей. Я отношусь к числу таких людей.

В 1983 году, после отбытия первого срока лишения свободы за веру в Господа Иисуса Христа, у меня возникло непреодолимое желание посетить места, где прошли мои детские годы, но оно тогда не исполнилось, так как через двадцать семь дней меня вновь арестовали и лишили свободы еще на восемь лет.

Летом 1991 года мы с христианским камерным ансамблем совершали евангелизационную поездку по Владимирской и Горьковской областям. Ранним июньским утром мы ехали по трассе Москва—Горький. Как взволновалась моя душа, когда я прочел до боли знакомое название населенного пункта — Дроздовка! В трех-четырех километрах левее Дроздовки находится село Русино, где покоятся мои дедушка с бабушкой со стороны матери. Мои юные друзья и сотрудники на ниве Божьей, несмотря на полубессонную ночь, проведенную в пути, выразили живой интерес и согласие заехать и взглянуть на места моего детства, о которых я часто с восторгом рассказывал им.

Русино. Затерявшееся в лесах типичное среднерусское село с бедной песчаной почвой и деревянными избами. Молодежи, как правило, в таких селах нет, она в городе. Основные жители — доживающие свой век старики. Правда, летом здесь немало дачников.

На краю села, как печать продолжительного атеистического господства,— заброшенный православный храм, который здесь обычно

называют церковью. Когда-то в нем находился колхозный склад с запертыми на большой навесной замок дверями, но сейчас двери взломаны, полы сорваны. Остались одни мощные дубовые балки, уложенные добросовестными строителями «на века».

Мы зашли внутрь полуразрушенного здания: своды все сохранились, кое-где видны фрески; рядом со святыми письменами на церковно-славянском языке — безбожные надписи по-русски. Кто-то из друзей тихо запел наш любимый гимн:

Ты — мой Бог святой, я к Тебе стремлюсь,
Ибо знаю: в Тебе покой.
У Твоей груди успокоюсь я,
Успокоится сердце мое.

Все сразу подхватили мелодию, привычно разбившись на гармонические голоса и полифонические подголоски. Храм наполнился удивительным звучанием. Акустика осталась прекрасной. На моих глазах выступили слезы, я не смог их скрыть. Сопереживая мне, некоторые из моих друзей тоже пели со слезами. В образе этого храма мне виделась великая, любимая Русь с ее доверчивым, добрым, но обманутым народом.

Через пролом в стене мы вышли на сельское кладбище. Я пробирался сквозь густую крапиву, местами достигавшую человеческого роста, не чувствуя ожогов. Покосившиеся кресты, заброшенные памятники на могилах с прогнившими деревянными оградками. А вот и он, последний земной приют моих любимых старцев. Как прожили они свою многотрудную жизнь неразлучно, так и покоятся их тела вместе, ожидая первого воскресения.

Железная оградка, покрашенная черной краской, два памятника без крестов, ни одного сорняка — везде видна заботливая рука тети Тани, младшей сестры моей матери. Она живет в Коврове, в двадцати пяти километрах от Русино. С овальных фотографий на памятниках смотрят мои милые, добрые дедушка с бабушкой. Мне уже пошел шестой десяток, но память со скрупулезной точностью воскрешает пережитое в детстве. Я сразу почувствовал себя очень маленьким и очень виноватым. Бесконечная доброта старцев навсегда запечатлелась в моем сердце. Скупая, выгравированная на памятниках надпись, мало что говорящая другим, мне говорила о многом:

Пушков Петр Федорович, 1885–1965
Пушкова Ефросинья Тимофеевна, 1886–1972

Элегическая грусть воспоминаний нахлынула на меня. Хотелось уединиться, но я, как хозяин здешних мест, должен был оказать гостеприимство моим милым друзьям и сотрудникам на ниве Божьей.

Всего на двадцать минут заехали мы на Вьюнку, где жили когда-то мои дедушка с бабушкой. Теперь здесь обосновалась база отдыха какого-то большого завода. Я прочитал друзьям несколько юношеских стихов, многие из которых в рукописях были конфискованы при обысках, показал место, где стоял домик дедушки, немного рассказал о нем.

Мне было приятно видеть задумчивую грусть на лицах друзей. Некоторые восхищались красотой здешних мест. Кто-то сказал: «Да, здесь просто невозможно не быть поэтом». Мы помолились, спели несколько гимнов, вызвав удивление у отдыхающих на реке, и стали торопиться в путь, так как вечером в Коврове нас ожидало евангелизационное служение.

На прощание я спросил одного из отдыхающих:

— Как называется эта база отдыха?

— Вы не знаете? — удивился он. — Ее назвали «Пушок», по фамилии жившего здесь много лет деда-бакенщика.

Милый дедушка! О нем осталась память как о бакенщике. Естественно, со временем все забудется, все изгладится из людской памяти, и только записанное у Небесного Отца, сделанное для Его славы, останется вечно.

Фамилию Пушков я унаследовал от дедушки, отца моей матери. Мой отец был Кольпиков, но при бракосочетании взял фамилию мамы. Мои воспоминания в основном связаны с родителями мамы, так как с ними прошло мое детство и юность.

Со стороны отца я помню его мать — бабушку Анастасию, которая была евангельской христианкой. Из братьев отца с почтением вспоминаю дядю Алексея. Он был проповедником Евангелия. В начале войны (1941–1945) он был арестован за верность Господу и долгие годы, до самой смерти Сталина, носил арестантскую робу в зонах Караганды. Отпустили дядю домой смертельно больного: у него был рак, притом на стройке в зоне он упал с двадцатисемиметровой высоты. Помню, как он читал свою поэму в стихах, посвященную моей маме, ушедшей в вечность. Дядя Алексей знал маму с юности и очень ценил как христианку. Не могу простить себе глупого поступка, когда я, будучи еще далеким от Бога подростком, предложил ему однажды сыграть со мной партию в шахматы. С глубокой грустью он посмотрел тогда на меня. Вскоре он ушел в вечность.

О дедушке, Пушкове Петре Федоровиче, хочется написать более подробно, так как он первый в нашем родстве принял евангельскую веру. Уверовал он в 1904 году, уже будучи женатым на Ефросинье Тимофеевне — дочери зажиточного крестьянина. По природе дедушка был скромным и малоразговорчивым человеком.

О том, как он уверовал, мне рассказал его старший брат Михаил.

Мы с отцом посетили дедушку Михаила, когда я был еще совсем юным. То было время гонений на Церковь Христову, пробуждение в братстве евангельских христиан-баптистов только началось. Дедушкин дом в селе Красная Норковка стоял напротив сельского клуба. Вечером в его доме собрались верующие. Я тогда учился в музыкальном училище и был необращенным, но по просьбе отца все же взял скрипку. Папа аккомпанировал на двухрядной гармонике, я играл на скрипке, а юная сестра Тоня Афонина чудесным сопрано пела христианские гимны.

Исполнение «Авеля» было настолько впечатляющим, что, услышав пение (окна в доме были раскрыты), сельская молодежь хлынула в дом дедушки. Помещение наполнилось до отказа. Но дедушка не растерялся. Он велел юношам снять головные уборы и стал со слезами читать Евангелие, держа его в единственной руке (вторая была ампутирована).

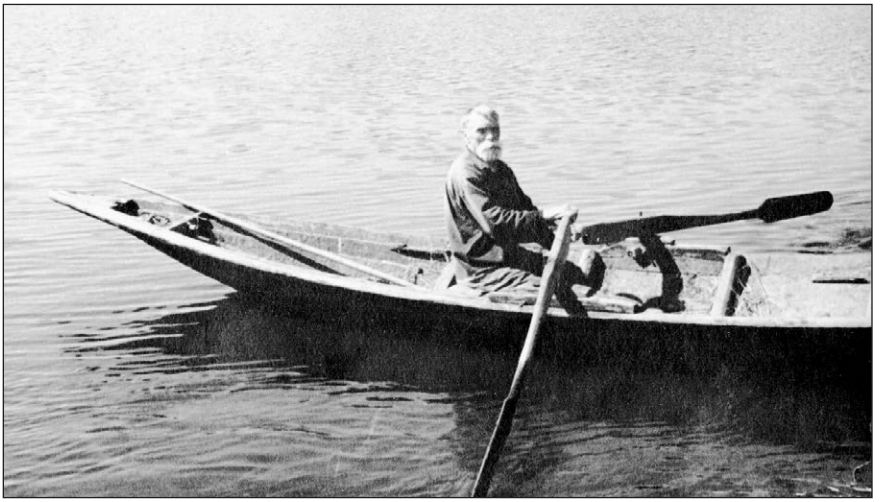
Дедушке было уже более восьмидесяти лет, но голос его звучал по-юношески звонко, и огонь его проповеди зажигал холодные сердца. Покаялся ли в тот вечер кто-нибудь — не помню. Я сам тогда был еще очень далек от Христа. Меня манила мирская слава, музыка, поэзия, философия. И все же, скорее сердцем, чем разумом, я начинал тянуться к Христову свету.

Утром прибежала испуганная соседка и сообщила, что председатель сельсовета с милиционером ходят по домам и расспрашивают, что за люди прибыли к Михаилу Федоровичу. Не желая встречаться с милицией, я спрятался на сеновале. А дедушке Михаилу учинили допрос и составили на него акт.

Перед отъездом из Красной Норковки у меня с дедушкой состоялся прощальный разговор (с тех пор я его больше не видел, он вскоре ушел в вечность). Дедушка попросил меня остаться с ним наедине. Вероятно, он думал, что я уже обратился к Господу. Горячо помолившись со слезами на глазах, он сказал:

— Если бы ты знал, дорогой внучек, как я рад видеть тебя служащим Господу! Я так виновен перед твоим родным дедушкой Петром, моим младшим братом! Посмотри на мой обрубок руки,— продолжал он. — Тебе, наверное, интересно знать, где я потерял руку? Бог отнял ее у меня! Бог любит меня, а с этой рукой Он не мог меня взять к Себе. Этой рукой я сотворил страшный грех, внучек мой!

Он уткнулся бородой в мое плечо и заплакал, как младенец. Немного успокоившись, дедушка рассказал следующий эпизод из жизни своего брата.



Уверовал дедушка Петр в селе Кононово, что на реке Оке. Спустя полгода после женитьбы он перешел жить к тестю. Отец дедушки — всеми уважаемый церковный староста — был большим ревнителем православной веры. Узнав, что Петр ходит в соседнее село на собрание к баптистам, мой прадедушка исполнился ярости. Вместе со старшим сыном Михаилом он стал избивать Петра, заставляя его пойти в православную церковь и перед всеми отречься от баптизма.

— От истины отречься не могу,— тихо, но твердо отвечал дедушка.

Его опять били и, окровавленного, решили насильно притащить в церковь.

— Я ухватил его за шиворот, а отец — за волосы,— продолжал дедушка Михаил,— и так через все село волокли его. Отец в неистовстве кричал: «Смотрите, православные, как надо расправляться с еретиком!»

Дедушка Петр хотя и был крепкого телосложения, но не сопротивлялся. Его затащили в храм перед началом службы.

— Отрекись, окаянный! — кричал прадед.

— От истины отречься не могу,— все так же кротко, но твердо отвечал дедушка.

Потом подошел священник и велел ему перекреститься.

— Бог не требует служения рук человеческих, меня спасает Христос, а не крестное знамение, выдуманное попами,— ответил дедушка.

— Тащите окаянного из храма! — закричал священник.

— И вот этой рукой,— дедушка Михаил опять показал на свой обрубок,— я сильно ударил Петра и вытащил из храма...

Дальнейшую историю поведала мне бабушка Ефросинья, которая после смерти дедушки Петра прожила еще семь лет.

— Мой отец,— начала свой рассказ бабушка Ефросинья,— выгнал нас из дому. Мы ночевали в заброшенном сарае. Я упрашивала Петра не ходить пока к баптистам, но он не соглашался. Тогда я решила уйти от него и не губить свою молодость. Около двух месяцев он жил в сарае один, прилежно молясь Богу. И Бог начал работу в моем сердце. Мне стало очень жалко своего мужа. Он был добрым и кротким, и я вернулась к нему. Потом, ради любопытства, я решила пойти с ним на собрание к баптистам. Мне понравилось. Вскоре я покаялась и приняла крещение. Когда у нас родилась первая дочь, Мария, мой отец, сжалившись, разрешил нам занять одну комнату в его доме, пока мы достроим свой дом.

Так уверовали дедушка Петр и бабушка Ефросинья. Их первая дочь стала моей мамой. У дедушки с бабушкой было тринадцать детей, но все они, кроме старшей и младшей дочери, умерли в детстве.

Перед войной (1941–1945) дедушку с бабушкой постигло большое горе: по неизвестной причине дотла сгорел их дом. Из вещей ничего не удалось спасти. Они решили уйти из села. Старшая дочь была уже многодетной матерью и жила в Коврове. К ней-то и пришли дедушка с бабушкой с узелком в руках, в котором помещалось все их имущество.

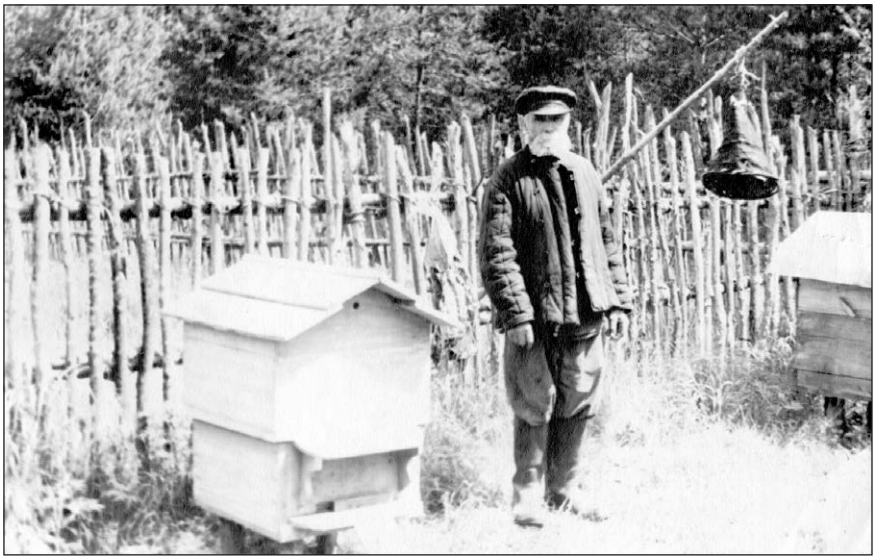
Младшая дочь Татьяна осталась жить у своей старшей сестры Марии, так как ей нужно было учиться, а дедушка с бабушкой через некоторое время поселились в двадцати пяти километрах от Коврова. Местность называлась Вьюнкой, по названию ручья, который протекал там и впадал в Клязьму. Река в то время была судоходной, и дедушка стал работать бакенщиком. Очевидно, Сам Бог предусмотрел все это, чтобы спасти нас от голодной смерти в военные и послевоенные годы.

До чего же красивым был тот незабываемый уголок природы! Может быть, это всего лишь идеализированное представление детства и юности? Однако, объехав Польшу, Германию и весь бывший СССР, я не нашел более прекрасного места. До сих пор я с каким-то трепетом вспоминаю и мысленно созерцаю ту красоту. Там я научился понимать особый язык природы, который передается только музыкой или поэзией.

Дедушка едва ли наслаждался той красотой. Тяжелый, изнурительный труд был его уделом до глубокой старости. Сначала он вы-

рыл землянку, в которой прожил с бабушкой лет пять. Потом дедушка один построил небольшой домик. Помогать ему было некому, так как моего папу взяли на фронт, я только родился, а моей старшей сестре исполнилось восемь лет. Этот одинокий домик на берегу живописной реки, окруженный с трех сторон лесом, так и остался на всю жизнь в моей памяти. В нем дедушка с бабушкой дожили до глубокой старости, а когда дедушка стал нетрудоспособным, тетя Таня перевезла своих родителей в село Русино.

Дальнейшее повествование о дедушке с бабушкой тесно переплетается с жизнью моих родителей.



Дедушка Петр

МОИ РОДИТЕЛИ

МОЙ отец, Кольпиков Никифор Федорович, родился в 1909 году. Его мать — бабушка Анастасия — впоследствии стала евангельской христианкой, а отец так и остался в православии (он умер до моего рождения). Был он, как рассказывали, крутого нрава; очевидно, его характер отчасти унаследовал мой отец.

Старший брат отца, Василий Федорович, хотя и не отрицал Бога, но стать евангельским христианином так и не решился. Умер он,

когда мне было лет десять. Его жена Матрена Тимофеевна была членом церкви ЕХБ в Меленках Владимирской области.

Второй брат отца, Алексей Федорович, любил Господа. Он в юности принял крещение вместе с моей мамой, был талантливым проповедником и поэтом. Но поэты того времени, как правило, оставались безвестными, а труды их, конфискованные при многочисленных обысках, навсегда исчезали в безбожных учреждениях.

Младший брат отца, Роман Федорович, стал инженером-энергетиком. Сильно увлекался спиртным. Умирал он в тяжелой болезни, года два пролежав без движения. Вероятно, перед смертью раскаялся в своих грехах.

Семья отца жила в селе Илькино, рядом с Кононовым. Уверовал отец в молодости. Когда все четыре брата в их семье стали взрослыми, они, будучи очень трудолюбивыми, сконструировали крупорушку — приспособление для отделения зерна от мякины. Этот агрегат приводился в движение лошадьми, ходящими по кругу. Семья зажила хорошо. У них не было наемной рабочей силы, но бабушка, мой отец, жена старшего брата и второй брат с женой стали баптистами, и этого было достаточно, чтобы причислить их к кулакам, отобрать все нажитое непосильным трудом, а родителей отправить в ссылку.

Папа со слезами рассказывал мне, что пьяницы и лодыри, встав у атеистического руля, зверствовали во всей округе. Они подгоняли к домам повозки, грузили людей, кого в чем заставали одетым, и отправляли в ссылку. Самых трудолюбивых людей объявляли врагами народа.

Родителей отца сослали на Урал, в Магнитогорск. Мой папа добровольно поехал с ними в ссылку, не желая оставить их одних. Как-то я спросил его, почему из четверых братьев именно он поехал в ссылку. Он так пояснил: «Старшие братья жили своими семьями, младший был еще юношей. Я понял, что жить с родителями — мой долг».

Спустя годы папа несколько раз приезжал ко мне в Челябинск. Однажды мне нужно было по служению ехать в Магнитогорск. Он упросил меня взять его с собой. Мы прошли с ним по тем местам, где жили и работали ссыльные. Подойдя к монументу, на котором было выгравировано: *«Комсомольцам — основателям Магнитки»*, отец заплакал. Протягивая свои натруженные руки, он сказал:

— Это ложь, мой сын. Вот эти руки и руки моего отца, который не дожил до твоего рождения, руки таких же ссыльных, как мы, начинали долбить эту гору. Сколько людей здесь полегло!..

Он показал место, где стояли бараки ссыльных. Отсутствие элементарных жилищных условий, голод и эпидемии сотнями уносили ссыльных в могилу. Об их смерти, в общем-то, мало кто переживал, так как они считались врагами народа. Каждое утро из бараков вытаскивали мертвых, штабелями крест-накрест укладывали на повозку, увозили за город и сбрасывали в общую яму.

Больные, опухшие от голода, дедушка с бабушкой со слезами упрашивали моего отца оставить их и уехать, но он твердил одно: «Бог мне открыл, что я вывезу вас в родное село». Когда дедушка полностью потерял трудоспособность, а такие там, конечно, были уже не нужны, папе разрешили вернуться с родителями в свое село. Там он похоронил дедушку, а бабушка еще видела шестерых из семи детей моего отца.

Папа был на три года моложе мамы. Если он отличался строгостью, практичностью и настойчивостью, то мама была кроткого нрава, сильно любила Господа. От своего отца, дедушки Петра, она унаследовала доброе расположение к людям, застенчивость и скромность. От матери, бабушки Ефросиньи, мама унаследовала ясный, проницательный ум. Бабушка Ефросинья не умела читать, но цитировала по памяти почти весь Новый Завет, хорошо знала Библию. У них с дедушкой был обычай: ежедневно утром и вечером читать несколько глав из Священного Писания.

Крещение мама приняла в четырнадцать лет и всю жизнь хранила верность Господу. Уверовала она, как и многие в их селе, от проповеди благовестника Тараканова (если память не изменяет мне, она называла его Иваном Андреевичем). Она всегда вспоминала его с чувством глубокого почтения. Кто он, этот благословенный труженик Божий, и где закончилась его жизнь, мы узнаем, очевидно, только в вечности.

Замуж мама вышла в 26 лет. Она очень любила папу. Бабушка Ефросинья говорила, что двенадцать братьев по вере в Иисуса Христа просили маминой

руки, но она всем отказывала, пока не предложил Никиша (так она всегда звала папу). Он стал тринадцатым женихом и единственным мужем. В юности он прославился на селе как неисправимый драчун, но Господь преобразил его, и он стал учеником Христа.

Почему папа взял фамилию мамы? Во-первых, он уважал тестя, видел, что все сыновья у него умерли и некому продолжить род Пушковых. Во-вторых, на фамилии Кольпиковых висел ярлык врагов народа, и отец не желал, чтобы из-за этого страдали дети. После бракосочетания мои родители сразу уехали в Москву.

Наступили тяжелые годы борьбы с религией. Сталин планировал покончить с верующими. Повсеместно закрывались молитвенные дома, но в Москве один оставался открытым из идеологических соображений. У мамы был хороший голос (сопрано), отличный слух и прекрасная память. Ее пригласили в хор, иногда она пела соло. Об этих годах мама вспоминала как о самых лучших в ее жизни.

Семья росла. В 1933 году родилась Вера, в тридцать четвертом — Виктор (он вскоре умер), в тридцать пятом году — Лидия. Жить в Москве на квартире и содержать семью папа больше не мог и потому вынужден был уехать в Ковров, где ему предложили должность лесничего. Поселились они за городом в лесной сторожке. Папа обстроил сторожку, завел корову, поросенка, кур, и жить стало веселее. Потом папа начал строить дом в самом Коврове. В 1936 году родился Анатолий, в тридцать восьмом — Вениамин, а в сорок первом году, перед началом войны, угодно было Богу, чтобы и я появился на свет. Семья переселилась в недостроенный дом.

Хотя имя Евгений переводится с греческого языка как «благородный» или «рожденный для счастья», с моим рождением беды стали посещать нашу семью одна за другой.

ГОДЫ ВОЙНЫ

Я ПОДРОБНО описываю некоторые периоды нашей жизни потому, что трудности, переносимые нами, были во многом сходны с трудностями других семей. Судьба нашей семьи была, как говорят, типичной для многих семей, уповавших на Бога в те трудные годы. Поэтому, повествуя о своей жизни, я хочу как бы нарисовать общую картину переживаний тех, кто шел за Господом в нашей атеистической стране.

Я родился шестого марта, а двадцать второго июня началась война. Была объявлена всеобщая мобилизация. Папу забрали, оставив семью без кормильца. Надежда была только на Господа.

Когда немецкие войска подошли к Москве, для живущих в Подмосковье (Ковров находится примерно в двухстах километрах от Москвы) начался сильный голод. Вера в живого Бога была запрещена. Власти установили за верующими слежку. Никто не решался предоставить свой дом для богослужений, и мама пригласила единоверцев проводить собрания в нашем доме.

Ночами мама работала в котельной кочегаром, а днем всеми силами старалась спасти детей от голода: нанималась шить одежду, перелицовывала поношенные вещи, брала в стирку белье. Иногда она падала от изнеможения. Помню, как она лежала без движения (мне было года три), а старшая сестра со слезами побежала к соседям занять молока, чтобы мама выпила и поднялась.

Когда мама уходила на работу, мы, побуждаемые голодом, иногда расстилали на полу старое покрывало и высыпали на него сушеные картофельные кожурки. Их когда-то сушили для коровы, но потом ее не стало, а кожурки остались. Среди них мы тщательно выискивали кусочки картофеля. Однажды нашелся засохший кусочек хлеба. Не зная, как его поделить, мы обратились к старшему брату Анатолию (он учился во втором классе). Анатолий велел отдать сухарь мне, как младшему в семье. Наверное, всю жизнь я буду помнить бесподобный вкус того сухарика.

Весной мы часто выходили на проталины искать полусгнившую картошку. Ее перетирали, промывали водой и собирали крахмал. Из него варили кисель или же пекли что-то вроде оладьев. Все это казалось тогда невероятно вкусным.

Встречи с дедушкой Петром для нас всегда были праздником. Зимой, когда морозы порой достигали сорока градусов, дедушка с бабушкой копили для нас молоко. Раз в неделю, в субботу, дедушка ставил фляги с молоком на самодельные сани, впрягался в них и вез к нам в город. Это был тяжелый труд. Дорогу часто переметало снегом, дедушка выбивался из сил, но молоко возил всю зиму. Когда он входил к нам в дом, его борода была покрыта ледяными сосульками, а сам он еле стоял на ногах.

Молоко мы частью продавали, частью меняли на отруби, чтобы испечь хлеб. На муку меняли очень редко, так как она была очень дорогая. Весной, летом и ранней осенью дедушка носил молоко на себе. Мама тоже ходила за молоком. Были случаи, когда она ходила дважды в течение суток. Это, конечно, неимоверно трудно, но

такова материнская любовь. Каких-либо транспортных средств для передвижения тогда не было.

За годы войны мама сильно постарела и выглядела даже старше бабушки Ефросиньи. Тяжелым переживанием был арест оставшихся в церкви братьев. Перед их арестом ночью обыскали все дома верующих, конфисковали религиозную литературу. На всю общину осталась одна Библия. Во время обыска мама набросила на нее снятый с головы платок, а потом незаметно переложила в мою кроватку под одеяло. В ту ночь маму арестовали и не отпускали целые сутки. Некоторых братьев осудили, другим удалось уехать в далекие края.

Помню воскресное собрание после обыска. Старушки медленно, дважды повторяя припев, долго пели многокуплетный гимн «Не тоскуй ты, душа дорогая». Потом все со слезами молились, горюя о том, как дальше жить и служить Господу без братьев и Библии. После молитвы мама достала уцелевшую Библию и, к всеобщей радости, стала читать из нее слова утешения. Собрания так и проходили в нашем доме, только с тех пор я стал очень бояться милиционеров и людей в кожаных куртках.

Незадолго до обысков мама пережила не менее сильное потрясение. Неожиданно пришло письмо с фронта. Конверт был подписан незнакомым почерком, а в конверте — записка от папы: *«Дорогая моя Мария, дорогие дети! Наверное, это последняя весточка от меня. Поручаю вас Господу. Остаюсь верным Ему. Буду ждать вас на небе. Крепко-крепко целую вас. Ваш муж и папа».*

Получив эту записку, мама тотчас собрала всех детей, объяснила, что папе очень трудно, и велела молиться за него. После слезной молитвы, вознесенной к Небесному Отцу, она вдруг спокойным голосом сказала:

— Дети, не плачьте, наш папа скоро вернется.

Мама часто наставляла нас любить папу и всегда молиться за него. Младшие из детей иногда спрашивали: «А какой наш папа?» Мама всегда отвечала: «Ваш папа самый хороший!» Как она любила его!

А папе между тем было нелегко, как и всем в то время. Когда его призвали в армию, он много молился, чтобы Господь дал ему ясность, как поступать с оружием. Он понимал, что заповедь «не убивай» относится к каждому уверовавшему в Иисуса Христа.

После учебы отца отправили на фронт. «Господи, помоги!» — постоянно взывал он, желая проявить верность Господу.

В роте был татарский мулла. Когда отец поделился с ним своими переживаниями, мулла прошептал:

— Твоя пять детей имеет! Твоя должен молчать, иначе твоя — каюк. Моя научит твоя, как делать...

Мулла посоветовал отцу взять винтовку и стрелять, как он: по верхушкам деревьев. Несколько дней отец так и поступал, но совесть судила его за то, что он дает повод другим брать оружие и убивать. Он решил открыто заявить о том, что является христианином и не может убивать людей. Командир тут же выхватил револьвер и закричал:

— Застрелю, как собаку! Ты — неверующий! Все верующие, согласно постановлению ваших старших, защищают страну! Ты — предатель! — Немного успокоившись, он добавил: — Не хочу руки марать твоей кровью, собака, пусть трибунал тобой занимается!

С отца сняли обмундирование, дорого тогда ценившееся, и в одном нижнем белье бросили за колючую проволоку. Стояла осень. Выпал первый снег, а отец находился под открытым небом. До ночи он боролся с холодом, но потом, теряя силы, стал застывать. Подозвав часового, он во имя Бога попросил его исполнить последнюю просьбу: передать домой прощальное письмо. Часовой долго колебался, потом дал отцу карандаш и клочок бумаги и все же передал письмо с уходящей почтой.

К утру у отца поднялась высокая температура, он потерял сознание. Утром неожиданно вышел приказ: раненых и тяжело больных срочно отправить в тыл, так как немцы перешли в наступление. В начавшейся панике санитаров мало интересовал вопрос, кто есть кто. Отца в бессознательном состоянии отправили в тыл. Произошло ожесточенное сражение, в котором погибли все, кто искал души моего отца.

По выздоровлении, отца, как плотника, пригласил один офицер на строительство аэродромов в тылу. Так он прошел всю Польшу, дошел до Германии и там при форсировании реки был тяжело ранен: несколько пуль прошло через лопатку в легкие, несколько осталось в предплечье. Работая одной рукой, он еле доплыл до берега. Выйдя на сушу, решил отползти за бугор. Едва отполз, как по месту, где он выплыл, ударила пулеметная очередь. Бог тогда чудом сохранил ему жизнь.

Израненный отец к концу войны был демобилизован и отправлен в госпиталь по месту жительства. Целый год он пробыл в госпитале, который располагался в пятиэтажном здании бывшей школы. В той школе я потом учился. Очень хорошо помню, как мы с мамой посещали папу. Через год его выписали и определили на легкую работу. Для семьи это было большой радостью. Дедушка в то время был уже очень слаб и редко приходил к нам.

ПАПА В ТЮРЬМЕ

БЫЛ сильный голод. К нашей огромной радости, папу, как фронтовика, взяли на работу заведующим мельницей. Но работал он недолго. На его место в то голодное время претендовало много желающих, и когда узнали, что он баптист, то воспользовались этим, чтобы освободиться от него. Так папа оказался на скамье подсудимых. Суд приговорил его к пяти годам лишения свободы. Вместо легкой работы его отправили на лесоповал в Республику Коми.

Бедная мамочка! Все ее надежды на облегчение жизни неожиданно рухнули. Трудностей стало еще больше, когда родилась дочь Надя, которая приковала маму к дому. Мало того, верующие перестали собираться в нашем доме, так как статья, по которой осудили отца, была нехорошая: хищение государственного имущества. Некоторые прямо называли его вором.

Будучи уже членом церкви, я специально беседовал с папой по этому вопросу. Мне казалось, что суд не мог осудить безвинного человека. Папа полностью отрицал свою вину. Где-то в глубине души я допускал мысль, что он просто не хочет признавать себя виновным. Гораздо позже, когда мне самому несколько раз пришлось стоять перед судом, я понял, какие несправедливые, даже чудовищные обвинения могут быть предъявлены тому, кто исповедует Иисуса Христа своим Господом.

Папа рассказал мне, как его осудили. Когда он поступил на работу, на мельнице царила разруха. Что мог, он делал своими руками. Отец вел строгий учет и, конечно, сразу же не понравился тем, кто расхищал хлеб. Узнав, что он верующий и не пойдет на сделку с совестью, должностные лица решили оклеветать папу и осудить не за веру. Повод для этого вскоре нашелся.

Делая посильный ремонт, отец не мог после ранения сам перекрыть крышу, а она протекала и хлеб промокал. За гнилое зерно отца могли обвинить во вредительстве. Необходимо было срочно перекрыть крышу. Денег для этого на счету не было. Отец несколько раз обращался к начальству. «Ищите выход сами»,— отвечали ему. Нашлись люди, которые за несколько мешков муки готовы были сделать необходимый ремонт. Отец обратился к управляющему с этим предложением и получил разрешение выдать необходимое количество муки. Как только сделали ремонт и была выдана мука, коварные люди, бывшие в сговоре с НКВД, сделали на отца донос. Последовала ревизия. Управляющий наотрез отказался от сво-

их слов, и отец сел на скамью подсудимых. Свою ошибку отец видел лишь в том, что согласился в бесчестной системе быть честным заведующим.

Ну а нам нужно было как-то жить дальше. Папа мечтал дать нам образование, приобщить к искусству, передать свой жизненный опыт, но был вновь разобщен с семьей. Маме он писал из мест лишения свободы: «Продавай все, что можно, вплоть до половины дома, но детей учи».

Беды не обходили нас стороной. Как-то, уезжая на свидание к папе, мама поручила годовалую Наденьку своей сестре, тете Тане (она была замужем и жила отдельно). Сразу после отъезда мамы Наденька заболела дизентерией. Девочка быстро угасала. Дней через восемь мама вернулась и нашла дочурку в гробике, готовой к погребению. Моя милая, бедная мама! Не меньше ее была убита горем и тетя Таня, повторявшая одно и то же: «Не смогла уберечь, не смогла уберечь! Прости меня, Машенька!»

Мы оказались в бедственном положении: не во что было одеться и обуться. Если учащиеся в первую смену задерживались в школе, то во вторую уже никто не шел, так как валенки, например, были одни на двоих, а иногда и на троих. Дети фронтовиков в школе пользовались льготами: им давали кое-какую одежду и обувь, но наш отец был в глазах людей растратчиком-сектантом. Мама не разрешала нам вступать ни в октябрята, ни в пионеры. Поэтому никакими льготами мы не пользовались.

Как-то одна женщина, работник горисполкома, по фамилии Калугина (да воздаст Господь милостью ее детям, если они еще живы!) по своей инициативе привела к нам комиссию. Дом был совершенно пуст, если не считать стола, нескольких скамеек и двух кроватей, на которых мы спали поперек. Трое братьев спало на одной кровати, двое сестер и мама — на другой. Был у нас еще обитый железом старинный сундук. Он-то и привлек внимание комиссии. Мама открыла сундук. Взяв в охапку разноцветные клинышки, из которых мама шила одеяла, Калугина подбросила их вверх:

— Смотрите, уважаемые коллеги! Вот это все богатство многодетной семьи фронтовика-сектанта, расхитителя государственной собственности!

К нашей большой радости, после этого визита троим старшим школьникам выделили по зимнему пальто из байки и по паре валенок.

Несмотря на трудную жизнь, детство запомнилось мне как лучшая пора, потому что с нами всегда была любимая мама.

Особенно радостно было нам на летних каникулах у дедушки с бабушкой. С военных лет до пятидесятого года двадцатипятикилометровый путь мы совершали пешком, потом только стал ходить автобус до Дроздовки. От Дроздовки же до дедушкиного жилья через Русино было километров семь.

Какая красота ждала нас после городской пыли! Мы в полном смысле слова становились детьми природы: рыбачили, собирали ягоды и грибы, помогали дедушке заготавливать на зиму сено для коровы. Она кормила нас. Но однажды корову украли, и нам пришлось пережить особые трудности. Тогда мы научились есть ракушки-перловицы, которых в Клязьме было много. Кто-то скажет, что это отвратительно. Может быть, но нам в то время блюдо из перловиц казалось вкусным. Бывало, наловим целое ведро ракушек, зальем их водой и доведем до кипения. Когда створки раскроются, достанем саму перловицу, мягкую часть отбросим, а более твердую поджарим на сковороде. Вкусно было!

Мама вынуждена была часто ходить в город. Возвращалась она обычно к ночи. В сумерки мы собирались вокруг костра и ждали, когда вдалеке зазвучит мамин голос. Христианские гимны сопровождали ее всю жизнь. В самых отчаянных обстоятельствах она пела: «Со Христом бодрее в путь пойду я». В вечерней тишине ее голос был слышен за полтора—два километра. Заслышав пение, мы гурьбой бежали в темный лес встречать самого дорогого человека на земле.

Часто мы допоздна засиживались у костра, любуясь догорающей зарей, слушая, как замолкает птичий хор, наблюдая за тем, как ночь вступает в свои права и окутывает засыпающую природу темной вуалью. Потом, нарушая тишину, звучало несколько гимнов нашего семейного хора, и мы шли спать — кто на сеновал, а кто в шалаш, который всегда строили на лето.

В летнюю пору на выходные дни в этот прекрасный уголок природы приезжали должностные лица. У них, конечно, не было недостатка в продуктах питания, иногда что-то перепадало и нам. Им все было позволено. Почти всегда они занимались браконьерством, но они же начальники! Запрещать можно другим, но только не себе — таков был их эпикурейский тезис. Мужчины брали дедушкину лодку, отплывали на глубину, набивали взрывчаткой бутылку, поджигали запальный шнур, опускали бутылку в реку и быстро отплывали метров на сорок. Взрыв оглушал рыбу. Некоторая всплывала брюхом вверх, но бóльшая часть ее шла на дно. Всплывшую рыбу собирали сачком.

И я, и мои братья были отличными пловцами. Мы становились

ниже по течению и пускались вплавь за рыбой, которую не замечали браконьеры. Таким образом и у нас был праздник: мы приносили домой немало рыбы.

ОТРОЧЕСТВО

ПАПА вернулся из заключения в 1950 году. К тому времени церкви, как таковой, в Коврове уже не было. Уйдя из нашего дома, верующие собирались все реже, а потом и вовсе перестали проводить богослужения. Осталось несколько старушек, которые изредка посещали друг друга. Такая же картина была во многих городах России. Атеизм делал свое разрушительное дело.

Без собраний мы были подвержены пагубному влиянию мира и быстро теряли то, что восприняли на богослужениях в детстве. Измученная чрезмерным трудом, с больным сердцем, мама не могла уделить нам достаточно внимания. Взрослея, мы выходили из послушания. Этот период я описываю, как печальную исповедь.

Папа появился неожиданно, глубокой ночью. Я проснулся от стука вместе с мамой. Как она обрадовалась, открыв дверь! Выглядела она в свои сорок четыре года совершенно старой. Морщинистое лицо, почти беззубый рот, сутулость вместо былой стройности — все говорило о том, что организм износился в непосильной житейской борьбе, но прекрасные глаза ее светились от счастья. Казалось, в них вновь заискрилась надежда на возможность наладить жизнь и исправить упущенное.

Старших детей не стали будить. Мама быстро вскипятила самовар, собрала на стол что было. Папа встал, грустно посмотрел на скудную трапезу, обнял маму одной рукой и тихо сказал:

— Ничего, Машенька, и на нашей улице еще будет праздник.

Она прильнула к нему и с невыразимым восторгом заглянула в его впалые глаза. Как она любила его!

Папа совершил молитву и начал есть.

Так началась наша жизнь вместе с папой. Будучи человеком решительным и энергичным, он оборудовал половину дома под отдельное жилье, а вторую половину продал, чтобы купить нам приличную одежду и хоть как-то улучшить рацион. Папа стал строить во дворе просторный сарай, вовлекая и нас в работу. Нам трудно было входить в ритм жесткой отцовской дисциплины, и мы часто проявляли недовольство.

Построив сарай, отец купил корову и лошадь на деньги, остав-

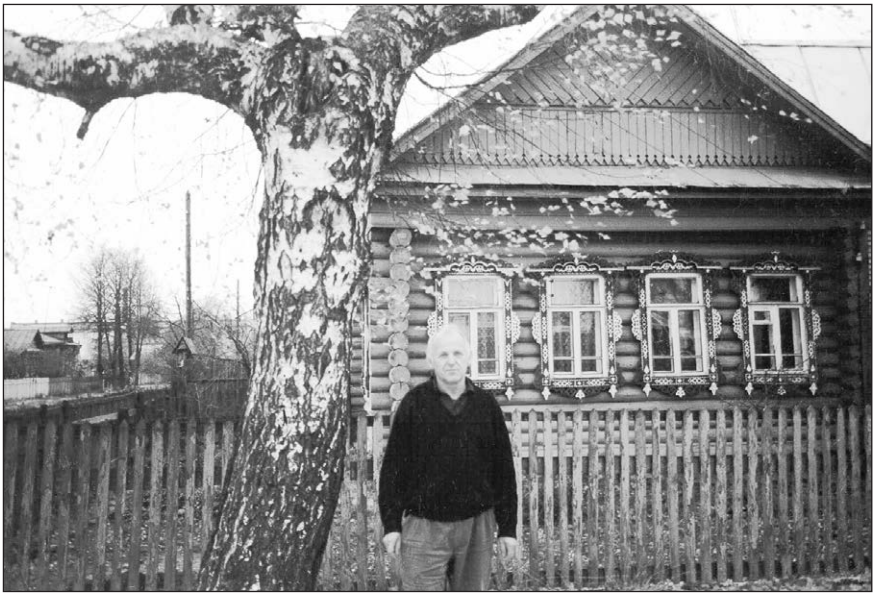
шиеся от продажи половины дома. Теперь летом мы уже не отдыхали у дедушки, а всей семьей нанимались на заготовку дров. В лесу валили дубы, распиливали их на метровые чурбаны и складывали в поленницу. За кубометр нам платили четырнадцать рублей, а килограммовая буханка на рынке стоила около пятидесяти рублей. Потом мы нанимались валить сосновый лес. Там платили больше, потому что сосна шла как стройматериал.

Как-то раз летом мы нанялись всей семьей косить колхозные луга. На всю жизнь запомнился мне изнурительный труд косаря. Я косил наравне со взрослыми. Косили даже мои сестры и мама. Вставать приходилось на рассвете, часа в четыре утра. Косили до восьми или девяти часов. Потом завтракали и немного отдыхали. С десяти часов до обеда сушили сено, а после обеда сгребали его, копнили и свозили в стог. С шести вечера до сумерек опять косили. После ужина падали как убитые и моментально засыпали. Труд был порой невыносимым, а отец только повторял: «Тяжело работать? — Учитесь, чтобы иметь специальность и не добывать хлеб таким тяжелым трудом». При такой изнурительной работе у нас пропадало поэтическое восприятие природы. Зато мы с радостью ожидали начала учебного года и учились с большим усердием.

Отец не позволял нам праздно проводить время. Продав вторую часть дома, он переселил нас на квартиру и взял земельный участок. На этот участок мы перевезли бревенчатый сарай, оборудовали его под жилье и стали строить большой дом. Чтобы работа шла быстрее, папа купил вторую лошадь. Каждое бревнышко на строительство дома мы сами привозили из леса.

Зимой, как только мы приходили из школы со второй смены, папа брал одного из сыновей в лес. На специальных санях с прицепленными к ним подсанками мы вывозили из леса длинные бревна. Возвращались из леса ночью, так как нужно было повалить дерево, обработать его, затащить на сани и десять километров везти домой. Папа распрягал уставшую лошадь, запрягал другую, будил кого-то из сыновей и снова ехал в лес. Я только сейчас вполне могу понять, как он сам уставал. Так мы строили дом до начала 1954 года.

Увлеченный материальной стороной жизни, отец стал духовно слабеть. Ему часто приходилось иметь дело с лесниками, которые любили водку. Он стал иногда выпивать с ними. Бедная мама! Такого она, конечно, совсем не ожидала. Ее здоровье резко ухудшилось: сковал суставной ревматизм. У нее постоянно болели руки, ноги и сердце. Она еле-еле передвигалась по дому.



У родительского дома

К этому времени моя старшая сестра Вера поступила в педагогический институт на заочное отделение и работала на заводе. Лидия училась в техникуме. Анатолий заканчивал школу. Учился он отлично, был вполне послушным, а Вениамин сдружился с нехорошими ребятами и вел себя просто отвратительно. Однажды отец строго наказал его, но наказание не пошло ему на пользу: Вениамин ушел из дому, чем окончательно подорвал здоровье мамы. Она много молилась за него, писала ему увещательные письма. Вениамин возвратился домой, но дурных наклонностей не оставил. Отцу трудно было наставлять его, так как он сам жил неправильно.

Постепенно мир стал манить к себе и меня. Я очень любил музыку. Вечерами, когда в парке начинал играть оркестр, непреодолимая сила тянула меня туда. Я выучился играть на двухрядной гармошке и далеко не всегда играл гимны для мамы.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, мама упросила папу отдать меня в музыкальную школу, в класс скрипки. Это была ее давняя мечта. Отец, видя мои мирские наклонности, долго не соглашался, но мама все же убедила его.

— Я верю,— сказала она,— что Господь призовет Женю к Себе и его скрипка будет славить Господа.

В музыкальную школу я пришел двенадцатилетним подростком, не по годам крепкого телосложения. После покоса у меня были очень жесткие, мозолистые руки. На приемных экзаменах я показал свои руки и сказал, что хочу играть на скрипке. Некоторые из учителей откровенно рассмеялись: на скрипку брали детей не старше семилетнего возраста.

Никогда не стал бы я скрипачом, если бы не учитель Алексей Петрович Павлычев. Выходец из простого народа, он проникся ко мне жалостью. Притом у него в классе недоставало как раз одного ученика, а желающих учиться на скрипке больше не было.

Я стал усиленно заниматься и вроде достигал успехов, но когда мне пришлось услышать, как играла на скрипке моя ровесница, учащаяся пятого класса, то захотелось разбить свой жалкий инструмент и больше никогда не брать его в руки. Учитель все же сумел ободрить меня и вселить в мое сердце надежду, что я тоже так заиграю. Упрямый по природе, я стал заниматься настойчивее.

Мы уже перешли в новый дом, но отец достраивал сарай и по ночам все еще ездил в лес, а утром отдыхал. Я начинал свои музыкальные занятия с нудных упражнений, и отец иногда умоляюще просил:

— Ну замолчи хоть на часок, дай отдохнуть!

Как-то раз я играл один из этюдов Вольфарта, начало которого очень напомнило маме какой-то гимн. Милая мама! Она подумала, что я уже играю христианские гимны, и ее бесхитростная душа умилилась до слез.

— Сыночек, отдай свое сердце Господу! — просила она. — Служи Ему своим даром, и Он не оставит тебя.

А у меня и в мыслях не было приближаться к Богу. Я уже обманывал родителей и убегал вечером в парк, иногда брал гармошку и играл друзьям мирские песни. Мало того, мне захотелось иметь личные деньги, и я, прячась от взрослых в недостроенных домах, стал играть в карты на деньги с уличными ребятами. Чувствуя физическое превосходство над другими, я не сносил оскорблений и часто дрался не только со сверстниками, но и со старшими. Анатолий не раз вытаскивал меня из сомнительных компаний, а Вениамин, наоборот, затягивал.

Закончив школу с золотой медалью, Анатолий поступил в институт и уехал учиться. Я только почувствовал полную свободу действий, как вдруг невосполнимая утрата постигла всю нашу семью: 18 сентября 1954 года перестало биться сердце нашей мамы, изнуренной в тяжелой жизненной борьбе.

Мама, милая мама! Только тогда мы ценим матерей по-настоящему, когда их уже нет. Жизнь нашей мамы была беспрерывной цепью страданий. Знай заранее все звенья этой цепи, она вряд ли смогла жить. По-видимому, из-за великой любви к нам Бог зачастую скрывает от нас наше будущее.

«Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх»,— читаем мы в книге Иова. Но если земная жизнь — это цепь страданий, то есть ли смысл в земном бытии? В том-то и секрет, что наше счастье — стремление вверх, в небо. Кто не познал этого, чей взор не направлен вверх, тот рано или поздно испытает глубокое разочарование и трагическое крушение всех своих жалких земных устремлений. Но как отказаться от земного? Как стать искоркой, устремляющейся вверх? Здесь кроется разгадка смысла страданий. Только страдания делают нас искрами, поднимающимися вверх.

Милая мама! Можно ли сказать, что у нее не было счастья в жизни? — Нельзя. Может быть, земного счастья было и не так много, зато глубоко в сердце — искреннем, любвеобильном — она носила небесное счастье. Она исполнила свое предназначение, и ее жизнь стала искоркой, способной бесцветную прозу жизни ее детей превратить в поэзию веры, в поэзию духа. Мама очень любила петь гимн «Когда одолеют тебя испытанья»:

Терпенья не станет, ослабнут ли силы,
В тумане сомнений потонет душа —
С девизом иди ты до самой могилы,
Ведь жизнь и в страданьях всегда хороша.
В ней большего счастья не может и быть:
Надеяться, верить, любить.

Милая мама! Я пишу эти строки спустя тридцать девять лет после ее смерти. Ее голос уже не звучит, но он никогда не умолкал в моем сердце. Мало того, он вновь зазвучал в сердцах ее пятерых детей, когда они через покаяние и крещение соединились с Создателем. Теперь у нас есть надежда на то, что в час, когда прозвучит труба Архангела и позовет на небесную перекличку всех верных Господу, в числе спасенных будем и мы.

Гроб с телом мамы стоял в просторном зале нашего нового дома. Она любила Иисуса, любила братьев и сестер по вере, всегда радовалась, когда могла своим домом послужить Господу. И вот она опять собрала многих братьев и сестер в новый дом. Только этот дом ей уже совершенно не нужен, потому что Небесный Отец предложил ей лучшее жилище.

На похороны мамы съехались верующие из многих городов. На это траурное богослужение мама собрала и нас, детей. Мои родные братья и сестры безутешно рыдали, я же стоял сам не свой, не в силах своим детским умом осознать происходящее. Звучали проповеди, гимны, призыв к покаянию, но никто из нас не покаялся. Мирское начало брало верх, заглушая посеянные мамой семена веры.

«Вот и все,— думал я. — Похоронят маму, и вместе с ней исчезнет вера в нашей семье. А мама всегда молилась о нас. Почему Бог не услышал ее молитв? Она же была истинной христианкой...»

Яд атеизма, постоянно впрыскиваемый в мой разум в школе и на улице, отравлял душу, а противоядия — постоянных богослужений — не было. Смерть мамы не повернула нас лицом к Богу, а только на короткое время остановила на жизненном пути и заставила задуматься о смысле бытия. Опыт маминой жизни еще не стал нашим опытом. Нас увлекала заманчивая перспектива возможного земного счастья. Нам тогда казалось, что можно найти счастье без Бога. Лев Толстой говорил: «Умный человек должен поверить на слово, что огонь горячий». Но где взять этот ум в отрочестве, в юности, чтобы не поддаться искушению проверить все самому, подвергнув сомнению мудрость и опыт других?

Конечно, пути Господни неисповедимы. Долгие годы я блуждал по лабиринту человеческих мудрствований и теперь могу показать тщетность поиска истины и счастья без Бога. И все же, если бы моя детская душа не перестала наслаждаться духовной атмосферой христианских богослужений, являющейся надежным иммунитетом против «мирских вирусов», то я не блуждал бы так долго по стезям этого мира.

Богослужебные собрания необходимы для возрождения души. Потому дьявол и старается лишить детей Божьих возможности общения друг с другом и с Богом, предлагая различные системы самосовершенствования, будь то оккультизм, антропософия, экстрасенсорика и т. п. Единственное, в чем я не сомневался тогда,— в том, что жизнь моей мамы и подобных ей людей — чистая и святая. Они на деле доказали возможность любить самой высокой любовью, полагая душу свою за друзей и ближних. Это превосходство христианской этики над схемами светской морали не дало мне, при всех сомнениях и колебаниях, встать на сторону атеизма, господствовавшего в годы моей юности.

История нашей дальнейшей жизни грустная. Не находя силы противостоять греху, мы вместе с отцом покатились по наклонной плоскости. Старшая сестра вскоре вышла замуж за неверующего.

Анатолий хотел сначала устроить свою жизнь с материальной стороны, а потом только думать о Боге. Оставив институт, он попал в армию, затем поступил в другой институт и окончил его с отличием. Вениамин вроде стал серьезнее. Он поступил в техникум, но вел совершенно не христианский образ жизни. Лидия вынуждена была оставить техникум, чтобы заняться домашними делами (позже она все же окончила его). Она как-то по-особому любила меня и старалась хоть сколько-нибудь заменить ушедшую в вечность маму.

Отступив от Бога, отец потерял авторитет в наших глазах и моральное право наставлять нас. Мы получили возможность бесконтрольно заниматься своими делами. Чем я только не увлекался! У меня появилось желание стать знаменитым человеком или, по крайней мере, известным. Моим сознанием завладел лозунг: «Человек — это великолепно, это звучит гордо». Я занялся спортом.

В четырнадцать лет, став чемпионом города по лыжному спорту, я получил приглашение в спортивную школу, которую посещал три года. Выступал на соревнованиях по многим видам спорта, имел призовые места в области; увлекшись боксом, вызывал на поединок каждого, кто задевал мое самолюбие. Учился я всегда хорошо, получал много похвальных грамот. Если бы я вступил в комсомол, то среднюю школу закончил бы с медалью. Но при всем мирском образе жизни в пионеры и комсомол я не вступал, считая это окончательным отступлением от Бога.

После смерти матери боль утраты еще долго жила в моем сердце. Я начал писать стихи, доверяя перу тайные движения сердца, много времени уделял скрипке, стараясь овладеть техникой игры. Имея серьезные увлечения, я между тем немало времени проводил бездарно. С соседскими сверстниками я нередко ходил в парк на танцплощадку. Несмотря на весело проведенное время, по возвращении домой я каждый раз испытывал угрызения совести. Однако на следующий вечер я опять шел туда же. Я часто брал гармошку и играл танцы и пляски для молодежи своего поселка. Меня стали хвалить, как хорошего гармониста, мне это нравилось. Появились первые юношеские увлечения, и только природная застенчивость и молитвы мамы хранили меня от падения.

К дедушке с бабушкой мы стали ездить реже. Мне трудно было переносить кроткий взор дедушки и бесконечные расспросы бабушки. Однажды я решил показать своим друзьям красоту того уголка природы, где жил дедушка. Мне в ту пору было шестнадцать лет. Нас приехало человек десять. Дедушка с бабушкой очень удивились нашему визиту, но не запретили нам взять лодку и развлекаться.

Мне очень хотелось накормить своих друзей свежей рыбой. Вместе с соседом мы отправились на другой берег реки, надеясь найти там небольшие заводи и наловить щурят, но, к сожалению, ничего не поймали. Назад мы шли мимо озера, и я заметил расставленные в воде сети. Мне пришла в голову мысль взять рыбу из сети. Я поделился лукавой мыслью с соседом, он одобрил ее. Так я стал вором. Всю жизнь с содроганием сердца вспоминаю этот момент. Все начинается с мысли, а дальше тянется известная цепочка: желание—поступок—привычка—характер—судьба—приговор. Верю, что по молитвам мамы Бог помог мне порвать эту цепочку. Я дошел только до поступка.

Сеть была пустая, и мы решили взять ее с собой, чтобы на ночь поставить в реке и все же наловить рыбы. В кустах мы еще обнаружили сохнущие сети и решили их тоже взять. Благополучно переправившись через реку, мы готовились ставить сети, но в это время двое мужчин с противоположного берега стали звать дедушку, чтобы он перевез их, что он и сделал. Мужчины были с двуствольными ружьями. Оказывается, пастух увидел, что мы забрали сети, и сообщил об этом владельцам. И вот они прибыли, чтобы свести с нами счеты.

Бедный дедушка! Я видел, как исказилось его лицо от невыразимой муки. За всю свою жизнь он даже мысли не допускал взять чужое, а его родной внук, сын любимой дочери, оказался вором! Эти строгие мужчины с ружьями хорошо знали дедушку и только ради него простили нас, забрав свои сети. С глубокой скорбью дедушка сказал, глядя мне в глаза:

— Лучше бы ты не приезжал!

Я катился по наклонной плоскости, но при всем этом усиленно занимался музыкой и делал успехи, хотя упущенное в детские годы трудно было наверстать. Образ матери нередко всплывал в моей памяти, и мне тогда казалось, что она стоит передо мной и побуждает заниматься, овладевать искусством игры на скрипке. Так я вступил в лучшую пору жизни.

ЮНОСТЬ

В СЕМНАДЦАТЬ лет я серьезно задумался о том, как жить дальше, какую избрать специальность. Мой аттестат зрелости изобиловал отличными оценками, и только по трем предметам стояло хорошо. Анатолий избрал техническую специальность. Для меня

он во многом был примером, и с его мнением я всегда считался, но меня привлекала не техника, а спорт, литература, поэзия и музыка. Правда, если бы не желание мамы, то в музыкальное училище я, скорее всего, не пошел бы.

Как-то при встрече с Анатолием я поделился желанием поступить в институт на литературное отделение. Он одним афоризмом заставил меня отказаться от этой мечты.

— Ты будешь продаваться тому, кто больше заплатит,— сказал он. — В нашем обществе тебе нужна другая профессия, чтобы зарабатывать на хлеб.

О спорте он сказал, что это несерьезная профессия, если его вообще можно назвать профессией. Одним словом, выбор пал на музыку. Папа не очень радовался моему решению, но я в то время все равно его не послушался бы, так как был очень высокого мнения о себе.

После окончания средней школы я поехал поступать в музыкальное училище города Иваново. Анатолий провожал меня на вокзал. Дома никто не помолился обо мне, никто не благословил. Только дедушка с бабушкой при расставании со слезами помолились. На прощание они подарили мне старенькое Евангелие (тогда эта книга была большой редкостью).

Дедушка не вспоминал о моем проступке — наверное, простил. Проводив меня до Вьюнки, он со слезами сказал:

— Помни, чей ты внук и сын!

Тайком смахнув слезу, я пошел с таким чувством, будто больше никогда не встречусь с ним. Казалось, всю свою любовь к маме я перенес на дедушку. Несколько раз я оглядывался: дедушка все стоял и махал мне рукой.

Поступая в училище, я не боялся сдавать общеобразовательные предметы, а музыкальные — боялся, так как проучился в музыкальной школе всего пять лет. В другой раз я, наверное, не поступил бы, но в тот год конкурс был небольшой.

Председатель экзаменационной комиссии, старый еврей Соломон Исаакович Ямпольский, или сжалился надо мной, или увидел во мне жгучее желание стать скрипачом,— взял меня в свой класс. Я ликовал от радости, но первые два года меня не покидал страх, что могут отчислить из училища.

Жил я очень бедно. Стипендия была маленькая. Одевался, как говорят, скромнее скромного. Спорт и поэзию не оставлял. У моего преподавателя была особая методика преподавания. Он старался пробудить в ученике уверенность в своих силах и внушить ему,

что усиленными занятиями можно многого достичь. Я отлично воспринял его внушения, а потом, встав на христианский путь, с большим трудом освобождался от самомнения.

На третьем курсе, по желанию моего преподавателя (дирижера симфонического оркестра), я уже был концертмейстером и занимал оплачиваемую должность в симфоническом оркестре при Доме народного творчества. Из своего скудного заработка я стал выделять немного денег дедушке и бабушке. На третьем курсе в моей жизни произошло немало событий, которые запомнились на всю жизнь. Это было начало моего обращения к Господу, затянувшееся на семь лет.

Прочитав выражение известного немецкого композитора Вагнера: «Музыка не может быть целью, музыка — средство выражения цели», я спросил себя: «Какой цели будет служить моя музыка?» Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было ясно определить цель земного бытия. Шелуха недостойных развлечений стала постепенно отлетать. Я много читал, но вопросов возникало все больше. Начал читать Евангелие, постепенно переходя от сомнений к восхищению учением Иисуса Христа. Особенно привлекала меня Нагорная проповедь с заповедями блаженства. Потом я стал читать Ветхий Завет, но было очень много сомнений. При всем том я начал понимать, что не смогу жить так, как живет большинство студентов. Христианский идеал все равно жил где-то в глубине моего сердца. Мне тогда казалось, что верующей молодежи уже не осталось: слишком усердно распространялся атеизм.

Как ни странно, мне все больше и больше стала нравиться комсорг курса — девушка по имени Алла. Я не был комсомольцем, но она, на удивление, ответила взаимностью на мои чувства, и тут разыгралась драма, в которой я уже тогда ясно увидел, что атеизм — это злейший враг человеческого счастья.

Неожиданно меня в училище посетил папа. Он был каким-то другим. Поговорив с ним, я узнал, что он покаялся в своем отступлении и теперь служит Богу. Моя сестра Лида тоже обратилась к Господу и приняла крещение по вере. Папа сообщил, что он нашел в Иваново верующих, и просил меня посетить воскресное богослужение, взяв с собой скрипку. Я долго колебался, но папа настойчиво упрашивал. В конце концов, мы пошли на собрание.

Слишком долго я не был в христианском обществе, поэтому первое впечатление от посещения богослужения было очень противоречивым. Я уже привык играть на сцене в концертных залах, поэтому дом, в котором собрались верующие, показался мне слишком убогим.

Это было время перед началом пробуждения в братстве еван-

гельских христиан-баптистов. Атеисты знали, что делали. Они загоняли верующих в убогие дома с низким потолком, с антисанитарными условиями, не давая возможности что-либо изменить. Отпугивая таким образом молодежь и образованных людей, атеисты в то же время вели усиленную пропаганду, что вера в Бога — это опиум для народа, пережиток капитализма, а сами верующие — малообразованная или вообще необразованная часть общества.

Мало того, у атеистов под рукой всегда был «кнут», которым они били верующих, если вдруг на их собраниях появлялись дети или молодежь. Этим «кнутом» было законодательство о религиозных объединениях, или законодательство о культах, как его еще называли, принятое в 1929 году. Оно предназначалось для того, чтобы со временем, при построении социалистического и коммунистического общества, совершенно истребить религию. Этим законодательством они хотели разобщить отцов и детей и не дать возможности молодому поколению идти за Господом.

Законодательство о религиозных объединениях запрещало создавать кассы взаимопомощи, оказывать материальную поддержку единоверцам. Запрещались кружки по обучению религии, детские и молодежные собрания, детские и юношеские хоры и оркестры. Дети на собраниях не имели права ни петь, ни читать стихи. Если же где-то богобоязненные служители допускали детей и молодежь к участию в богослужениях, то «кнут» приводился в действие: служителям угрожали, их штрафовали, снимали со служения и даже судили — все это было позволено атеистам. Если верующие продолжали служить Господу, как учит Слово Божье, то их просто-напросто объявляли нарушителями советских законов (не закона о культах!), обвиняли в связи с Америкой и закрывали даже самые скромные дома молитвы.

Позже я узнал, что в Иваново тогда не было дома, предназначенного для богослужений. Мы пришли в частный дом, бедное жилище одного из верующих. Верхнюю одежду (стояла поздняя осень) складывали в кучу на столе в прихожей. Присутствовало на собрании около ста человек. Общее пение без сопровождения фортепиано было очень нестройным. Первая проповедь тоже оказалась слабенькой. А когда стоявшая в переднем углу группа хористов из двадцати сестер и трех братьев запела хоровой гимн, мне стало просто не по себе.

«Неужели папа рассчитывает на то, что я смогу приобщиться к этим людям? — промелькнула у меня мысль. — Никогда в жизни! Такой примитив...»

Погруженный в свои мысли, я из-за приличия досидел до последней проповеди, сожалея, что зря потратил время, предназначенное

для индивидуальных занятий на скрипке и фортепиано. В конце собрания вперед вышел очень худой, невысокий человек. Воцарилась мертвая тишина. Он еще ничего не сказал, а только стоял и смотрел на всех, как бы собираясь с мыслями. Я невольно обратил внимание на серьезную сосредоточенность присутствующих.

Проповеднику было лет шестьдесят. Бледность лица и впалые щеки свидетельствовали о телесном недуге и длительных страданиях. Его карие глаза, горящие каким-то внутренним огнем, приковывали внимание слушателей. Он прочитал:

— «Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня...»

В его голосе не чувствовалось ни ораторских интонаций, ни отработанных речевых приемов; напротив, хорошо слышались дефекты речи из-за отсутствия нескольких передних зубов. Ему не хватало воздуха, голос звучал слабо, но вскоре я перестал замечать эти недостатки. Говорил человек, глубоко убежденный в истинности прочитанных слов, прошедший путем страданий, имевший право делать глубокие выводы. Перед слушателями представала истинная Церковь Господа Иисуса Христа, гонимая во все века. Дьявол, враг истины, специально набрасывает на нее черное покрывало, чтобы скрыть ее красоту, но она остается таинственно прекрасной. Только эту тайну надо разгадать, красоту — рассмотреть, ибо «вся слава дщери Царя внутри» (Пс. 44, 14). Внешне она опалена солнцем и суховеями, как кидарские шатры из грубой верблюжьей кожи, но внутри — прекрасна, как четырехцветные занавеси Соломонова храма.

Мне казалось, что проповедник читает мои мысли, отвечает на вопросы и убеждает не смущаться убогостью помещения и примитивным прославлением Господа.

— «Посмотрите, братья, кто вы, призванные,— цитировал он наизусть,— не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее».

Далее он говорил о полной отдаче себя Господу, без которой невозможно иметь жизнь с избытком и испытывать счастье в страданиях за Господа. Я потерял ощущение времени и места. Мне казалось, что один из первых мучеников за Христа пришел в двадцатый век и говорит убедительные слова, воспринятые от самих апо-

столов. А проповедник говорил и говорил, точнее, «изливал потоки живой воды». В заключение он прочитал слова апостола Павла:

— «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков».

Проповедником был Иван Куприянович Ильин. Года полтора назад он прибыл домой после двадцатипятилетнего заключения за имя Господа Иисуса. Иван Куприянович с юных лет любил Бога. После революции 1917 года, когда разные партии и группировки выходили на демонстрации с лозунгами, он, тогда еще совсем юный, с группой христианской молодежи заготовил множество пригласительных карточек и ходил по городу, приглашая людей на богослужение. Пришло очень много народа. Частный дом не мог вместить желающих слушать весть об Иисусе. Иван Куприянович залез на ворота (в то время в России ворота делали высокими, с навесом в виде крыши) и проповедовал. До 1934 года безбожники терпели его, но потом все же осудили на двадцать пять лет лишения свободы без права переписки.

Иван Куприянович чудом остался жив. Бог сохранил также жизнь его жены и сына. Когда он освободился, собраний в Иваново не было. Он ходил по домам и уговаривал охладевших верующих вновь собираться и совместно славить Господа. Через год собиралось уже более ста человек. Приходили верующие разного толка, но он всех наставлял строго по Священному Писанию.

В конце собрания я уже не думал о том, что день проходит зря. Меня попросили сыграть на скрипке. Я исполнил несколько соло, отметив, что звучание царицы музыки трогало сердце братьев и сестер. Потом был очень простой обед для приезжих, а после обеда — вечернее богослужение.

После собрания Иван Куприянович пригласил нас с отцом к себе домой. Жили они с женой и сыном в сыром полуподвале, что очень пагубно отражалось на здоровье Ивана Куприяновича (у него был туберкулез в открытой форме). Квартира состояла из спальни и маленькой прихожей, которая служила одновременно и кухней. Он попросил жену приготовить чай, и за чаем мы долго беседовали.

Я задавал Ивану Куприяновичу много вопросов. Вспоминая их, мне и сейчас становится не по себе. Вместо того чтобы интересоваться истинным путем Церкви Христовой и искать ответы на трудные места Священного Писания, я спрашивал: чем можно доказать бытие Бога, действительно ли он верит в Него. Представляю, как

глупо выглядел я со своей напыщенностью и, как мне казалось, серьезными вопросами, порожденными атеистическим окружением. Как можно было задавать такие вопросы человеку, которого заключили в неволю, не раз предлагая свободу за отречение от Бога?! Какими оскорбительными они могли казаться ему! Но Иван Куприянович отвечал спокойно и просто. Видно, он много раз беседовал с такими, как я, выходцами из верующих семей, искалеченными атеизмом.

— Сомневаться в существовании Бога,— отвечал он,— все равно что сомневаться в своем рождении от отца и матери. Лишь благодаря Богу каждый из нас существует во вселенной.

Беседа затянулась за полночь. На прощание Иван Куприянович подарил мне редкую в то время книгу Бетекса «Песнь творения». Этот апологетический труд опровергал воззрения Дарвина, разбивал безбожный взгляд на происхождение Вселенной, подводил библейский фундамент под научные открытия. Я очень нуждался в такой книге, так как с Богом воевал мой разум, а не сердце. Гордый разум начинал понемногу смиряться.

Поздно ночью мы с папой пришли на квартиру, чем крайне удивили хозяйку: обычно я приходил не позже десяти часов вечера. У меня был строгий распорядок дня: подъем в шесть утра, отбой в двенадцать ночи. До девяти утра я занимался в училище, так как дома хозяйка не разрешала играть. С девяти до трех часов дня — учебный процесс, потом обед и опять самостоятельные занятия до девяти вечера. В десять часов я приходил домой и, поужинав по-студенчески (булочка с чаем), читал.

Глядя на современную молодежь, у которой столько возможностей получить хорошие знания, я вспоминаю свой распорядок дня и удивляюсь их апатии и бездарной трате времени. Сейчас в духовной литературе можно найти столько драгоценных жемчужин! А тогда мы ради крупицы истинного знания переворачивали сотни страниц, подобно курице, которая из-за одного зернышка разгребает кучу мусора.

Дорогой читатель! Самый большой недостаток юности — скоротечность. Поэтому молодежи крайне необходимо ценить время, когда можно собрать багаж знаний и полезных навыков на всю жизнь. Сегодня у нас немало духовной литературы и нет надобности поглощать все книги подряд. Надо выбирать, что читать, потому что лжеименное знание хуже незнания.

Утром я поехал на вокзал провожать папу. В последние минуты перед отходом поезда он очень эмоционально убеждал меня изме-

нить свою жизнь: ходить на собрания верующих, покаяться и служить Господу. Конечно, богослужение и беседа с Иваном Куприяновичем произвели на меня глубокое впечатление, но я был далеким от Бога, как говорят, с наполеоновскими планами: мечтал стать известным музыкантом, поэтом и мыслителем.

— Папа, ты же видишь, что я мирской человек. Ничего пока не обещаю... — ответил я отцу.

— Неужели ты не исполнишь желание мамы? — прощаясь, грустно спросил отец. — Неужели забудешь, чей ты сын?! Мы с мамой хотели посеять в твоем сердце доброе семя, а выросли одни волчцы...

Поезд увез папу.

Собрания я посещал очень редко, но толчок с целью пробудить меня от мертвого сна был сделан. Читая всевозможную литературу, я стал чаще заглядывать в Библию.

На берегу Клязьмы

На летних каникулах я помог дедушке с бабушкой заготовить на зиму сено для коровы и потом поехал к Лиде, которая жила в Меленках. Там я познакомился с христианской молодежью. Общаясь со сверстниками, я понял, что совершенно не знаю Библию так, как ее нужно знать. Как глубоко некоторые из них знали Священное Писание! Целыми ночами братья могли разбирать

непонятные места, без затруднения находя и цитируя на память отрывки. Я решил не только читать, но и систематически исследовать Библию.

Неизгладимое впечатление оставили в моем сердце проповеди и беседы Якова Романовича Буденкова. Ему было около шестидесяти лет. Он недавно вернулся в семью, отбыв срок лишения свободы за веру Христову, и по-прежнему горел желанием прославлять Господа. В юности он хорошо знал мою маму и по-отцовски полюбил меня. Желая видеть свою церковь достойно славящей Господа, он откровенно сказал мне:

— Юный брат, оставляй мирскую музыку, вставай на путь Христов и будем вместе трудиться на ниве Божьей! Мне придется принять ответственность за церковь, а тебе доверим формирование хора.

Яков Романович понимал, что, приняв руководство церковью, должен будет снова пойти в тюрьму.

— Я готов страдать за Господа,— говорил он,— только хочется быть уверенным, что после меня дело Божье не будет остановлено и кто-то решится встать на мое место.

Преданность, жертвенность, горячая любовь к Господу и к Церкви Христовой — вот чем привлекал к себе и зажигал других Яков Романович Буденков. Впоследствии, став христианином, я горячо благодарил Бога за то, что Он удостоил меня познакомиться с такими богобоязненными, искренними наставниками, через которых формировал меня, как христианина, готового идти путем страданий за истину.

В Меленках

Быстро прошло лето, и опять начался учебный год. Четвертый курс — выпускной. Во мне боролись два желания: первое — приблизиться к Богу, посвятить себя Ему и идти тернистым путем, как шли мои наставники; второе — вкусить земного счастья, стать известным музыкантом или поэтом, а потом уже заявить, как говорят, на весь мир о своих убеждениях.

Мне казалось, что, став известным, я принесу большую пользу в деле распространения Евангелия. Я хотел как бы оказать услугу Богу — прийти к Нему не погибшим грешником, который не находит в себе ничего доброго, а человеком, заслужившим спасение добрыми делами. В этом заключалась моя ошибка. Дьявол — хитрый враг человеческих душ — многих уловил в такие сети, особенно из интеллигенции. Они вроде приближаются к Богу, но перед собой несут свои заслуги и способности. Они хотят служить Богу своими талантами, не разумея, что первая жертва Богу — сокрушенный дух: «Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50, 19). Богу нужно наше искреннее, любящее Его сердце. А все свои способности мы должны возложить на алтарь, отвергнуть плотское «я» и служить Богу тем даром, который Он Сам дал нам.

Наши дружеские отношения с Аллой продолжались. Мои чувства к ней были самыми серьезными и искренними, она отвечала взаимностью. Теперь, когда в моем сердце стало созревать решение идти за Господом, я начал сознавать, что не смогу назвать женой девушку с атеистическими убеждениями.

Много читая, я нашел у древнегреческого мыслителя Платона удивительное изречение о любви: «Любовь — это путь, ведущий через созерцание красоты — отблеск истины — к высшей добродетели». И еще одно чье-то мудрое изречение заставляло меня глубоко задумываться о дальнейшей жизни: «Любовь — не там, где двое смотрят друг на друга, а там, где двое смотрят в одну сторону». Я стал понимать, что без единства убеждений настоящей любви быть не может. Что же делать? Ведь наши чувства были такими искренними! Разве она виновата в том, что родилась и выросла в тот век, когда людям в сознание насильно впрыскивали яд атеизма? Конечно, не виновата. Но осчастливить друг друга мы не сможем, оставаясь на противоположных идеологических полюсах.

Так размышляя, я стал избегать уединенных встреч с Аллой. По воскресеньям утром и вечером я начал регулярно ходить на богослужения, а именно воскресный вечер у нас был отведен для личных встреч. Мою неискренность Алла тотчас заметила и потребовала

объяснений. Я откровенно рассказал ей, кто мои родители, сказал, что теперь регулярно посещаю собрания верующих, куда она, конечно, со мной не пойдет.

— А кто тебе сказал, что я не пойду с тобой на богослужение? — вдруг спросила она. — Ты думаешь, если я — комсорг, то мне и думать о Боге нельзя? Знаешь, пустота жизни окружающих совсем не привлекает меня. Может быть, потому и льнет мое сердце к тебе, что ты не такой, как все. Одним словом, в следующее воскресенье ты берешь меня с собой на богослужение. Идет?! — закончила она.

Я чуть не подпрыгнул от радости и закричал:

— Идет! Идет! Идет!

Атеизм, ведя усиленную пропаганду против верующих, в то же время умел рядиться в тогу гуманизма и свободы совести. Моя девушка — бедная жертва атеистического воспитания — думала, что посещение богослужений пройдет для нее безнаказанно. Но не тут-то было...

Обо мне, оказывается, кто-то уже сообщил в соответствующие инстанции. Атеисты заняли выжидательную позицию, но, как только на собрании появилась комсорг, они тотчас перешли к решительным действиям. Начались бесконечные вызовы. До сих пор неизвестные нам лица стали приглашать нас на беседу по одному. От уговоров и убеждений они переходили к угрозам. Вызвав из Мурома мать Аллы, работники КГБ стращали ее чем могли. Напоследок они заявили, что сектанты могут принести в жертву ее единственную дочь. Бедная мать напугалась до смерти, а Алла, перестав посещать собрания, некоторое время сторонилась меня.

В училище у нас вместо классного часа стали проводить антирелигиозные лекции. Лекторы из общества «Знание» приносили для меня атеистическую литературу, которую я обязан был читать, так как на следующий раз по этим книгам проводили диспут.

Еще невозрожденный, без фундаментального знания Библии, я защищался как мог, а лекторы приносили все новую и новую литературу. Едва зарождавшуюся веру они, казалось, рубили под корень. Мне пришлось перечитать Ярославского, Косидовского, Таксиля и других атеистов. Хотя в разуме появилось еще больше противоречий и сомнений, сердце мое склонялось на сторону Библии, которую я тщательно исследовал.

Знакомясь с так называемыми библейскими противоречиями, которые придумывали атеисты, я где-то замечал явную фальшь, а где-то, еще не познав силы молитвы, в бессилии опускал руки. Я по-

чти перестал ходить на богослужения, не желая рассказывать верующим о своих трудностях и видя, что кто-то доносит на меня недругам истины.

Кроме диспутов меня обязали один раз в неделю ходить в медицинский институт на собеседование к профессору, заведующему кафедрой микробиологии. Я ожидал, что деятель науки докажет мне возможность самозарождения жизни, но он ничего предложить не мог, кроме упования на будущность науки и умозрительных заключений. Там я столкнулся с выводами таких светил науки, как Вавилов и Вернадский, которые заявляли, что происхождение жизни — предмет не науки, а веры. Там же я узнал, что попытки создать живую клетку потерпели провал. Отсюда напрашивался вывод: живое могло произойти только от живого.

Позднее в журнале «Наука и религия» я прочитал признание одного микробиолога, кандидата наук, который установил, что живая клетка ничтожно мала, но в ней происходит столько сложнейших процессов, что она, не защищенная от внешней среды, сразу же погибнет, даже если кому-то и удастся ее создать. Если же управление процессами, происходящими в одной клеточке, поручить современным электронным машинам, то получится грандиозное электронное сооружение размером с пятиэтажный дом с двумя подъездами. Тогда всего этого я, конечно, не знал, но как мог дискуссировал с профессором. Он утверждал, что религия при коммунизме отомрет, а я опровергал его доводы словами Христа: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16, 18).

Мне иногда казалось, что я вот-вот лишусь рассудка из-за непомерных нагрузок. Мне нужно было и учиться, и работать (работал в оркестре). Я был погибшим, нераскаянным грешником, но по молитвам моих родных Бог сохранил мой разум от повреждения. Однажды Господь помог мне одержать в диспуте победу над одним из атеистов.

Это было весной, перед выпускными экзаменами. Я настолько устал от бесконечных лекций по атеизму, что иногда просто убегал с них. На этот раз лекцию пришел читать заслуженный лектор — старый человек с окладистой бородой. Чтобы я не сбежал, директор училища взял меня за руку, провел через весь зал и посадил рядом с собой в первом ряду. В концертном зале в обязательном порядке были собраны все студенты училища. Меня все называли баптистом, хотя я им еще не был. Кто-то смеялся над моими убеждениями, кто-то интересовался, задавая много вопросов. Как я уже упоминал, мне приходилось участвовать во многих спортивных соревнованиях,

нести ответственность за редактирование стенгазеты, в которую помещали мои стихи. Несмотря на сверхнагрузки, учился я на пятерки.

Лектор поносил баптистов самыми неприличными словами. Меня, невозрожденного, это обозлило и совершенно вывело из себя. Я уже отлично понимал, что лекторы не брезгуют клеветой и чернят тех, в моральной чистоте и честности которых нельзя было сомневаться.

Рассчитывая перейти на диспут, лектор вдруг сказал:

— Я за свою жизнь перевидал всяких верующих. С кем-то из них еще можно о чем-то поговорить, но баптисты — это крайне отсталые фанатики. Знаете,— высокомерно продолжал он,— я узнаю баптиста за двадцать метров. Это отрешенный от жизни, неряшливый, как говорят, без царя в голове человек. У вас здесь тоже завелся один баптист, сегодня мы на него можем взглянуть.

Моему терпению пришел конец. Я вскочил и, притворно улыбаясь, громко спросил лектора:

— Скажите, по вашим признакам я похож на баптиста?

В зале воцарилась мертвая тишина. Очевидно, лектор подумал, что директор для поддержания диспута специально посадил рядом с собой одного из комсомольских активистов, и, не задумываясь, улыбнулся в ответ на мою притворную улыбку:

— Да что вы, молодой человек! Разве такого орла можно сравнить с баптистом?! Я с гордостью могу сказать, что в вас виден настоящий строитель коммунистического общества...

Зал взорвался от смеха. Пока лектор приходил в себя, я, подняв руку, сказал, направляясь к выходу:

— От души благодарю заслуженного лектора, который очень ясно показал, как атеисты за двадцать метров узнают баптистов.

В то время я был невозрожденным, далеким от христианской кротости молодым человеком.

Мне пришлось быть свидетелем самого бессовестного судебного процесса над баптистами: судили Ивана Куприяновича Ильина и еще двух братьев из его церкви. Разочаровавшись в справедливости атеистических судей, я стал питать неприязнь ко всем безбожникам.

Атеистам, конечно, очень не нравилось, что, несмотря на все усилия с их стороны, в городе стала действовать и быстро расти церковь. Политику кнута и пряника, известную дипломатам всего мира, они применяли очень умело. Начинали обычно с индивидуальной обработки верующего, склоняя его на сотрудничество, а потом уже, если он не шел на сделку со своей совестью, приме-

няли «кнут». Особенностью дьявольской обработки душ было то, что «пряник» лишь сулили, показывали, но не давали, так как зачастую дать было нечего. Позволю себе привести пример из жизни Магнитогорской церкви ЕХБ.

Безбожные власти хотели взять церковь под свой контроль. Они вызвали к себе руководящего старца и стали склонять на сотрудничество, чтобы он во всем советовался с ними, а также сообщал о всех приезжих проповедниках. Брат был из простого народа, но одаренный мудростью и смелостью. Жил он со своей спутницей очень бедно. Источником их пропитания была корова, которую в городе нелегко прокормить. Атеист, предложив старцу работу осведомителя и зная трудности в его жизни, с притворной простотой сказал: «Ударим по рукам! Мы в долгу не останемся. Для начала выпишем вам машину мякины». — «Не выйдет, сыночек,— заявил старец. — Ты хочешь старого воробья на мякине провести? Не выйдет, еще раз говорю тебе...»

Иван Куприянович тоже ни на какую сделку с атеистами не пошел. Да и как он мог пойти, если с юности отдал свою жизнь Иисусу и смело мог сказать: «Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Фил. 3, 8). При открытой форме туберкулеза он ждал перехода в вечность, и ничто земное его уже не привлекало.

Однако атеистический «кнут» был приведен в действие. Невзирая на здоровье Ивана Куприяновича и на то, что он совсем недавно отбыл длительный срок лишения свободы, атеисты устроили над ним суд в большом концертном зале, где я часто бывал на концертах. Объявив суд над руководителями баптистской секты открытым, атеисты заранее раздали пригласительные билеты и тщательно следили, чтобы никто из верующих не проник в зал и не разоблачил их гнусную клевету. Узнав об этом от одного молодого брата из приближенных, я предложил ему пробраться в зал суда. Он согласился. Я знал все лазейки в этот зал, и мы без труда проникли в помещение (через открытое в туалете окно).

Впервые попав на суд, я был шокирован вопиющей несправедливостью. Атеисты так проводили свою работу, что, критикуя верующих, старались представить свои действия справедливыми. Разочаровываясь в их логике, я, наивный юноша, тогда еще верил в их порядочность или, по крайней мере, относил их к разряду искренне заблуждающихся, не лишенных чести и совести людей. Но с этого времени у меня начало складываться мнение, подтвержденное

практикой последующих лет, что безбожный судья по отношению к верующим справедливым быть не может, так как в любом верующем он, как воинствующий атеист (а таким он должен быть в силу принадлежности к КПСС), видит идейного врага.

Ивана Куприяновича обвиняли в проведении «незаконных сборищ сектантов». Чтобы опорочить его в глазах общественности города, атеисты прибегнули к излюбленному методу гнусной клеветы. Устами свидетелей и общественных обвинителей, заранее обработанных в соответствующих органах, суд старался убедить слушателей в том, что руководители сектантов — аморальные личности, которые обманывают простых верующих. Если бы я не знал Ивана Куприяновича, то еще больше запутался бы в атеистических тенетах. К счастью, я хорошо знал жизнь обвиняемого.

Его считали виновным в смерти молодой, недавно уверовавшей сестры, занимавшей должность главврача городской больницы, а также в незаконной связи с ее родной сестрой, инженером по профессии. Эти две сестры, уверовав через проповедь Ивана Куприяновича, были очень расположены к нему и его родным и помогали им, чем только могли. Главврач выхлопотала для него путевку, и во время обострения болезни ее родная сестра сопроводила старика в санаторий. Вот эта поездка и дала атеистам повод оклеветать святого человека. Неожиданно главврач заболела раком. Готовая к встрече с Господом, сестра отказалась от операции (она была уже бесполезной) и вскоре ушла в вечность. Обвинение на Ивана Куприяновича было сформулировано так: *«Ильин И. К., будучи руководителем секты баптистов, запретил главврачу делать операцию, а сам, оставив семью, развлекался с ее молодой сестрой на Черном море».*

Как сейчас вижу Ивана Куприяновича — маленький, изможденный старец. Он стоял перед судом, перед огромной аудиторией и телекамерой (на пленку снимались только выгодные атеистам фрагменты). Тогда я видел его в последний раз в своей жизни. Он, конечно, ни в чем не мог признать себя виновным и в своем последнем слове сказал:

— Как я, малограмотный человек, мог запретить главврачу делать операцию? Да простит вас Господь, судьи, за всю клевету и несправедливые обвинения. Я прощаю вам...

Несмотря на абсурдность и недоказанность обвинений, Ивана Куприяновича приговорили к ссылке. Через несколько лет он ушел в вечность.

Вскоре после суда над Иваном Куприяновичем умер и другой из

моих наставников — Яков Романович Буденков. Его не успели осудить. Сердце, измученное страданиями, перестало биться. Моя сестра Лидия находилась у постели больного до его последнего дыхания. Он вспомнил обо мне и сказал ей:

— Женечке передай мой прощальный привет. Верю, что он вместо нас послужит Господу!

Двое из моих друзей, с которыми я познакомился в Меленках,— Кручинин Коля и Родин Володя — тоже были лишены свободы за проповедь Евангелия. А я, собирая крохи мирской славы, все еще не решался идти за Господом. Администрация училища раздумывала, как поступить с «неисправимым фанатиком». Решено было вызвать моего отца и объявить ему, что диплом об окончании училища с квалификацией преподавателя музыкальной школы и артиста симфонического оркестра мне выдать не могут, так как работники идеологического фронта (нас причисляли к таковым) должны быть атеистами.

Беседа с отцом состоялась в моем присутствии. Секретарь парторгнизации, подполковник по званию, который вел у нас военное дело, строго спросил отца:

— Как вы могли в наше время так воспитать сына?

Отец, видевший в жизни всякое, смекнул, куда клонит парторг, и, не задумываясь, ответил:

— Простите, это я должен спросить вас, как вы воспитали моего сына. Четыре года назад я отдал его вам на воспитание, а теперь вы меня спрашиваете?!

Метод воздействия на меня через родных не возымел силы.

Не видать мне диплома об окончании училища, если бы не мой мудрый преподаватель Соломон Исаакович Ямпольский. Он очень много беседовал со мной, убеждал не портить себе карьеру.

— Я, может быть, больше тебя верю,— говорил он,— но не кричу же об этом! Верь и молчи, скрипка лучше всякого оратора сможет рассказать о сердечных переживаниях.

Ямпольский был старейшим преподавателем училища. Директор, завуч и многие другие педагоги учились у него в свое время. Им неудобно было идти против уважаемого учителя, а он всеми силами защищал меня.

— Если вы лишите его диплома,— говорил он на педсовете,— то ему ничего другого не останется, как пойти в баптисты. Наоборот, пусть он учится дальше, пусть досконально изучит в консерватории философию и потом сам сделает вывод.

Педсовет пошел на компромисс и допустил меня до госэкзаменов.

Конечно, диплом с отличием мне не дали: никто не пожелал вписать мое имя в историю училища. С этой целью мне просто-напросто по незначительному предмету — камерному ансамблю — на госэкзаменах поставили четверку, а для диплома с отличием нужны одни пятерки.

Для поступления в консерваторию мне выдали направление такого содержания:

Характеристика-рекомендация

Пушков Е. Н. в 1958 г. поступил и в 1962 г. окончил Ивановское музучилище по классу скрипки. Имеет хорошие музыкальные данные.

В течение четырех лет занимался очень серьезно. В результате исключительной работоспособности сделал большие успехи по специальности, оркестровому классу и педагогической практике. Дисциплинирован. Принимал активное участие в общественной жизни училища.

Пушков Е. Н. имеет некоторые идеалистические заблуждения и шатания, связанные с вопросом возникновения жизни, развития общества, познания мира.

Дирекция, парторганизация и общественность проводили известную идеологическую работу...

Педагогический совет, дирекция и общественная организация рекомендуют Е. Н. Пушкова для дальнейшего обучения в вузе и считают, что при более глубоком и тщательном изучении материалистической философии он полностью освободится от своих заблуждений.

Так я получил диплом об окончании музучилища и характеристику-рекомендацию. Без рекомендации документы в вуз не принимали. Предо мной открылась заманчивая перспектива получить высшее образование. Она на пять лет отдалила мое посвящение Господу.

Как же сложилась жизнь у Аллы? В ней, как и во мне, происходила сильная борьба. Мы старались побороть в себе взаимную любовь, понимая разумом, что наш союз не будет счастливым при разных взглядах на жизнь. И хотя сердце диктовало другое, мы все же расстались.

С окончанием музыкального училища закончилась и пора моей юности. Воспоминания о ней вновь и вновь навевают мне элегическую грусть и в то же время вызывают сердечную благодарность

Создателю за то, что Он вырвал меня из тенет греховных страстей и вложил в мои уста новую песнь хвалы Ему.

На выпускном банкете в концертном зале училища были накрыты столы, где вместе со сладостями и другими деликатесами стояло вино. Преподаватели, принявшие выпускников в число коллег, теперь перемешались с ними. Казалось, все были очень веселы. А я смотрел на эту картину веселья с глубокой грустью. От одного берега я отчалил, а к другому так и не пристал...

Когда начались танцы и Алла в легком платье запорхала в пестрой толпе танцующих, неожиданно я, как в калейдоскопе, увидел лица страдальцев за веру в Бога. Это были мои наставники, а также дедушка с бабушкой и мама. Они как бы говорили мне: «Помни, чей ты внук и чей сын».

Сказав Алле несколько прощальных пожеланий, я направился к выходу. С притворным веселым равнодушием она помахала мне рукой.

Прощай, юность, со многими раздумьями, устремлениями, со многими ошибками! Прощай, юность, не отданная Иисусу, принесшая мне столько сердечных страданий! Прощайте, преподаватели и товарищи! Перед многими из вас я виновен, потому что в своей неопределенности не раскрыл красоту Иисуса Христа, моего и вашего Спасителя! Прощай, Алла, поэтичная, но несчастная душа! Я не смог назвать тебя женой, потому что не могу дать счастья твоему сердцу, не пожелавшему встретиться с Господом! Прости меня, Господь Иисус, и грехов юности моей не вспоминай!

Я зашел в класс, где четыре года учился играть на скрипке. В этом же классе когда-то проходили мои вступительные экзамены и я в первый раз неумело играл перед комиссией. Как быстро пролетели четыре года! А что дальше? — возникал вопрос. Мысленно я представил себе, как поступлю в консерваторию. А что дальше? — навязчиво звучал во мне тот же вопрос. За многими «а что дальше?» я увидел тупик земных устремлений. Если моя жизнь не будет отдана Богу, то, при всех моих достижениях, дальше гробовой доски пути нет. Вспомнилась эпитафия одного из французских королей, которую он написал для себя еще при жизни:

Стой, прохожий, склони свой лик,
Взгляни, как ничтожен, кто был велик.
Весь мир когда-то держал под пятой,
Теперь остался лишь призрак пустой.
Когда-то земель не хватало мне,
Двух ярдов теперь хватает вполне.

В глубоком раздумье я вышел из училища. В зале гремела музыка. Каким ничтожным выглядел я, да и увлекающая меня музыка перед серьезным вопросом о смысле жизни! По безлюдным ночным улицам я дошел до дома, где снимал комнату. В дом заходить не хотелось. Обезволенный, упавший с высоты восторженных мечтаний в реальность земной прозы жизни, я прислонился к калитке. Ночное небо надо мной пело свой хвалебный гимн премудрому Творцу миров. Стоило только восклониться от земной реальности, воззвать в молитве к Небесному Отцу, и все стало бы по-другому. Но именно этого единения с Создателем мне и не хватало. Я ощупью искал путь к истине, не решаясь всецело довериться Господу, Который сказал: «Я — свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоан. 8, 12).

Не знаю, сколько времени прошло в этих раздумьях. В ночной тишине вдруг послышался частый стук каблуков — кто-то очень спешил. Стук приближался. Неужели это она? Да, я не ошибся. Это была Алла. При всем различии в нашем мировоззрении мы сохранили чистоту и искренность отношений. Совесть судила ее за то, что она так холодно попрощалась со мной.

— За все прости и прими мою глубокую благодарность за все,— прошептала она.

Один Бог знает, что творилось в моем сердце. Всего несколько мгновений назад я интуитивно воспринимал голос Божий, который звал меня на путь веры. Нерешенным оставался лишь вопрос: когда идти — сейчас или потом? Как же истолковать этот неожиданный визит? Может, Бог привел ее сюда в доказательство того, что в будущем она обратится к Богу, и нам не нужно разлучаться? Или это очередное искушение? Да, это было искушение. Я не смог бы стать служителем Божьим, соединив свою судьбу с неверующей девушкой.

А она очень искренне и просто сказала:

— Возьми меня такой, какая я есть! Разве я виновата, что такая? Я могла бы обмануть тебя, сказав, что тоже верю в Бога, но тебя не имею права обманывать: совесть не позволяет. Поедем в Минск, поступим в консерваторию, будем вместе учиться, а там видно будет...

— Я тем более не могу тебя обманывать,— ответил я. — Такой, какая ты есть, я не смогу дать счастье, идя христианским путем. Но я искренне обещаю молиться за тебя и ждать твоего обращения к Богу. Если ты обратишься — мы будем вместе; если же решишься связать жизнь с кем-то другим — я буду свободен от своего обещания.

Так мы расстались. Это была последняя ночь уходящей юности.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

БОГ создал для меня все условия, чтобы я встал на путь следования за Христом, но я все медлил. Алла, получив диплом с отличием, поехала поступать в минскую консерваторию, а я после долгих раздумий — в горьковскую. На конкурсных экзаменах по специальности я успешно исполнил вступительную программу. Студенты, которые учились со мной в училище и хорошо знали меня, поздравляли с успешной сдачей основного экзамена, заверяя, что меня непременно примут.

Неожиданно меня вызвали в приемную комиссию и без объяснений предложили забрать документы, так как от дальнейшей сдачи экзаменов меня отстранили. Ничего не понимая, я взял папку со своими бумагами. В характеристике-рекомендации на полях стояли вопросительные знаки, а написанное о моих убеждениях было подчеркнуто красным карандашом. Студенту с «идеологическими заблуждениями и шатаниями» не было места в консерватории.

Год я работал в оркестре театра музыкальной комедии города Иваново, где обязан был отработать три года по распределению. Это оказалось сверх моих сил. В общежитии театра я увидел огромную разницу в поведении артистов на сцене и за кулисами. Безнравственность, так называемая свободная любовь,— это норма жизни у тех, кто призван развлекать публику. Театральная жизнь — самая благоприятная почва для процветания похоти плоти, похоти очей и гордости житейской. Сцена, а в особенности сцена развлекательного жанра, порождает нравственных калек и уродов. Сценическая слава особенно крепко держит жертву в своих греховных объятиях. И не только театр, а весь безбожный мир предстал предо мной яркой театральной сценой, где только играют красивые роли, но живут далеко не так.

Находясь в этом обществе и невольно впитывая в себя соленые шутки и анекдоты, я чувствовал, что и сам становлюсь нравственным калекой. Ходить на богослужения я уже не мог, потому что там совесть жестоко судила меня. Жить закулисной жизнью театра я тоже не мог, потому что Бог, слыша молитвы родных, не давал мне опускаться на самое дно.

«Спасайся от рода сего развращенного, беги из Содома!» — звал Господь, и я бежал, но не в ту сторону. Я бежал из театра в саратовскую консерваторию. Лукавый опять удержал меня в своих сетях, шепнув: «Музкомедия — это же не искусство, это лишь подмостки сцены. Настоящее искусство и настоящая слава — в консерватории,

а потом — на большой сцене оперного театра и филармонии. Кроме того, в консерватории ты изучишь философию — высший курс истинной мудрости. Да и от Аллы тебе нельзя отставать...»

Для поступления в консерваторию нужна была характеристика с места работы. В тот год моя жизнь была очень далекой от христианской, я не посещал богослужений, поэтому мне дали хорошую характеристику, без указания на какие-либо «идеологические заблуждения».

Перед приемными экзаменами я был на гастролях в Куйбышеве. Выпросив у главного дирижера неделю отпуска, я поехал в Саратовскую консерваторию, успешно сдал вступительные экзамены и больше не вернулся в Ивановский театр. С комедией дело было покончено.

Погруженный в учебу, я два года позорно таился, никому ни слова не говоря о Боге: боялся, что узнают о моих убеждениях и повторится то, что было в училище. Много занимаясь по специальным предметам, я еще прилежнее стал изучать гуманитарные науки. Консерватория готовила из нас работников идеологического фронта, поэтому преподавались такие дисциплины, как история КПСС, диалектический материализм (диамат), исторический материализм (истмат), политэкономия, эстетика, научный коммунизм и научный атеизм.

Без общения с верующими я был похож на надломленную трость. Благодарю Господа за Его долготерпение ко мне! Иногда у меня появлялась мысль: «Может быть, в философии действительно есть ответ на вопросы развития мира, возникновения жизни, сущности бытия и на самый главный вопрос — что есть истина?» Я с особой тщательностью изучал эту дисциплину. К концу второго курса я меньше занимался специальностью, чем философией, потому что мой преподаватель по скрипке, доцент, отлично играла и преподавала, но моральная сторона ее жизни была далеко не примерной.

Летние каникулы после второго курса я провел среди верующих в Меленках, у своей сестры, побывал также у папы в Коврове. Папа прилагал все силы, чтобы охладевшие верующие собирались на богослужения. С большим восторгом он рассказывал мне о пробужденном братстве евангельских христиан-баптистов, которое было объединено служением Совета церквей. Он сам развозил послания братьев, пережив горькие последствия отступлений руководителей Союза евангельских христиан, а потом и Союза баптистов, особенно в военном вопросе. Папа был в полном единодушии с пробужденным братством.

Братья Пушковы с отцом

На третьем курсе, изучая философию, я углублялся и в библейские истины и часто на семинарах приводил цитаты из Библии, раскрывая ту или другую тему. Преподаватели думали, что я, убежденный марксист, интересуюсь Библией с тем, чтобы критиковать ее. По всем философским дисциплинам мне ставили отлично.

Меня избрали председателем профкома, за мной утвердилась репутация глубоко мыслящего студента. Парторг консерватории, старший преподаватель истории КПСС, рекомендовала меня в кандидаты в члены КПСС. В комсомол я и в консерватории всеми правдами и неправдами старался не вступать, а она этого просто не знала.

Добросовестно изучив диамат и истмат, я убедился, что они не дают ответа на запросы моей жаждущей истины души. Дело в том, что и там необходима была вера в основные постулаты материализма. Библия начинается словами: «В начале сотворил Бог небо и землю» — и не занимается доказательством бытия Бога, а прямо вводит читателя в присутствие Бога, в Которого необходимо поверить как в Творца Вселенной. Логически мыслящий человек очень легко делает правильный вывод: если есть строжайшие законы Вселенной, значит, есть и Законодатель.

Материалистическая философия претендует на научное объяснение всех явлений мира вплоть до происхождения Вселенной, но тут же преподносит догму: материя существовала вечно. А кто это может научно доказать и экспериментально подтвердить? — Никто. Таким образом, критикуя веру, материализм сам приводит к вере в свои исходные положения. Причем, если материя существовала вечно, то кто смог вложить в нее способность к саморазвитию? Если признать эту способность материи, то в таком случае следует признать и Того, Кто дал ей эту способность. Придя к выводу, что и материю, и Бога надо принимать на веру, я просто спросил себя: что дает мне вера в материю? — В конечном итоге меня ждет могила. А что дает вера в Бога? — Вечную жизнь. Остается сделать выбор: или смерть, или жизнь.

Я уже не касаюсь вопроса происхождения жизни. Никакие попытки произвести жизнь из неживого не увенчались успехом. Живое происходит только от живого. Точно так на веру следует принимать дарвиновское предположение о происхождении человека из низших животных, так как путем научного эксперимента еще никому не удалось и не удастся сделать это, да и в ископаемых останках не найдены переходные формы. Библейское «по роду его» остается незыблемым законом. Всю абсурдность эволюционной гипотезы писатель Даниэль выразил одним афоризмом: «Обезьяна встала на задние лапы и устремилась к коммунизму».

И опять я спросил себя: к чему приведет меня вера в эволюционное происхождение человека? — Только к смерти. А вера в Спасителя Иисуса Христа дает жизнь вечную. Материализм не может дать удовлетворительный ответ на вопрос о цели человеческого бытия и объяснить, что есть истина. Только Христос, и никто другой, смог сказать: «Я есмь истина». А для материалистов истина — это предел, к которому постоянно стремится человечество, но достичь которого никогда не может. Что же дает мне предел при моей ограниченной жизни, если он недостижим? — Ничего. Поскольку он недостижим, то материализм не отвечает на вопрос об истинном смысле бытия. А что мне дает Христос? — Жизнь с избытком на земле и блаженство в вечности!

Логические рассуждения привели меня к выводу, что истины в материалистической философии нет. Материалистическая теория познания такова: от простого созерцания (чувство) — к абстрактному мышлению (разум), а от него — к практике. А что такое практика? Материализм отвечает: практика — это критерий истины. Но опять возникает вопрос: кто осуществляет практическую проверку

истины — Бог или человек? Отвергающий Бога материалист отвечает: человек. Напрашивается следующий вопрос: ошибается человек или нет? — Конечно, ошибается,— соглашается материалист и цитирует известное изречение Ленина: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Отлично! Но из этого изречения вытекает логический вывод: кто много делает, тот много ошибается. Поскольку практическая проверка истины осуществляется ошибающимся человеком, значит, критерий истины ошибочен, и истины в материализме нет, а если там нет истины, то есть ли смысл заниматься материализмом? — вот мой главный вывод!

В моем разуме Господь одержал победу. Слава Ему! Но я все еще оставался нераскаянным, погибшим грешником, мое сердце не было сокрушено перед Богом. Мне нужно было осудить себя, всю свою жизнь и покаяться, так как Сам Христос сказал: «Если не покаетесь... погибнете» (Лук. 13, 3).

С этого времени Бог дал мне силы говорить студентам о своих убеждениях, хотя на собрания верующих (в Саратове была небольшая община ВСЕХБ) я все же не решался ходить: хотелось закончить консерваторию. У меня были в консерватории друзья, я бывал на студенческих вечеринках, но в сердце всегда хранил верность обещанию, данному Алле при расставании. Я посвящал ей много стихотворений (по-прежнему увлекался поэзией), мы писали друг другу большие письма, делились своими мыслями. Письма приходили прямо в консерваторию. С некоторыми однокурсниками я был откровенен и рассказывал о близких отношениях с Аллой.

Я старался писать ей о смысле жизни, о Боге, о Христе, об узком пути, на который готовился встать. Кое-что Алла начинала понимать, кое в чем соглашалась со мной, но вдруг произошел какой-то перелом. Письма стали приходить реже, а потом наступило двухмесячное молчание. Я продолжал писать, но ответа не было.

Как-то раз одна из однокурсниц, желая преподнести сюрприз, прибежала ко мне с письмом из Минска. Противоречивые чувства радости и тревожного предчувствия сделали меня нетерпеливым. Я выхватил письмо и тут же распечатал его. До боли знакомый почерк, трогательное вступление, а потом...

Алла писала, что всю жизнь будет хранить самые чистые и прекрасные воспоминания обо мне, что я многому научил ее, что я — святой человек, а она грешная, как все, и что она выходит замуж...

Мне было очень трудно сдержаться — хотелось куда-то убежать, хотелось плакать, но я через силу улыбнулся и сказал:

— Все идет, как должно идти по вечному плану, составленному любящим Отцом.

Я послал поздравление с бракосочетанием и заверение, что всю жизнь буду молиться о том, чтобы Господь просветил сердце Аллы и привел ее к покаянию. Бог — свидетель: двадцать девять лет я вспоминал ее в своих молитвах. А в тот день, придя домой, я со слезами помолился Господу и почувствовал близость Иисуса. Он один неизменен. Я попросил Его, чтобы Он помог мне твердо встать на узкий путь следования за Ним.

Рука сама потянулась к перу, и на листе появилось новое стихотворение:

Прости! Прощай! — всего два слова
Сегодня должен я сказать
Тебе, чей образ снова, снова
Меня заставил зарыдать.

Прости! Прощай! В уединенье
Если вдруг вспомнишь обо мне,
Знай, о тебе мое моленье
К Творцу несется в вышине.

Тебя я помнить буду долго.
Благословен да будет край,
В котором быть с тобою мог я.
Любимая, прости! Прощай!

С того дня я уже не колебался. Мне больше не к кому было идти. Со слезами я читал слова Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Где-то в глубине души я понимал, что Бог готовит меня к служению, и стал собирать и записывать мудрые изречения и выводы из доступной мне литературы. Позднее эти записи были систематизированы и изложены в труде «Что есть истина?». Я стал брать платные уроки по хоровому дирижированию, чтобы впоследствии и эти навыки употребить в служении Богу.

Так прошла половина четвертого курса. У меня уже было постоянное место работы: вел класс скрипки в музыкальной школе и играл в группе первых скрипок в симфоническом оркестре филармонии. Мне шел двадцать шестой год. Часто появлялась мысль посвятить себя Богу и остаться неженатым. Но неожиданно все изменилось.

Однажды в музыкальной школе я провел урок с первой сменой и остался ожидать вторую. Все преподаватели разошлись на обед.

Зайдя в учительскую, я увидел там уборщицу — Павлину Яковлевну. Она испуганно закрыла большую книгу, в которой я сразу узнал Библию, и встала из-за стола (в то время люди боялись открыто читать Библию). Я поспешил успокоить ее, сказав, что отлично понял, какую книгу она читает, потому что тоже каждый день читаю ее. Мы познакомились поближе. Павлина Яковлевна рассказала, что принадлежит к старообрядцам. Библии у нее нет, а эту книгу она взяла почитать у баптистки Нюры и очень боится, как бы кто не отнял ее. Я в свою очередь рассказал немного о себе.

С этого времени мы стали часто беседовать. Павлина Яковлевна поведала мне историю своей жизни. Она прямо-таки боролась за существование. Крайняя бедность порой вынуждала ее просить милостыню. С мужем она прожила недолго. В начале войны его забрали на фронт, и вскоре он погиб. Осталась единственная дочь, ради которой она теперь живет. Из села, где они жили с дочерью, их потянуло в город. Они надеялись некоторое время пожить у младшего брата Павлины Яковлевны, но там для них не нашлось места. Павлина Яковлевна взялась ухаживать за безродной старушкой, после смерти которой им осталась комната в коммунальной квартире площадью восемь квадратных метров. В этой комнате они и живут.

Павлина Яковлевна со слезами рассказала, что дочь ее сильно больна и может в любой момент умереть. Сердечные приступы и обмороки случаются по нескольку раз в неделю. Дочь больше времени проводит дома на бюллетене, чем на работе. Сама Павлина Яковлевна тоже больна, но надеяться ей не на кого, нужно работать, чтобы получить хоть какие-то гроши.

Глубокой жалостью прониклось мое сердце к этим бедным людям. А сколько таких на Руси-матушке! При всех трудностях Павлина Яковлевна сохранила веру в Бога, хотя и по-старообрядчески. (Старообрядцы по сути — те же православные. С православными у них произошел раскол при Петре I и патриархе Никоне. Раскольники-старообрядцы — приверженцы старины — боролись против всяких нововведений в церковной службе. Официальной церковью они были притесняемы и гонимы. Лидер старообрядцев протопоп Аввакум закончил жизнь мученически.)

У меня тогда был хороший заработок в музыкальной школе и филармонии, притом я научился настраивать фортепиано и этим подрабатывал. Бескорыстно, от чистого сердца я иногда посылал гостинцы для Любы — дочери Павлины Яковлевны, хотя никогда не видел ее. Потом она как-то пришла к матери в музыкальную школу, и мы познакомились. Это была молчаливая, скромная, исхудалая девушка,

на год старше меня. Вскоре после нашего знакомства Любе понадобилось ехать в Москву, но мать боялась отпускать ее одну. Я согласился сопроводить ее, решив заодно заехать к родственникам в Ковров.

В Москве Люба попросила меня сходить с ней в старообрядческий храм. Я отстоял с ней службу, а потом пригласил пойти со мной в молитвенный дом ВСЕХБ, что в Маловузовском переулке. Воскресное богослужение произвело на Любу сильное впечатление, особенно проповедь Карева.

Мы побыли у наших родных. Дедушка Петр к этому времени уже отошел в вечность. Бабушке Ефросинье и тете Тане Люба понравилась своей скромностью. Они подумали, что я приехал показать им свою невесту.

По возвращении в Саратов я часто заходил к моим новым знакомым. Мы много беседовали. Люба расположилась ко мне. Павлина Яковлевна, женщина очень начитанная, ревностно защищала старообрядчество, но о баптистах ничего плохого сказать не могла, так как была уже знакома с ними. Однажды она пригласила меня на беседу с наставником старообрядцев. Я согласился.

Нас вежливо встретил глубокий старец. Ему было более восьмидесяти лет, но разум сохранился ясным. Он много убеждал меня поверить в Бога. Выслушав его, я сказал, что меня убеждать не нужно, так как я готовлюсь принять крещение по вере. В свою очередь я изложил библейский взгляд на всякое изображение, которое становится кумиром, и выразил мнение, что молиться перед иконами не нужно, так как Бог есть дух и Его никому нельзя уподобить. К моему удивлению, старец сказал, кивнув на Павлину Яковлевну:

— Я им очень часто повторяю: не смотрите на икону, а смотрите дальше. Икона только напоминает о присутствии Бога.

Павлина Яковлевна удивлялась, слушая наставника. Она-то хотела, чтобы он убедил меня в истинности старообрядчества!

Я спросил наставника, достаточно ли, по его мнению, Библии, чтобы через нее иметь спасение. Он ответил, что достаточно даже Евангелия, чтобы прийти к Спасителю. Но для чего тогда, продолжил я, соблюдать многочисленные постановления отцов церкви и церковных соборов, если их нет в Евангелии и от них не зависит спасение души. Он вежливо ответил, что так принято и так они научены.

После этой беседы мы еще больше сблизились с Любой. Выросши в нищете, со многими лишениями, я теперь горел желанием чем-то помочь этим бедным людям. Был февраль. Я сказал Любе, что после окончания консерватории мне придется уехать из Саратова, так как выпускников обычно посылают по направлению в другие города.

— Я буду вспоминать о тебе, как о брате,— сказала Люба,— и всю жизнь буду молиться за тебя, благодарить Бога за то, что Он посылает нам на пути добрых людей.

У меня иногда возникала мысль: «Почему бы и их не взять туда, куда меня направят, и там помогать им?» По своей наивности я считал этот вариант возможным.

«А почему бы не вступить в брак с Любой и не проявить до конца заботу о них?» — вдруг возникла другая мысль.

Я откровенно побеседовал с Любой, рассказал об Алле и о том, что подобного чувства у меня уже никогда не будет, но, несмотря на это, я готов назвать Любу своей женой, если она станет евангельской христианкой и примет крещение по вере, так как только из-за этого мы расстались с Аллой. Люба задумчиво сказала, что не имеет права что-либо требовать от меня, а что касается крещения, то готова хоть сейчас креститься в проруби. Потом она спросила, почему я решаюсь связать жизнь с простой, больной девушкой, тогда как знаю столько образованных однокурсниц. Люба уговаривала меня отказаться от этой мысли, но это еще больше расположило меня к ней. Я сказал, что в проруби креститься не нужно, а летом вместе примем крещение в церкви евангельских христиан-баптистов.

Мы подали заявление в загс, и нам назначили регистрацию на первое марта. После подачи заявления Люба как-то сказала:

— Я знаю, что ты честно поступишь и сдержишь свое обещание. Переходи со своей квартиры к нам в комнату.

Так я и сделал. Ни свадьбы, ни бракосочетания у нас не было. Папа был сильно огорчен моим выбором, потому что я брал жену не из баптистов, но я сам тогда еще не был баптистом. На телеграмму папы с просьбой не вступать с Любой в брак я ответил, что дал слово и нарушить его не могу.

Когда мы получили свидетельство о браке, пришли друзья из консерватории с подарками и шампанским. В последний раз в жизни я пил тогда вино. Прости, Господи, мои согрешения!

Утром второго марта в нашу комнату кто-то постучал. Я вышел. Незнакомый интеллигентный человек лет тридцати пяти, извинившись, сказал, что меня срочно вызывают в консерваторию. Когда мы вышли из дома и повернули за угол, я увидел черную «Волгу». Еще раз извинившись, неожиданный посетитель представился работником Комитета государственной безопасности, предъявил удостоверение и предложил мне сесть в машину. С этого дня, то есть со второго марта 1967 года по 1988 год включительно, эти три неприятные буквы — КГБ — черной тучей висели надо мной и над моей

семьей. Не раз мне приходилось занимать место то в черной «Волге», то в черном вороне. Значит, за мной пристально наблюдали. А я, наивный молодой человек, думал тогда, что здесь, «в саратовской глуши», как говорит Пушкин, за мной никто не следит и я спокойно окончу консерваторию. Но не тут-то было.

В большом сером здании с часовыми внутри состоялся долгий, напряженный разговор. Доставивший меня в КГБ сидел за длинным столом. Меня посадили напротив. Сбоку от меня сидел еще один работник КГБ, который почти ничего не говорил, а только смотрел на меня в упор. Скорее всего, это был психолог. Он следил за моей мимикой, стараясь угадать мысли. Весь разговор невозможно описать, это заняло бы много времени. Таких разговоров в моей жизни было немало.

После некоторых наводящих вопросов сидящий напротив спросил, не увлекаются ли студенты чтением таких писателей, как Сартр (тогда студентов старались оградить от экзистенциализма — философского направления, доказывающего бессмысленность бытия). Потом он прямо спросил:

— Как вы думаете, для чего мы вас вызвали?

Рассматривая обручальное кольцо на руке (впоследствии я его снял), я добродушно улыбнулся и сказал, что им, вероятно, стало известно о моем прошлом. В тон мне он заметил, что им известно не только мое прошлое, но и настоящее, и что в консерватории обо мне отзываются, как о глубокомыслящем, любящем философию студенте.

Поинтересовался чекист и моими планами на будущее. Вспомнив слова Христа: «Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным» (Матф. 10, 33), я откровенно сказал, что намерен принять крещение и быть христианином. Они многозначительно переглянулись. Последовал долгий монолог о том, что КГБ сейчас совершенно другой, не такой, каким был при Сталине. Затем мне опять задавали вопросы, а в конце двухчасового разговора предложили сотрудничество. Задававший вопросы пояснил, что верить в Бога не запрещается и это даже хорошо, если я буду посещать церковь. Моя задача — предоставлять им исчерпывающую информацию.

Пристально посмотрев на меня, он сказал:

— Тем, кто нам помогает, мы, даже при наличии религиозных взглядов, даем окончить вуз.

Следовательно, кто не согласится помогать КГБ, тому, при наличии религиозных взглядов, диплома не видать.

Окажись сейчас в подобной ситуации, я бы наотрез отказал-

ся от сотрудничества и сразу оставил консерваторию, зная, что все равно мне не дадут работать по специальности. Но тогда мне очень хотелось иметь диплом об окончании консерватории. Это желание не позволило напрямую отказаться от сотрудничества, и я применил тактику выигрывания времени. Я сослался на то, что вопрос серьезный и мне необходимо подумать. Чекист согласился, назначив мне встречу в гостинице с человеком, сидевшим рядом со мной.

Мне поставили условие — никому не говорить о встрече с представителями КГБ, дали номер телефона, по которому я мог позвонить в случае экстренной необходимости, и два месяца на раздумье. Расставаясь, беседовавший со мной дружески протянул руку и сказал, что у меня большое будущее и оно в моих руках.

Бесконечные думы не давали мне покоя. Заканчивался четвертый год упорного труда в консерватории. Оставался пятый курс, и моя цель — высшее образование и обеспеченная жизнь — достигнута. Теперь мне необходимо было заботиться не только о себе, но и о семье. Именно этот период моей жизни выбрали работники КГБ для того, чтобы предложить сотрудничество с ними.

Жене и теще я, конечно, все рассказал и попросил молиться за меня. Теща, видевшая у старообрядцев и аресты, и обыски, сильно испугалась. В то же время в такие моменты (а их в нашей жизни было немало) она решалась лучше страдать, чем принимать тридцать сребреников.

На следующий день я подал ректору заявление, в котором просил разрешить мне досрочно окончить консерваторию, мотивируя свою просьбу семейным положением и болезнью позвоночника (как потом оказалось, это было отложение солей). К моему удивлению и радости, ректор дал положительный ответ. Мне сказали, что в истории консерватории был лишь один случай досрочного окончания.

Я стал усиленно заниматься и сдавать предметы за пятый курс. Особые трудности возникали со сдачей научного коммунизма и научного атеизма. По этим предметам необходимо было выслушать годовой цикл лекций. Преподаватель диамата и истмата — кандидат философских наук П. И. Кузнецов,— очень расположенный ко мне и поставивший мне по своим предметам отлично, сказал, что единственная возможность сдать научный коммунизм экстерном — это написать научную работу.

В то время в вузах проходил конкурс научных работ по гуманитарным дисциплинам. Я согласился написать научную работу. Кузнецов дал мне обширный материал по теме «Карл Маркс и Фридрих

Энгельс — основоположники научного коммунизма». Я с головой погрузился в работу. Изучив жизнь Маркса и Энгельса по материалам, к которым не все имели доступ, я узнал, что они примерно до тридцатилетнего возраста являлись последователями философа-идеалиста Гегеля, у которого Бог — абсолютный дух — есть объективная реальность, начало всех начал. Энгельс даже написал богословский труд «Шеллинг и раннее христианство».

В молодые годы и Маркс, и Энгельс писали много стихов, мечтая стать поэтами, но их мечта не сбылась. Тогда они увлеклись социологией. Одно из стихотворений Энгельса позволило мне предположить, что Маркс — еврей по отцу, в семь лет крещенный в католической церкви,— был связан с темными силами, и это наложило отпечаток на всю его дальнейшую деятельность.

Конечно, этих вопросов в своей работе я не касался. Написанное мною далеко не соответствовало моему образу мышления. Это было лицемерие, в чем я впоследствии раскаивался перед Господом.

Кузнецов, отправлявший мою работу на конкурс, был представлен в ней как оппонент и консультант. Обком ВЛКСМ отметил мою работу похвальной грамотой, что очень импонировало Кузнецову. Растроганный, он поставил мне отлично за пятый курс по научному коммунизму.

В консерватории у меня были хорошие друзья, которым я откровенно рассказывал о своих убеждениях. Когда я показал им зачетную книжку с пятеркой по научному коммунизму, один из них сказал:

— Ну, Женька, если ты так же сдашь научный атеизм, то я помру со смеху!

Забегая вперед, скажу, что он действительно от души смеялся, когда я так же успешно сдал научный атеизм.

Научный атеизм я знал хорошо, так как еще в училище мне пришлось проштудировать почти всю атеистическую литературу. Но в то время применялась практика, рекомендованная в докладе Ильичева, одного из министров-идеологов,— при сдаче экзаменов задавать студентам прямой вопрос: верит ли он в Бога? В случае утвердительного ответа студенту ставили неудовлетворительно, и получение диплома для него становилось невозможным.

Я очень переживал, идя на экзамен. В экзаменационном билете, который мне достался, было три вопроса: возникновение научного атеизма; критика корана; баптизм и его социальные корни.

Составив план ответа по двум первым вопросам, я задумался: третий вопрос касался моих личных убеждений. Противоречивые мысли боролись во мне. По-видимому, Господь, зная мое бесси-

лие, не дал мне впасть в искушение и послал неожиданную помощь. Именно в этот момент в аудиторию вошел Кузнецов. Осмотрев готовящихся к ответу студентов, он увидел меня, приветливо кивнул и стал что-то шептать на ухо экзаменатору. Экзаменатор, посмотрев в мою сторону, кивнул в знак согласия. Кузнецов, подойдя ко мне, тихо попросил:

— Дайте план ответа на вопросы экзаменационного билета.

Я ответил, что он составлен только по двум первым вопросам.

— Ничего, пойдет! — сказал Кузнецов.

Взяв мой билет и листок, он пошел к экзаменатору. Через минуту или две экзаменатор назвал мою фамилию и пригласил подойти к нему с зачетной книжкой.

«Что бы это могло значить? — испугался я. — Наверное, сообщили обо мне...»

Но опасения были напрасны. Экзаменатор поставил отлично против графы «научный атеизм» и, расписавшись, подал мне зачетную книжку.

Кузнецов добродушно улыбнулся:

— Будьте здоровы!

Поблагодарив, я не вышел, а вылетел из аудитории как на крыльях.

После сдачи научного коммунизма, научного атеизма и других специальных предметов я считался студентом не четвертого, а пятого, выпускного, курса и был допущен до государственных экзаменов. Распределение на работу в консерватории происходило до сдачи госэкзаменов. Если даже кто-то и не сдавал какой-либо из госэкзаменов, то его все равно направляли на работу, а через год он приезжал и сдавал госэкзамен. Я подписал направление на работу подальше, в Челябинск, думая исчезнуть из поля зрения КГБ, к тому же там обещали дать благоустроенную квартиру, в которой мы очень нуждались.

Хочу сделать небольшое отступление от повествования и поразмышлять о научном атеизме.

Точного определения слова «атеист» нам не давали, поясняя его просто как «выступающий против Бога» или «отрицающий Бога». Если же точнее перевести это слово с греческого, то оно будет означать — «не Божий». Следовательно, отождествлять слова «атеист» и «безбожник» нельзя.

Приведу диалог с кандидатом философских наук, который в Челябинске вел работу против верующих. Подойдя ко мне после моей проповеди, он спросил:

— На что вы рассчитываете, проповедуя Христа с таким энтузи-

азмом? Будьте реалистом! У нас миллионный город, а сколько вас, истинно верующих, в этом городе?

— В нашей церкви более двухсот членов,— ответил я.

— Ну вот, видите,— продолжал он,— это же ничтожный процент.

— А вы атеист или безбожник? — спросил я.

— Атеист,— с гордостью ответил он.

— А сколько же вас, дипломированных атеистов, у нас в городе?

После долгого молчания он ответил:

— Пятнадцать атеистов на всю Челябинскую область. Вообще-то, настоящих атеистов мало, зато безбожников — хоть пруд пруди.

Термин «научный атеизм», прямо скажем, не является обоснованным. Говоря «научный», мы имеем в виду «проверенный, подтвержденный научными экспериментами». Но кто же подтвердит выводы научного атеизма? Разве только сам дьявол, но он лжец и обманщик. Очень удачно выразил свое мнение об атеизме более ста лет назад Достоевский: «Легко, очень легко русскому человеку стать атеистом. Русский человек непременно уверует в атеизм как в новую религию, не замечая того, что уверовал в нуль». В этом изречении сделаны сразу три вывода. Во-первых, атеизм ненаучен, потому что в него нужно верить. Во-вторых, любая религия основывается на вере в ее исходные положения. Атеизм — тоже вера, вера в то, что Бога нет. На этом постулате строится атеистическое учение. В-третьих, атеизм есть нуль. А если к нулю добавить определение «научный», то все равно он останется «научным нулем». И вот этот самый «научный нуль» является одной из составных частей материалистической философии. Из математики известно, что при умножении нуля на любое число получается нуль. Боюсь, как бы от умножения «научного атеизма» на число других дисциплин материалистической философии не получился «умноженный нуль». Нуль математический более безобиден, чем атеистический, так как математический нуль ничего не отнимает, а атеистический отнимает у человека самое дорогое — жизнь вечную.

Как же я закончил консерваторию? Допущенный до госэкзаменов, получив направление на работу в Челябинск, я попытался уклониться от регулярных встреч с работниками КГБ. Я просто не пошел на очередную встречу, сказав по телефону, что со мной договориться не получится, и попросил оставить меня в покое. Истекали два месяца, данные мне на раздумье.

«Еще бы протянуть месяц,— думал я,— и консерватория будет окончена».

Но покоя мне не дали. Черная «Волга» опять доставила меня

в управление КГБ. Разговор, начатый в приветливом тоне, принял неожиданный оборот. «Пряник» начинал уступать место «кнуту».

— Уж не хотите ли вы попытаться водить нас за нос? — с металлическими нотками в голосе спросил все тот же работник КГБ, назвавший себя Николаем Ивановичем Баландинским (как правило, настоящего имени никто из них не говорит).

— У меня это не получится, даже если бы я и захотел,— возразил я.

— А чем тогда объяснить ваше уклонение от встреч с нами?

— Он смущается, как бы не оказаться на месте одного из апостолов,— вдруг заговорил молчавший до сих пор психолог.

— Какого именно? — обратился я к нему и подумал: «Все же угадывает кое-что из моих мыслей».

Я действительно страшился оказаться на месте предателя Иуды. По лицу психолога скользнула саркастическая улыбка.

— Вам лучше знать... — отрезал он.

Баландинский опять повторил свой вопрос. Тогда я сказал:

— Со мной у вас ничего не выйдет, так как через месяц я навсегда уезжаю из Саратова.

— Как уезжаете? А консерватория?

— Консерваторию я заканчиваю и уже получил направление на работу.

— Какое направление? На каком вы курсе? — теряя спокойствие, быстро спрашивал Баландинский.

— На пятом,— скрывая эмоции, ответил я.

— Проводите его,— обратился Баландинский к психологу,— мы все выясним.

Психолог довел меня до дежурного часового и с той же саркастической улыбкой сказал, переходя на «ты»:

— Ну, будь здоров, если будешь здоров. — И велел часовому выпустить меня на улицу.

Через несколько дней я заметил, что отношение профессорско-преподавательского состава ко мне изменилось: некоторые смотрели на меня с удивлением, как будто видели впервые. Кузнецов назначил мне встречу для разговора с глазу на глаз; старший преподаватель истории КПСС, которая рекомендовала меня в партию и хотела послать меня по направлению директором нового музыкального училища, даже не смотрела в мою сторону (позднее я узнал, что она была женой начальника управления КГБ). Почему же она раньше не узнала обо мне? Очевидно, мой вопрос решался не в верхах, и начальник узнал об этом только в последние дни.

Кузнецов так и не поверил, что я решил стать христианином. Он сделал вывод, что все это я предпринял для того, чтобы защитить диссертацию. Я пытался его переубедить, но тщетно. Расставаясь с ним, я поблагодарил его за доброе отношение ко мне и сказал, что в КГБ им тоже интересуются. Он очень удивился и поблагодарил за предупреждение.

Оставшийся месяц я каждый день ожидал вызова или в КГБ, или к ректору. Думал, что не допустят меня до госэкзаменов, узнав о моих убеждениях.

Наконец госэкзамены прошли. По специальным дисциплинам я был подготовлен слабо, но все сдал без троек. Последний госэкзамен сдавал, уже крайне утомленным от нагрузок и переживаний. Нужно было исполнить часовую программу для скрипки в сопровождении фортепиано. Госэкзамен проходил в форме открытого концерта. Моя жена пожелала присутствовать, чтобы попереживать за меня. Я сказал ей:

— Лишь бы не забыть и не остановиться во время исполнения, так как это будет большим минусом.

Во время экзамена случилось недоразумение. Вначале все шло хорошо, я играл, потом в одном месте у фортепиано был большой проигрыш, а у меня — пауза. Я опустил скрипку, чтобы дать отдохнуть руке, а Люба, мало разбиравшаяся в музыке, подумала, что я забыл свою партию, и ей стало плохо. С большим трудом я доиграл программу до конца, получив оценку «хорошо».

Сколько трудностей и волнений переживает будущий выпускник, прежде чем в его руках окажется диплом об окончании консерватории! Один из студентов-заочников оканчивал консерваторию уже в сорокадевятилетнем возрасте. Он был просто одержим желанием получить консерваторское образование. Ему все же удалось окончить это заведение, но через несколько дней после экзаменов его похоронили. Многие понимали, что его страсть к музыке граничила с безрассудством. Один профессор сказал:

— Теперь на крышку гроба можно прибить дипломные корочки.

Другой студент очень желал получить диплом с отличием. Он все сдал на пять, оставался последний экзамен. С сияющим лицом молодой человек вышел из зала, где проходили испытания.

— Ну как? — задали ему студенты обычный вопрос.

— С отличием! — скорее выдохнул, чем выговорил он.

Вдруг у всех на глазах он изменился в лице, нагнулся и стал пристально смотреть в замочную скважину двери, ведущей в зал. Затем он что есть силы закричал:

— Ку-ку!

Молодой человек лишился рассудка.

На торжественное собрание по случаю выдачи дипломов об окончании консерватории я пошел с Любой:

— Наверное, объявят, что баптистам дипломы не выдают,— предполагал я, готовый ко всему и твердо решивший следовать за Господом.

Назвали мою фамилию. Я вышел. Ректор, не глядя мне в глаза, по традиции пожал руку и вручил диплом. И тут я понял, что Бог, зная все мои слабости, сотворил чудо. Он как бы сказал: «Я снисхожу к твоим несовершенствам, к твоей привязанности к музыке и мирской славе, но хочу видеть тебя совершенно другим, преображенным в образ Иисуса, чтобы повести более прекрасным путем к вечной, небесной славе».

ОБЕЩАНИЕ БОГУ ДОБРОЙ СОВЕСТИ

ПОСЛЕ окончания консерватории я регулярно посещал собрания зарегистрированной общины (церкви, объединенной служением СЦ ЕХБ, в Саратове тогда не было). Моя Люба посещала собрания вместе со мной, иногда приходила и теща. С тещей у меня начались диспуты, часто продолжавшиеся за полночь.

Община ВСЕХБ в Саратове была небольшая, около ста членов, молодежи — мало, детей на богослужение почти никто не водил. На собрания часто приходили пятидесятники (христиане веры евангельской) и тоже проповедовали. Это была типичная зарегистрированная община, но моя душа, уставшая блуждать по философским лабиринтам человеческих мудрствований, и там находила покой, так как проповедовалось живое слово Бога.

Два месяца я постоянно посещал богослужения. В общине был хор, но пел настолько слабо, что мне трудно было слушать такое пение. Хором руководила пожилая сестра. Она не была регентом, но совершала это служение по поручению. В то время во ВСЕХБ не было ни библейских, ни регентских курсов. Атеизм целенаправленно выхолащивал из богослужений все живое и прекрасное.

Приближался столетний юбилей евангельско-баптистского братства в России. Как-то раз в воскресенье я задержался после утреннего собрания, а хористы остались на спевку. Видя, как мучаются хористы при разучивании нового гимна, я предложил им свою помощь. Меня спросили, кто я. Исполнявшая обязанности регента

сестра с радостью уступила мне место за дирижерским пультом. За неделю занятий хор стал петь немного лучше.

Накануне торжественного богослужения решили провести дополнительную спевку. Пришел послушать хор и пресвитер, старец А. П. Краснов. Он весьма удивился, увидев меня за дирижерским пультом и слыша, что хор поет слаженнее. До этого он, по-видимому, не замечал меня в собрании.

— Да ты кто будешь, милый мой? — растроганно спросил он.

Я немного рассказал о себе.

— Так ты крещеный или нет? — поинтересовался старец.

— Нет.

Служитель задумался, а потом, наклонившись ко мне, тихо заговорил:

— Мы это дело оформим. Хочешь, завтра на рассвете я тебе преподам крещение? Не бойся, заявление писать не заставлю и к уполномоченному за разрешением не пойду!

Я не думал, что так просто можно принять крещение. В общинах ВСЕХБ списки крещаемых утверждал уполномоченный.

По сути, я не каялся перед Господом, не сокрушался о своих грехах, хотя и выдержал борьбу с атеизмом. Тогда я просто не задумывался об этом. Отлично помня согласие Любы принять крещение, я сказал об этом пресвитеру.

— Хорошо, приезжайте сегодня ночью ко мне домой,— вполголоса сказал он,— побеседуем, а на рассвете пойдем на Волгу и совершим крещение.

Радостный, я побежал домой сообщить жене и теще приятную весть. На лице тещи я заметил скорее испуг, чем радость, да и Люба была в какой-то растерянности. Я не придал этому значения, вышел полюбоваться звездным небом, а их оставил одних.

Сейчас я отлично понимаю, как трудно было Любе. С одной стороны, она не хотела огорчить мужа, которому обещала креститься хоть в проруби, с другой — боялась ослушаться любимой матери, которая была убеждена, что из старообрядцев в другую веру никто не переходит и креститься во второй раз — это чуть ли не самый страшный грех.

Рано утром мы на лодке переправились на небольшой остров посреди Волги. С нами были еще три сестры из хора, пожелавшие спеть на берегу несколько гимнов. На душе у меня было легко. Я представлял себе, как приеду в Челябинскую церковь и буду руководить хором, проповедовать, мечтал создать там оркестр. Мне тогда еще казалось возможным совмещать труд в церкви с артис-

тической и педагогической деятельностью в светских заведениях.

Восходящее солнце позолотило обширную волжскую гладь. Любуясь красотой Божьего творения и предвкушая радость крещения, я от всей души хотел благодарить Бога за то, что Он помог мне выдержать борьбу с неверием и отказаться от терзавших душу встреч с работниками КГБ. Переодетые в белые халаты, мы с пресвитером подошли к воде. Я ожидал, что сейчас рядом со мной встанет и супруга, но она стояла с сестрами чуть в стороне в обычной одежде. Приветливо улыбнувшись, я пригласил ее встать рядом со мной, но она сказала:

— Иди с Богом, я все объясню потом.

Люба осталась на стороне матери, не исполнив своего обещания.

Я молился Господу со слезами. Словами не мог выразить свои чувства. Путь за Христом — путь испытаний. Каждого, кто следует за Ним, Христос приводит к убеждению, что надежной опорой в жизни может быть только Он. Иисус — единственный верный и неизменный Друг.

С букетами цветов от сестер по вере и от Любы я входил в молитвенный дом. Собрание, посвященное столетнему юбилею евангельско-баптистского братства в России, было торжественным. Я дирижировал хором, мне предложили даже сказать проповедь, но на сердце у меня лежала печать затаенной грусти.

Перед отъездом в Челябинск Баландинский еще раз «прокатил» меня на черной «Волге». На этот раз мы вышли у красивого пятиэтажного дома. Отпустив шофера, он дружески сказал:

— Евгений Никифорович, не удивляйтесь, что я привез вас к себе домой. Мы этого никогда не делаем, но для вас я сделал исключение.

Богатая, со вкусом обставленная квартира. В клетках прыгают попугаи и канарейки, в аквариуме плавают экзотические рыбки. Детей нет. Молодая жена защищает диссертацию, дети ей не нужны. Мы прошли в зал. Слева — дорогостоящее пианино. Баландинский попросил меня что-нибудь сыграть. Я сыграл часть из сонаты Бетховена «Largo Appassionato». Потом он включил проигрыватель. Прекрасная музыка Вивальди в исполнении камерного оркестра наполнила зал.

— Куда вы уходите от такой красоты? — скорее воскликнул, чем спросил он.

Я ответил, что иду к красоте, а не ухожу от нее, и напомнил, что в истории музыки композитор Вивальди назван «рыжим монахом» и многие из его произведений, как и звучащее сейчас, написаны для

исполнения в церкви перед началом мессы. Я привел высказывание Ж. Санд: «Искусство зарождалось у подножия алтарей» — и напомнил закон эстетики: прекрасное должно служить прекрасному. Затем привел слова Достоевского: «На свете есть только одна положительная, прекрасная личность — это Иисус Христос» и поэта Бальмонта:

Одна есть в мире красота —
Любви, печали, отреченья
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

Беседа продолжалась. На этот раз он мало говорил, больше задавал вопросы и слушал.

Отзвучала музыка Вивальди. После паузы он опять заговорил:

— Я бы хотел все же задать вам прямой вопрос: что толкнуло вас принять крещение и стать баптистом?

— Марксизм-ленинизм,— улыбнулся я.

Моментально переменившись в лице, он резко встал, на его скулах нервно заиграли желваки.

— Вы что, изволили смеяться? — полушепотом, отчеканивая каждое слово, произнес он. — Я требую объяснений!

Я пояснил, что вырос в христианской семье. Жизнь мамы осталась для меня образцом. Я никогда не сомневался в моральном превосходстве учения Иисуса Христа над человеческой этикой. После окончания училища подумывал стать христианином, но мне посоветовали изучить материалистическую философию, и я систематически, скрупулезно изучал ее, надеясь найти ответы на вопросы бессмертной души.

— Вы знаете,— говорил я,— что по всем гуманитарным дисциплинам у меня стояло отлично, но в них я не нашел ответа на главный вопрос бытия: что есть истина? Только Иисус Христос имел право сказать: «Я есмь путь, и истина, и жизнь». Он звал меня, и я чувствовал, что Он прекрасен и что только в Нем истинная свобода духа и души человека. Но марксизм-ленинизм стоял на моем пути к Нему, вселяя в сердце сомнения и предлагая поверить не Богу, а так называемым гениям человечества. Даже если они действительно гении, то все равно смертны. Их могилы, мавзолеи и бюсты не дадут мне жизни вечной, как не даст ее и их философия, а моя душа хочет вечно жить. Только Христос обещает вечную жизнь. Последний барьер на моем пути к Христу преодолен, поэтому я и говорю, что именно марксизм-ленинизм побудил меня прийти к Нему. Идти мне больше

некуда. И теперь я желаю повторить вместе с апостолом Петром: «Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни...»

Прощаясь, Баландинский сказал:

— Я обязан послать вслед за вами сообщение в управление КГБ Челябинска. Живите, верьте, но мы никому никогда не позволим нападать на нашу идеологию.

Это была моя последняя беседа с Баландинским, вернее, с человеком, который называл себя так.

Попрощавшись с Саратовом, мы с Любой прибыли в Челябинск. Все наше имущество умещалось в одном чемодане и сумке. Маму мы оставили пока в Саратове. Люба ожидала ребенка и очень переживала, где мы будем жить.

Шел 1967 год. Пробужденное братство, борясь за истину, за свободу проповеди Евангелия, уже пять лет шло путем страданий. Атеизм бросил все силы на то, чтобы не дать разгореться священному огню пробуждения. Многие борцы за истину томились в местах лишения свободы. Мой папа и сестра Лидия были единодушны с гонимым братством. Весть о моем крещении они восприняли и с радостью, и с печалью: с радостью — потому что я наконец-то решился быть с Господом; с печалью — потому что все общины ВСЕХБ были зарегистрированы в соответствии с безбожным законодательством о религиозных культах, а я находился в одной из таких общин.

С сестрой Лидией

Папа и особенно сестра писали мне увещательные письма, призывали встать на узкий путь. В Челябинске наряду с зарегистрированной общиной ЕХБ была и незарегистрированная. У нее не было молитвенного дома, так как разрешение на приобретение дома молитвы атеисты давали только зарегистрированным общинам, подчиняющимся законодательству о религиозных объединениях.

Служителей незарегистрированной церкви в Челябинске осудили на длительные сроки заключения, богослужения проходили по домам. Наряды милиции с участием работников КГБ часто разгоняли собрания. Собравшихся обязательно переписывали, хозяина дома и проповедников нередко арестовывали на пятнадцать суток или штрафовали на пятьдесят рублей. Если принять во внимание, что средняя зарплата рабочего составляла сто рублей, то этот штраф был весьма ощутимым, особенно для многодетных семей, а таких в гонимом братстве было немало.

Моя сестра приложила все силы для того, чтобы я перешел в церковь гонимого братства.

В ЧЕЛЯБИНСКЕ

С ГЛУБОКОЙ благодарностью Богу вспоминаю годы, прожитые в Челябинске. Сколько уроков преподал мне здесь Господь через милых друзей, сколько шелухи артистизма и самомнения снял Он с меня! Господь вел меня через суровую школу испытаний, все больше и больше смиряя, чтобы сделать пригодным для труда в Его винограднике и доверить дело благовестия.

Согласно направлению я поступил на работу в челябинский театр оперы и балета и в симфонический оркестр филармонии, надеясь, что нам сразу дадут благоустроенную квартиру, как было обещано в направлении. Но меня только поставили на очередь, а поселиться пришлось в гостинице. Переживая о том, что не смогу материально обеспечить семью (мы планировали перевезти в Челябинск и маму), я взялся вести класс скрипки в вечерней музыкальной школе. Жить в гостинице было и дорого, и неудобно.

Вскоре мы разыскали верующих и пошли на собрание. Я думал, что мне сразу предоставят возможность заниматься с хором и проповедовать. Многому научившись в светских заведениях, выдержав нажим со стороны КГБ, я считал себя вполне пригодным для труда в церкви гонимого братства. Но Господь, видя мое сердце, не мог доверить мне служение. Он не находил во мне само-

го главного — смиренного и сокрушенного сердца, полностью посвященного Ему. Я был подобен самарянам, которые и Богу служили, и идолам поклонялись. Вместо того чтобы смиренно склониться перед Господом, ожидая от Него милости и посланничества на служение, я гордо шествовал к Нему, выставляя свои таланты и заслуги.

Как опасно давать Богу обещание доброй совести без смиренного покаяния перед Ним, когда доброй совести по сути еще нет! Чуть ли не тридцать лет спустя, описывая прошлое, я теперь ясно понимаю, как необходима каждому христианину небесная школа! Иисус Христос сказал: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим...» (Матф. 11, 28–30).

Несколько раз в жизни мне приходилось поступать в учебные заведения и выдерживать конкурсные экзамены. Обычно в объявлениях излагаются требования для поступающих: какие нужны документы, по каким предметам абитуриенты будут экзаменоваться. Как правило, везде нужны автобиография и характеристика-рекомендация с места учебы или работы. А кто может поступить на первый курс небесной школы? В объявлении сказано: «Все труждающиеся и обремененные». Слово «все» не исключает никого. Небесному Отцу дорог каждый из сотворенных Им.

Библия открывает нам Бога как долготерпеливого и многомилостивого, прощающего беззакония и преступления (Числ. 14, 18). Такой Бог не мог еще до сотворения мира предопределить одних людей к спасению, а других — к осуждению, как учат некоторые. В Иисусе Христе все предопределены к спасению. Его святая Кровь была пролита за всех, и теперь Он каждого приглашает в Свою небесную школу. Со Своей стороны Бог сделал все для спасения человека, Иисус каждому дарит совершенное спасение, а к совершенству ничего добавлять не нужно. Спасение можно или принять, или отвергнуть. В этом заключается свобода выбора человека, свобода его воли.

Всем известно, что поступившего в учебное заведение исключат, если он не будет усердно заниматься и осваивать дисциплины, необходимые для получения диплома. Поступившему на первый курс небесной школы Христос дает покой: «Я успокою вас». Но этот покой — не в бездействии, а в пребывании в Иисусе Христе. Познавший истину, освобожденный от греховных оков должен усердно трудиться. Бездействие и лень недопустимы.

«Возьмите иго Мое на себя» — вот какую дисциплину предлагает Иисус учащимся в небесной школе. Это иго — особое, оно благо; это бремя — легкое. Некоторые, придя к Иисусу, не желают покориться Ему, им хочется жить по своей воле. Однако такие люди обязательно попадут в сети дьявола и будут уловлены им.

Самый трудный предмет в небесной школе — это преображение в образ Иисуса Христа. «Научитесь от Меня,— говорит Иисус,— ибо Я кроток и смирен сердцем». Можно поступить в школу Иисуса Христа, претерпеть многие испытания, но не стать кротким и смиренным, то есть не преобразиться в Его образ. Кротость — это индикатор, безошибочно определяющий, является ли идущий за Христом Его учеником.

О Моисее сказано, что он был кротчайший из всех людей на земле (Числ. 12, 3). Но таким он стал не сразу. Сорок лет он учился египетской мудрости, после чего мог воинствовать лишь по плоти. Прежде чем сделать Моисея Своим избранным сосудом, Бог еще сорок лет обучал его в Мадиамской пустыне. Только после этого курса обучения Бог доверил ему великое служение.

Моей «мадиамской пустыней» были три года полного бездействия в Челябинской церкви. А я горел желанием трудиться для Господа. Иногда приходила мысль уйти в зарегистрированную общину, ведь там тоже есть ищущие Господа души. Но сердце подсказывало другое: «Терпи и смиряйся!» Даже у моего папы кончилось терпение, и он, посоветовавшись с братьями, предложил мне переехать туда, где я сразу мог бы трудиться как регент и проповедник. Но я продолжал ждать, пока Сам Господь не завершит работу надо мной и поставит на служение.

Осенью 1967 года мы с Любой в первый раз пришли на богослужение в Челябинскую церковь СЦ ЕХБ. Люба вот-вот должна была стать матерью. Мы очень нуждались в жилплощади, и я надеялся, что кто-то из верующих пригласит нас на квартиру. Скромные братья и сестры, увидев на мне галстук и обручальное кольцо, приняли меня за человека, подосланного в церковь атеистами. Вскоре я снял и кольцо, и галстук, но настороженность по отношению ко мне оставалась и взять нас на квартиру никто не решался.

Когда ситуация стала для нас, можно сказать, критической, Господь побудил сердце сестры Шуры Ординарцевой выделить нам одну комнату в своей двухкомнатной квартире, где она жила с родной сестрой. С дорогой сестрой Шурой мы породнились на всю жизнь. Я и по сей день молюсь о ней и благодарю за нее Господа.

Вскоре приехала наша мама, а 14 ноября родился сын Павлуша — наш первенец. Мы вчетвером так и ютились в одной комнате.

В оперный театр — основное место моей работы — сообщили, что я посещаю богослужения христиан, и вместо благоустроенной квартиры мы получили лишь комнату в общежитии с кухней на пять семей. Там у нас через год родилась дочь. В память о моей любимой маме мы назвали ее Марией.

Я читал много духовной литературы, особенно о Духе Святом, пытаясь найти ответ на многие вопросы и таким образом выйти из «мадиамской пустыни». Самая большая трудность заключалась в том, что у меня не было наставника, с которым можно было разделить свою печаль. Только Господь слышал мои молитвы. Невыносимой пыткой для меня было слушать нестройное пение хора и не иметь возможности помочь ему. Работая в музыкальной школе, я решил пригласить на занятия некоторых детей верующих родителей, чтобы потом они могли применять знания в служении Господу. Но мои же братья по вере запретили им посещать мои уроки, хотя я давал уроки бескорыстно, без платы за обучение. И опять я обвинял других, не вникая в себя.

Труднее всего мне было в тот момент, когда обо мне вспомнили люди из КГБ. Два года они присматривались и, видя мои натянутые отношения с братьями по вере, опять предложили сотрудничество.

Вызвали меня прямо с урока в музыкальной школе и предложили явиться в управление КГБ. Я испугался. Вдруг кто-то из

верующих увидит меня возле этого здания, и тогда их подозрения в отношении меня подтвердятся!

Только Господь был моей опорой и только Он укрепил меня и помог после двухчасовой беседы в КГБ твердо заявить в ответ на предложение о сотрудничестве:

— Воспитан по Библии, предателем не буду!

Разговор на этом закончился. Через месяц меня уволили из музыкальной школы.

Господь Сам стал освобождать меня от мирских пут. Я увидел, что в моем положении никто не виноват, кроме меня самого. Мне стало понятно, что нужно раскаяться и положить на Божий алтарь не только свои таланты, способности и достижения, но и самого себя. Я должен порвать все связи с миром, смиренно сказать Богу: «Да будет воля Твоя!» — и не ставить Ему никаких условий.

Это решение я принял в западно-сибирском городе Кургане, где в последний раз был на гастролях с оперным театром. Никогда не забуду, как после молитвы посвящения Господь посетил меня невыразимой радостью. Казалось, все мое существо было пропитано Духом Святым. Господь принял мое покаяние и посвящение, дополнив то, чего мне недоставало, и я тогда ясно понял, что Он избирает меня на служение. Слава Господу, что Он дал мне терпение дождаться этого чудного момента! Вскоре я ушел из оперного театра.

Оставалась единственная нить, связывавшая меня с большой музыкой,— симфонический оркестр филармонии, где я работал в группе первых скрипок. Эту нить тоже нужно было порвать, чтобы полностью посвятить себя на служение Богу. На свой прощальный концерт я пригласил Любу и папу, который в то время гостил у нас. Папа долго не соглашался идти в филармонию, но я настойчиво повторял:

— Папа, ты должен пойти, я все объясню потом.

И он пошел.

Исполнялась шестая, последняя, симфония Чайковского. Ее иногда называют «Лебединой песней». (Симфония — это большое четырехчастное произведение для оркестра.) Если финал предыдущих симфоний композитора — торжественный марш победы человека над судьбой, то шестая симфония заканчивается трагическим похоронным маршем. Жестокие удары судьбы разбивают прекрасные устремления человека, не оставляя ему никаких надежд на будущее. Человек погибает в борьбе с судьбой.

Признаюсь, нелегко мне было прощаться с музыкой, которой

отдал семнадцать лучших лет жизни. Я боялся, что, проходя мимо филармонии, буду сожалеть о том, что оставил любимую музыку. Однако Бог совершил чудо: такое чувство во мне ни разу не возникло. Слава Господу!

Не помня себя, я исполнял финал шестой симфонии Чайковского. Для меня это был похоронный марш всей мирской музыке, которая так долго владела моим сердцем.

После исполнения симфонии я спустился в зал. Слушатели расходились, только папа и Люба оставались на своих местах. Я подошел к ним. У папы в глазах стояли слезы.

— Дорогой мой,— обратился я к нему,— когда-то ты сказал, что вы с мамой сеяли доброе семя, а во мне выросли одни волчцы. Прости, что я так настойчиво звал тебя на концерт! Сегодня у меня состоялись похороны мирской музыки, и я очень желал, чтобы ты на них присутствовал.

— Я все понял, мой сын,— сказал он, обнимая меня.

Мы оба плакали.

К тому времени из мест лишения свободы в Челябинскую церковь вернулся Петр Кузьмич Стальмаков, а также ответственный за Уральское объединение — Борис Евтихьевич Филиппов. С Борисом Евтихьевичем мы часто беседовали. Он принял живое участие в моем духовном становлении. Петр Кузьмич отдал свой дом для богослужений, и церковь около двадцати лет проводила в нем собрания.

Братьям в церкви я ничего не сказал о резкой перемене, произошедшей в моей жизни. Но свершилось чудо! На первом же собрании мне предложили сказать проповедь. Тема о Духе Святом была очень близка мне, радость жизни в Духе наполняла все мое существо, поэтому от избытка сердца мои уста говорили об этой личности Божества.

Основная причина, по которой меня долго не допускали до служения, заключалась только во мне: я не посвятил себя Господу, не возложил на алтарь самого себя и все свое.

Меня пригласили на спевку и сразу же попросили разучить с хором новый гимн. С этого времени до отъезда из Челябинска я регулярно занимался с хором. Спустя месяц после того как я освободился от всего, что связывало меня с миром, мне поручили исследование Слова Божьего с молодежью, а еще через месяц — руководство областными молодежными общениями.

Я много молился и переживал о том, как пройдет первое общение. Невыразимая радость наполнила мое сердце, когда на призыв

к покаянию вышло более десяти юношей и девушек. На общении мы беседовали о полной отдаче Господу и об исполнении Духом Святым. Девятнадцать душ из молодежи пожелали посвятить себя Господу. Как сейчас вижу их лица. Только один из них находится вдали от Бога, а остальные по сей день служат Ему.

Господь дал мне возможность на практике убедиться в истинности Его слов: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». Бог чудом вывел меня из трудного материального положения. Уволенный из музыкальной школы, я ушел из оперного театра и филармонии и, не имея другой специальности, остался без средств к существованию. А семья росла. К тому времени у нас родилась Оля. Как жить дальше? Господь помог мне освоить специальность настройщика фортепиано. На одной работе я стал зарабатывать больше, чем зарабатывал раньше на трех работах. Улучшились и жизненные условия. Обменяв комнату в Саратове на такую же в Челябинске, мы вскоре смогли обменять нашу жилплощадь на отдельную двухкомнатную квартиру. В двух комнатах мы жили вначале вшестером. Потом родились Нина и Илья, а потом и сестра Лидия приехала к нам. Несмотря на тесноту, мы были очень благодарны Господу за отдельный уголок.

Служение Богу доставляло мне огромную радость и наслаждение. С молодежью и хором мы часто ездили по церквям Урала — проповедовали Евангелие, посещали братьев и сестер. Я всегда брал с собой скрипку и играл гимны во славу Господа.

Это было время разгула атеизма. Как и многих братьев, меня безжалостно штрафовали. По закону могли удерживать не более половины зарплаты. Штрафовали почти за каждое собрание. Петр Кузьмич вообще не получал пенсии, так как вся она уходила на уплату штрафов. Были случаи, когда я не проповедовал и даже не присутствовал на собрании, так как выезжал в другие церкви, а штраф все равно налагали. Иногда удерживаемого из моей зарплаты не хватало на то, чтобы уплатить и четвертую часть штрафов. Но Бог нас не оставлял. Часть штрафов оплачивала церковь. Семья не бедствовала, так как, пользуясь репутацией настройщика фортепиано с высшим образованием, я получал много заказов (хотя был не лучше других, просто имел образование). Работал на трех предприятиях. На двух — официально, а на третьем была оформлена жена. На Урале мы даже смогли накопить немного денег, чтобы впоследствии приобрести жилище на Украине. При такой нагрузке я ни разу не пропустил ни богослужение, ни спев-

ку, на деле убеждаясь в том, какой у нас богатый и всемогущий Отец Небесный.

На Урале то тут, то там проходили суды над братьями по вере. Атеисты стали практиковать открытые суды во дворцах культуры, но верующих туда не пускали. Однажды в Башкирии арестовали дьякона церкви. Было понятно, что кто-то сообщал властям о его труде. Братья хотели знать: кто же стал предателем? Меня попросили попасть в зал суда и выслушать обвинения. Я дождался момента, когда будут пускать представителей прессы. Как и у всех корреспондентов, у меня был дипломат, в котором я носил ключи для настройки фортепиано. Разговорившись с работниками прессы, я сошел за одного из них и вместе с ними прошел в зал суда. Как и они, я достал тетрадь и стал записывать ход судебного заседания. С ужасом я услышал, как пресвитер предавал дело церкви, обвиняя во всем дьякона. Он это делал смело, очевидно, думая, что его никто не разоблачит: верующих в зале нет, а дьякона все равно лишат свободы. Оставаясь верным Господу, дьякон, по-видимому, думал, что останется оклеветанным, так как братья не узнают о том, как проходил суд. Я мысленно молился и рассуждал, как ободрить брата.

Как только судьи ушли на перерыв и подсудимого увели, я прошел к роялю, достал инструменты и стал его настраивать, ожидая, когда опять приведут брата. Когда его привели, я, будто пробуя настройку рояля, заиграл «Взойдем на Голгофу, мой брат». Проиграв три куплета в художественной обработке, я поднялся, собрал инструменты, закрыл крышку рояля и пошел на свое место. Судья и присяжные, пришедшие во время исполнения гимна, недоуменно переглянулись. Подсудимый, низко склонив голову, незаметно вытирал слезы.

Когда суд закончился и брата стали уводить, я, поравнявшись с ним, тихо сказал:

— Крепись, милый брат, да благословит тебя Господь!

Он поднял на меня глаза. Его взор был радостным.

— Значит, братья будут знать? — торопливо прошептал он.

— Все будет известно, оставайся верным Господу! — ответил я.

Пресвитера, который предал дело Божье, вскоре отстранили от служения и отлучили.

Несмотря на гонения, церкви укреплялись и умножались. Росла и община в Челябинске. На молодежных общениях, которые проходили на Урале регулярно, всегда звучал призыв к покаянию. Христово цветущее племя, как выразился Николай Петрович Храпов, росло и благоухало.

В 1972 году мою семью посетила большая радость: Господь ответил на многочисленные молитвы о Любе. Покаявшись, она приняла крещение по вере. Материнские уговоры больше не имели силы.

С матерью мы стали больше беседовать. Ее очень удивляли библейские тексты, запрещавшие поклоняться изделиям человеческих рук. Не находя в Священном Писании подтверждения старообрядческого учения о детокрещении, поклонении угодникам и крестном знамении, она изумленно повторяла: «Неужели наши руководящие старцы этого не знали?» Потом она стала утверждать, что у нас другое Писание, что в их Библии такого нет. Пришлось найти Библию на церковно-славянском языке, который она хорошо знала, и вместе с ней разбирать многие главы. Имея страх Божий, она все же решилась оставить иконы, покаялась и в 1974 году приняла крещение по вере.

Большой радостью для меня было знакомство со служителями Совета церквей. Николай Георгиевич Батурин предложил мне написать серию статей о музыке, которые потом были напечатаны в журнале «Вестник спасения».

У меня было много выписок из разных произведений, и я решил систематизировать их и последовательно осветить вопрос иска-

ния истины от древних мыслителей до настоящего времени. Я углубился в эту работу, назвав свое будущее произведение: «Что есть истина?». Этот апологетический труд мне хотелось посвятить проповедникам Евангелия, которым приходится трудиться среди образованных людей, чтобы у проповедующих были необходимые знания не только из богословских наук. Работа над книгой уже подходила к концу. Неожиданно недруги Евангелия нагрянули с обыском. Забрали все. Даже письма и тетради со стихами были навсегда похоронены в архивах КГБ.

Я глубоко печалился, что пропало так много трудов. Но помогавшие мне сестры утешили меня тем, что по личной инициативе переписали тетради, в которых были собраны высказывания многих мыслителей. Эти копии сохранились. Спустя годы, уже на Украине, Бог позволил мне все же закончить свой апологетический труд «Что есть истина?».

Меня все чаще стали приглашать в другие города проводить молодежные евангелизационные общения и помогать в хоровом деле, которому в дни суровых гонений братья уделяли много внимания.

В 70-е годы особенно большие общения проходили в Харькове. Стало традицией проводить евангелизационные и назидательные общения первого и второго мая. Съезжалась молодежь почти со всей огромной страны. Перед такими большими общениями служители иногда собирали руководителей молодежи со всех мест и давали им наставления.

В Харькове я познакомился со служителями Совета церквей: М. С. Кривко, М. И. Хоревым, М. Т. Шапталой, И. Я. Антоновым.

Братья время от времени говорили мне о необходимости переезда на Украину, где сосредоточилась основная масса верующих. Мне предлагали начать систематический труд в сфере музыкально-хорового служения и благовестия.

Я и сам горел желанием трудиться на ниве Божьей, к тому же нуждался в улучшении жилищных условий. В двухкомнатной квартире нашей семье становилось все теснее. У нас уже было пятеро детей. С нами жила мать и моя сестра Лидия. Я боялся переезжать куда-либо без воли Божьей, да и жаль было расставаться с друзьями.

Ежегодные майские общения в Харькове были весьма многолюдными. В Харькове, как и везде, собрания верующих часто разгоняли. Однако майские общения проходили. Братья в конце апреля шли к уполномоченному по делам религий и просили не препят-

ствовать проведению общения, так как на него съезжались христиане со всего Союза. Уполномоченный обычно возражал и стращал разгоном, но братья заявляли, что в таком случае верующие устроят шествие по городу. Они, конечно, будут петь христианские гимны, и это обязательно дойдет до Москвы, вызовет много неприятностей. Выслушав такие аргументы, уполномоченный, как правило, соглашался на проведение общения. Однажды он даже разрешил провести общение в здании большой зарегистрированной церкви по улице Ярославской. Это общение мне хочется описать.

Это здание когда-то было православным храмом, потом его переоборудовали под дом молитвы. Уместилось в нем около двух тысяч человек, в основном молодежь. Сидений в зале не было, слушали стоя. Хорошо пел сводный хор. Слово назидания говорил Иван Яковлевич Антонов. Я играл на скрипке. Потом мне поручили сказать призывную проповедь и пригласить к покаянию.

На призыв сразу вышло несколько десятков юношей и девушек. Покаявшиеся становились на помосте у стены, чтобы другие могли склониться на колени для молитвы. Всякому желающему покаяться обязательно предоставляли возможность помолиться вслух, чтобы он не устыдился открыто назвать Иисуса Господом, а себя — грешником.

Когда обратившихся к Богу было уже более сорока, а желающие покаяться стояли в проходах, ожидая своей очереди, вдруг на возвышение поднялась женщина средних лет с взъерошенными волосами. Она упала на пол и стала дико кричать. Многим стало ясно, что она одержимая. Братья встали кругом и начали молиться, чтобы Господь освободил несчастную душу. Кто-то предложил увести ее в братскую комнату, где служители могли бы продолжать молиться над ней. Так и сделали.

В братской женщина опять стала сильно кричать. Вдруг зазвонил телефон. Местный служитель взял трубку. Звонил уполномоченный и спрашивал, что происходит. Брат ответил, что идет богослужение. Уполномоченный, повысив голос, заметил, что так богослужения не проходят, и потребовал объяснений.

— А как же они проходят? — спросил брат и пригласил уполномоченного прийти и самому посмотреть.

— Кто у телефона? — спросил уполномоченный.

Брат назвал свою фамилию.

— Слушай, не води меня за нос! — гневно закричал уполномоченный. — Говори сейчас же, что у вас там за дикие крики?

— Значит, вы все слышите? — спросил брат. — Вот так вы все

и подслушиваете, что говорится в братской комнате! Не волнуйтесь, никого в жертву не приносят. — И повесил трубку.

Общение продолжалось. В зале было большое волнение. Покаявшиеся сбились в кучу, кое-кто из них был явно испуган. Мы помолились и вновь стали призывать к покаянию. Вышли несколько человек и склонили колени перед Господом. В это время, растолкав стоящих в проходах, выбежала довольно молодая полная женщина и с диким криком «Не уйду!» упала на пол, как и первая.

Дьявол явно обеспокоился. Братья решили не уводить эту женщину в братскую комнату, чтобы не дать собравшимся повода думать о бессилии верующих перед дьявольской силой. Служители обступили несчастную и стали взывать к Богу.

Казалось, молились все присутствующие в зале. И Господь ответил на молитву.

Один из служителей, обращаясь к поверженной, сказал:

— Именем Господа Иисуса Христа, сестра, вставай! Бог тебя исцеляет, отныне ты свободна от темных сил!

Несколько секунд она лежала без движения, а потом на ее лице появилась улыбка, она быстро встала и громко сказала, уже не диким, а своим голосом:

— Господь, Спаситель мой, Иисус! Благодарю, что Ты меня освободил! Я знала, что Ты здесь, Господь, и что Ты исцелишь меня!

Поток благодарственных молений вознесся к Господу из зала. После этой победы началось массовое покаяние. Многие из сидящих на балконе не могли пройти к кафедре. Они стали просить у Господа прощения, оставаясь на своих местах. Трудно сказать, сколько душ покаялось, но радость спасения обрели очень и очень многие.

Незадолго до нашего переезда на Украину Челябинская церковь избрала меня кандидатом на благовестника. Когда приехал рукополагающий служитель, ему сказали, что я увлекся пятидесятничеством, и он не решился меня рукополагать. После рукоположения других братьев служитель зашел ко мне, и я около трех часов излагал ему свои понятия о Духе Святом. Он одобрил мое понимание, но рукоположение не состоялось. Видимо, и это произошло не без воли Божьей.

Судя по всему, я сам дал повод думать о моей близости к пятидесятникам, потому что тема о Духе Святом была главной в моих проповедях и беседах. К тому же в Челябинске у меня были друзья из пятидесятников. С одной многодетной семьей я как-то особенно сблизился. У них было десять или одиннадцать детей. Они очень хотели иметь пианино, но приобрести его не могли, так как

жили бедно. Как мастер по ремонту, я бесплатно отреставрировал для них списанный инструмент. Они были очень благодарны. Жили они в пригороде и иногда навещали нас. С главой семьи у нас были серьезные разговоры относительно истинности пути следования за Господом. Он считал, что пятидесятники более духовны, чем баптисты, что иной язык — это мера духовного возраста. Я же твердо знал из Писания, что не иной язык является признаком духовности, а плод Духа — любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание.

Получив приглашение служителей переехать на Украину, я хотел было поселиться неподалеку от старшего брата, на Западной Украине. Но цены на дома там оказались очень высокими, а наши накопления были предельно скромными. По приглашению Михаила Тимофеевича Шапталы я побывал на браке у его дочери в Харцызске. И снова мне предложили переехать, теперь уже конкретно в Харцызск. Дома в Донецкой области стоили примерно в пять раз дешевле, чем на Западной Украине. Я ответил, что мы будем молиться и ждать ответ от Господа.

В Челябинске, после обыска в моем доме, отношение властей ко мне стало хуже. Мне угрожали арестом. После несостоявшегося рукоположения я был в растерянности и просил Господа, чтобы Он указал мне дальнейший труд и место служения Ему.

Было лето 1975 года. Однажды я проснулся рано утром с ясным сознанием того, что мне нужно срочно уезжать. Предчувствие чего-то недоброго не давало мне покоя. Я разбудил домашних (было пять часов утра) и объявил, что намерен срочно улететь самолетом на Украину. Они удивились, но препятствовать не стали. Лидия отдала мне свои деньги, оставшиеся от продажи домика в Меленках, я взял свои сбережения и в шесть утра вышел из дома. Через несколько часов я был уже на Украине. А в половине восьмого утра за мной приехали на «Волге». Работники КГБ не скрывали досады, что не застали меня дома. Так Бог дал мне возможность избежать ареста, и я еще пять лет мог трудиться на Украине.

Уроки, преподанные мне Господом на Урале, запомнились на всю жизнь. Они были необходимы для моего духовного роста.

На Урале у меня осталось много искренних друзей, которые постоянно молились о том, чтобы Господь употреблял меня как Свой сосуд. Они же своими молитвами побуждали меня писать духовные стихи и хоровые гимны. В служении, в испытаниях, в духовной борьбе, когда мои руки, поднятые к небу, ослабевали, я всегда чувствовал чью-то поддержку.

В ХАРЦЫЗСКЕ

БОГ помог нам приобрести в Харцызске недорогой, но уютный домик. Денег в долг пришлось взять совсем немного. К дому мы пристроили кухню, и в этом доме выросли все наши восемь детей (трое родились в Харцызске). В этом доме мы с Любой живем до сих пор.

Подыскивая себе жилье, я наткнулся на один дом, который находился в плачевном состоянии. В нем жили два атеистических деятеля: партийный и комсомольский. Дом был большой — более ста квадратных метров. Увлекшись водкой, владельцы дома не находили времени для его ремонта. Крыша стала протекать, штукатурка обвалилась. Оба домовладельца получили благоустроенные квартиры и продавали дом за ничтожную цену.

«Купить бы его под молитвенный дом»,— мелькнула у меня мысль. Харцызская церковь ютилась тогда в частном доме, где жила многодетная семья.

Я сказал о своей находке Михаилу Тимофеевичу Шаптале — пресвитеру церкви. Он с радостью одобрил мое предложение. Нужен был надежный брат, на которого можно было бы оформить дом. Я вспомнил об отце. Он к тому времени взял в жены богобоязненную христианку и жил в селе. Михаил Тимофеевич согласился с моим предложением вызвать отца. Я послал отцу телеграмму: *«Папа, если под конец жизни хочешь быть на передовой линии, срочно выезжай».* Мы с папой понимали друг друга, как говорят, с полуслова. Через день пришла телеграмма: *«Готов, выезжаю».*

Папа купил дом за свои средства. Сообща строение отремонтировали и оборудовали для проведения богослужений.

В августе 1975 года Иван Яковлевич Антонов рукоположил меня на служение благовестника.

В мае 1976 года состоялось открытие молитвенного дома в Харцызске. Внешние, к нашему удивлению, ни в чем не препятствовали. Мы с папой с нетерпением ждали, когда в доме зазвучат гимны, прославляющие нашего Творца. Я был регентом хора.

Первое служение прошло торжественно. Приехало много гостей, немало было и тех, кто впервые обратился к Господу с покаянием. Мы от сердца, со слезами благодарили Бога за все Его милости.

Все было хорошо, но в конце богослужения наш пресвитер, член Совета церквей, вдруг объявил, что Харцызская церковь теперь

зарегистрирована по адресу нового молитвенного дома. Регистрация осуществлена без принятия законодательства о религиозных объединениях, и это согласовано с Советом церквей, братья не против регистрации.

В то время в общинах находились люди, которые пытались обвинить Совет церквей в политическом уклоне. Это обвинение базировалось на решительном отвержении Советом церквей антиевангельского законодательства о религиозных объединениях, противоречащего принципу свободы совести. Для регистрации общины атеисты выдавали форменный бланк с графой: *«С положением о религиозных культах ознакомлен, обязуюсь выполнять»*. Таким образом через подписавших заявление о регистрации вся община становилась виновной в принятии безбожного положения о культах. Совет церквей призывал не соглашаться на такую регистрацию.

Атеисты действовали через своих уполномоченных очень продуманно. Как правило, во время регистрации они даже не зачитывали это положение о культах, чтобы не отпугнуть от греховного дела. Один Бог знает, сколько неопытных братьев было уловлено в эти сети!

Когда число общин, не желающих регистрироваться на этих условиях, стало увеличиваться, атеисты встревожились. Они стали закрывать глаза на то, что во многих регистрированных общинах нарушалось положение о культах: на богослужениях участвовали дети и молодежь, кое-где, в показательных общинах, даже появились молодежные хоры. Но это была хитрая уловка сатаны.

Когда Совет церквей раскрыл цель атеистов, они придумали еще одну уловку. Из форменных бланков заявлений о регистрации был изъят пункт, обязывающий соблюдать положение о культах. В то же время категорически запрещалось указывать в заявлении, что община желает принадлежать к братству, объединенному служением СЦ ЕХБ. Атеисты стремились любой ценой расколоть братство и предлагали автономную регистрацию без указания духовного центра в представляемых документах. Поддавшиеся хитрой уловке стали воспитывать в своих общинах апологетов этой, якобы единственно верной, автономной регистрации. Они-то и обвиняли служителей Совета церквей в политическом уклоне, тогда как они, напротив, призывали не вмешиваться в политику, а отстаивать свободу проповеди Евангелия.

Некоторые из служителей, входящих в состав Совета церквей, ратовали за автономную регистрацию и верили, что согласно новым

формам заявлений атеисты не заставят соблюдать законодательство о религиозных объединениях. Снисходя к их немощи, Совет церквей решил дать искренне заблуждающимся возможность убедиться в том, что атеисты все равно будут настаивать на соблюдении положения о культах. Служители дали согласие на регистрацию общин без принятия положения, но с обязательным указанием их принадлежности к СЦ ЕХБ.

Как и следовало ожидать, общины, зарегистрированные таким образом, власти тут же стали склонять на разрыв с Советом церквей и заставлять соблюдать положение о культах. Тогда служители Совета церквей решительно выступили против всякой регистрации, так как она лишала братство единства. В годы господства атеизма любая регистрация была направлена на попрание принципа свободы совести и на искоренение веры в народе.

В то время я не очень-то разбирался во всех тонкостях регистрации. Я очень любил братство, любил Михаила Тимофеевича и не допускал мысли, что здесь может быть какое-либо уклонение от истинного пути.

После праздничного богослужения папа подошел ко мне и возмущенно спросил:

— Что же это такое, сын? Куда ты меня вызвал?

— Папа, успокойся! — ответил я. — Раз со старшими братьями это согласовано, значит, все правильно!

Первое время не было никаких препятствий со стороны внешних. Община стала быстро расти. Я обратился к Михаилу Тимофеевичу с предложением начать обучение детей и подростков игре на скрипке, чтобы впоследствии создать оркестр. Он согласился. Через два года у нас уже пел молодежный хор, в котором было около семидесяти хористов, а среди них — около двадцати скрипачей. Конечно, они не были виртуозами, но могли играть простые оркестровые партии. Потом в оркестр ввели десять гитаристов, альтовые скрипки и виолончели. С этим коллективом мы стали регулярно посещать церкви Донецкой области с целью евангелизации и пробуждения в общинах ВСЕХБ.

Незабываемой осталась поездка в Киев на молодежное общение. Внешние всеми силами препятствовали нашему выезду на поезде, и мы стали отправлять хористов и оркестрантов в аэропорт. Добирались разными рейсами, но на общении все были в сборе. Общение прошло благословенно, было много покаяний. Тогда мы впервые исполняли гимн «Священный огонь» в обработке для хора. Четыре или пять раз в течение общения нас просили его играть и петь.

В 1976 году я провел первые месячные курсы регентов. Многие из тех курсантов до сих пор трудятся в братстве.

В 1977 году мы опять организовали обучение регентов. Занятия проходили в Харцызске.

В наш молитвенный дом регулярно, два раза в год — первого мая и седьмого ноября,— стала съезжаться молодежь. Это, конечно, очень не нравилось властям. Они стали препятствовать проведению молодежных общений, критиковать нас в печати. Одно такое общение запомнилось мне на всю жизнь.

Это было седьмого ноября 1977 года. Шел холодный дождь. Народу пришло много, так что пришлось вынести из зала все скамейки. Оставили только несколько штук у стен, чтобы уставшие могли немного отдохнуть (общение продолжалось обычно около пяти часов).

Все шло хорошо: проповеди, пение, стихотворения возвеличивали имя Божье и назидали жаждущие души. Звучала проповедь на тему: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». В тот момент, когда Дух Святой начал действовать в сердцах и многие готовы были склониться перед Господом в молитве покаяния, пришла группа учителей. Они остановились у входа, так как дальше пройти было невозможно. Лишь в центре зала был проход, по которому к кафедре могли подойти желающие покаяться.

Завуч школы, оценив обстановку, сказал учителям:

— Смотрите, сейчас у них начнется инсценировка. Все будет разыграно по ролям: проповедник начнет слезно призывать к покаянию, в это время кто-то из своих выйдет и закричит: «Господи, прости меня, грешника!» Кто-то будет вторить ему, ну а кто-то из впервые пришедших примет все за чистую монету и захочет покаяться в грехах. Так сектанты затягивают в свои тенета.

Рядом с учителями стоял юноша, пришедший послушать проповедь Евангелия и посмотреть на христианскую молодежь. Ему очень захотелось увидеть инсценировку, о которой говорил завуч, но из-за большого количества стоявших впереди ничего не было видно. Юноша разулся и встал на лавку, чтобы видеть происходящее у кафедры. Богослужение шло, и Дух Божий стал стучать в сердце молодого человека, призывая его покаяться. Забыв про снятые туфли, он в белых носках пробрался вперед, упал на колени и со слезами стал молиться:

— Господи, прости меня, грешника! Помоги мне встретиться с Тобой! Очисть мое сердце и войди в него!..

Когда он поднялся с колен, его глаза сияли радостью. Он взглянул на свои носки и улыбнулся.

— Встретилось ли твое сердце с Господом? — спросил я у юноши.

— Да! — счастливо ответил он.

В этот момент от группы учителей отделилась молодая учительница и торопливо пошла по проходу. Мы подумали, что сейчас начнется противодействие, прозвучит увещание не губить религией молодежь. Но случилось обратное. Учительница некоторое время стояла молча, видно было, что она сильно волнуется. Вдруг на ее глазах появились слезы, она упала на колени и зарыдала. По ее щекам из-под густо накрашенных ресниц потекли черные слезы.

Достав белый платочек, учительница стала вытирать слезы, но они текли ручьем. Вдруг она встала и, подняв почти черный платочек, сказала:

— Вот такая грязная и моя жизнь! Я не хочу больше так жить!

Она опять упала на колени и стала просить у Господа прощения.

Атеистическую группу словно ветром сдуло. Бог не позволил им помешать проведению общения.

Забегая вперед, окончу это повествование. Через три года меня арестовали, и я почти девять лет не видел свободы. Освободившись из заключения, я по-прежнему стремился в общение со святыми. На одном собрании в Луганске я рассказал о юноше в белых носках и о черных слезах учительницы. После проповеди ко мне подошел молодой человек, лет тридцати.

— Вы меня не узнаете? — спросил он добродушно.

Я смотрел ему в лицо, стараясь вспомнить...

— Я тот самый юноша, о котором вы рассказывали!

Мы обнялись. Я был тронут до слез.

— Ну, а теперь, брат мой, ты видишь Господа? — спросил я, вспомнив тему давнего общения.

Он ответил словами псалмопевца:

— «Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня...»

В НАЧАЛЕ лета 1978 года в молитвенном доме города Харцызска мы собрали регентов для обучения. Этот труд по проведению курсов разделил со мной профессиональный дирижер хора и вокалист Владимир Андреевич Охотин. (Он внес большой вклад в хоровое служение в братстве, отбыл срок заключения, но, к сожалению, эмигрировал в Америку.) Участники этих регентских курсов подали в Совет церквей заявление с предложением создать в братстве Музыкально-хоровой отдел (МХО).

Первые две недели занятия проходили спокойно. Узнав о регентских курсах, власти решили вмешаться, но Бог расстроил их планы. В молитвенный дом прибыл большой наряд милиции во главе с начальником городского управления КГБ и секретарем горисполкома. Они не учли, что был праздник Вознесения Иисуса Христа и проходило торжественное богослужение. Пел сводный хор, состоящий из курсантов и местных хористов, занятий не было. Община считалась зарегистрированной, и нарушать богослужение власти не имели права.

Я как раз стоял на кафедре и проповедовал, когда они вошли и приказали прекратить занятия. Я заявил, что никаких занятий нет, здесь проходит праздничное богослужение, и попросил не бесчинствовать. Не обращая внимания на мои слова и на возмущение верующих, работники милиции по указанию секретаря горисполкома, которая знала почти всех в церкви, стали по одному выводить курсантов на улицу и сажать в автобус. Поняв их замысел, я предложил всем присутствующим (их было около трехсот) выйти на улицу. Кого-то из регентов все же арестовали, но многие растворились в общей массе и ушли. Владимир Андреевич Охотин сумел собрать их, переехал с ними в Брянск и довел курсы до конца.

Меня же в то воскресенье арестовали и долго держали в КПЗ. Приезжал из Киева главный специалист по религиозным вопросам полковник Фисуненко, а также подполковник КГБ из областного

управления. Угрожали мне тюремным сроком. Я смело заявил, что местные власти незаконно разогнали собрание верующих, посвященное Вознесению Иисуса Христа, и если это будет продолжаться, то община сдаст регистрацию. Продержав под арестом сорок суток, меня тогда все же отпустили. Регистрация общины была им в то время выгоднее, чем мой арест.

В ответ на заявление регентов-курсантов было созвано Всесоюзное совещание регентов. На этом совещании был образован Музыкально-хоровой отдел. Мне предложили принять руководство МХО, а В. А. Охотина избрали моим заместителем. Ответственность за МХО в Совете церквей возложили на Николая Петровича Храпова.

Вспоминая о Храпове, можно написать целую книгу: таким деятельным был этот служитель. Давно знакомые, мы особенно сблизились с ним со дня основания МХО. При всей своей занятости он находил время для долгих личных бесед, вдохновляя каждого на всецелое посвящение своей жизни Иисусу Христу. Регентские курсы проводились регулярно, и Николай Петрович считал своим долгом преподавать обильные наставления курсантам и лично беседовать с каждым из них.

В последний раз я виделся с Николаем Петровичем весной 1980 года. Мы ехали вместе с библейских курсов, на которых он преподавал догматику и пастырское служение. Я учился на этих курсах и одновременно преподавал апологетику. По дороге Николай Петрович с какой-то грустью в голосе сказал:

— Дорогой брат, не уделишь ли ты мне один денек? Бог поручил нам с тобой большую ответственность: мне — за литературное служение в братстве, тебе — за музыкальное. Поехали со мной в Коломну, где прошла моя юность, я хочу кое-что показать тебе и рассказать!

Большой жизненный опыт и духовная интуиция подсказывали Николаю Петровичу, что скоро опять придется прощаться со свободой, а в его возрасте новый тюремный срок мог оказаться последним (так и случилось).

С утра до обеда Николай Петрович водил меня по Коломне, подробно рассказывая, как здесь совершалось служение Господу.

— Я очень любил старцев,— говорил он. — Быть в общении с ними и слушать их наставления считал за счастье. Когда старцев вдруг не стало и мне нужно было самому решать духовные вопросы, я трепетал от страха. Я боялся в своих решениях преступить волю Божью и много молился...

Николай Петрович повел меня на кладбище и показал могилы почивших в Господе братьев и сестер по вере в Иисуса Христа. Среди них была могила Михаила Даниловича Тимошенко, много потрудившегося для Господа.

Мы были уже довольно утомлены, когда он вдруг сказал:

— Ну, а теперь, брат мой, пойдем к моей сестре, я хочу рассказать о самом главном.

В коммунальной квартире своей сестры Николай Петрович рассказывал мне о книге «Счастье потерянной жизни», которую желал скорее закончить, но не находил времени. В конце беседы Николай Петрович вывел из соседней комнаты свою мать — худощавую, высокую старицу. Познакомив меня с ней, он сказал:

— Расскажи-ка, мама, брату, моему сотруднику на ниве Божьей, как ты пробиралась к папе на свидание по заснеженному полю. Пусть знает будущее поколение правду о всех испытаниях, выпавших на вашу долю...

На лице матери изобразилась глубокая скорбь. Она опустила голову и долго сидела в безмолвии. Казалось, что воспоминания заставляли ее снова страдать. Глубоко вздохнув, она не сказала, а, скорее, простонала:

— О-ох! — и со слезами начала печальное повествование.

Она рассказала, как шла по насту много километров. Дороги не было. Обувь быстро истерлась о ледяную корку, ноги изранились, и на снегу оставались кровавые следы. Местами уже текли потоки растаявшего снега. В одном месте перейти поток было невозможно, и она, найдя двухметровый шест, с его помощью перепрыгнула через поток. Она все же смогла повидаться с умирающим мужем, отцом Николая Петровича, которого бросили в лазарете на произвол судьбы. Он лежал совершенно раздетый, под одним покрывалом.

Кто сможет в полной мере описать эту повесть страданий?! Только на небе мы узнаем о всех страдальцах за истину, оставшихся неизвестными, но сохранивших верность Богу до смерти.

Вскоре после этой встречи Николая Петровича арестовали, а через два месяца за решеткой оказался и я.

Арестовали Николая Петровича рано утром. Это был его последний арест.

Один из чекистов, войдя в спальню, назвал Николая Петровича по фамилии героя книги «Счастье потерянной жизни»:

— Ну что, Владыкин, вставай! Потрудился, пойдем на отдых!

Многострадальный путь Николая Петровича закончился в ноябре

1982 года в одном из лагерей Мангышлака. Он ушел в те обители, куда тюремный черный ворон не имеет доступа. В общей сложности в местах лишения свободы брат провел тридцать лет без двух месяцев. Книгу «Счастье потерянной жизни» ему так и не удалось дописать.

НЕЗАБЫВАЕМЫМ осталось общение в Ростове-на-Дону (1979 год). Оно проходило с участием хора выпускников регентских курсов. По стране подобные общения повсеместно разгоняли. Ряды узников за веру в Господа Иисуса Христа быстро пополнялись. Атеизм наступал, но братство не сдавало позиции.

Общение в Ростове-на-Дону было запланировано на летний воскресный день по улице Борковской, где жили рядом две семьи верующих. Узнав об этом, власти быстро организовали праздник улицы, подогнали к этим двум домам специальные машины с громкоговорителями и устроили танцы. На автобусной остановке верующих встречали работники милиции, КГБ и дружинники. Они сажали христиан в автобусы и увозили кого куда. Иногда, обознавшись, они хватали неверующих людей.

Один задержанный милицией юноша кричал:

— Отпустите меня, я же не баптист!

— Докажи! — настаивал милиционер.

— Чем я вам докажу?

— Ругнись матом!

Бедный юноша не замедлил осыпать арестовавших его отборной нецензурной бранью, и его отпустили.

Видя происходящее, братья экстренно собрались на совещание и изменили место общения. Приезжающих стали направлять в лесопосадку около аэропорта. Несмотря на то, что многим помешали попасть на общение, а кто-то не нашел нового места, все же на поляне, под куполом ясного неба, собралось около тысячи человек.

Чередуясь с проповедями, звучали христианские гимны. Недруги истины Христовой и сюда подогнали свои машины с нетрезвыми людьми. Сначала они плясали рядом под дикую музыку, потом стали прорываться сквозь плотное кольцо верующих в центр, чтобы помешать чтению Слова Божьего. Дружинников и милиции становилось все больше и больше. Предвидя массовое избиение верующих (мы были довольно далеко от жилых кварталов), я предложил братьям организованно выходить на дорогу и идти в жилой район города. Предложение было принято, и христиане двинулись к жилому массиву по автомагистрали.

Поняв замысел, недруги стали мешать нам выходить на дорогу.

Кого-то задержали, но основная масса молодежи вышла на перекресток автомагистралей рядом с овощным базаром, окруженным высотными зданиями, и запела гимн «Любовь Христа безмерно велика».

Это было чудное пение! Жители сбегались со всех сторон и выходили на балконы, чтобы посмотреть на поющих, окруженных работниками милиции. Владимир Андреевич встал на торговый столик и дирижировал этим огромным хором поющих христиан. Движение автомобилей было остановлено.

Минут через сорок приехал полковник и, протиснувшись в центр, к служителям, попросил разойтись, соглашаясь на любые наши условия. А условия наши были очень просты — не препятствовать намеченному общению христианской молодежи по улице Борковского. Это условие было выполнено, и через час мы уже проводили богослужение по намеченному ранее адресу. Звучали проповеди и гимны. Недруги окружили нас, заняв соседние дворы. Ход служения они стали снимать на телекамеру.

Несмотря ни на что, звучал призыв к покаянию, и десятка два юношей и девушек со слезами отдали свое сердце Господу в молитве.

ПОСЛЕ того как в Харцызской церкви было нарушено праздничное богослужение, искренние братья и сестры стали требовать сдачи регистрации. Многие понимали, что регистрация разобщает нас с братством и не дает права на свободное служение Господу.

Весной 1979 года четверо служителей церкви — В. И. Юдинцев, В. Н. Дуденков, В. Ф. Чепиков и я — подали в Совет церквей заявление с просьбой рассмотреть вопрос о регистрации Харцызской церкви. Мой папа к этому времени ушел в вечность с глубоким переживанием о состоянии общины.

Тщательно изучив документы о регистрации, я понял, что она не такая уж безобидная, какой ее пытались представить. В документе, дававшем общине право осуществлять свою деятельность, было отмечено, что он выдан «на основании действующего в СССР законодательства о религиозных объединениях». Значит, ни одна зарегистрированная община не могла уклониться от безбожного законодательства!

Председатель СЦ ЕХБ Геннадий Константинович Крючков находился в то время в строжайшей конспирации. Видя серьезность нашего вопроса, он решился вызвать меня к себе и многое мне разъяснил. Когда он сказал, что «регистрация Харцызской церкви — это нож в спину братства», чешуя спала с моих глаз. Я понял, что Со-

вет церквей никогда не был сторонником регистрации, так как никакая форма регистрации не могла обойти законодательство о религиозных объединениях.

Я так любил Михаила Тимофеевича! И все же у меня созрело решение поступить согласно знаменитому высказыванию Аристотеля — ученика Платона: «Платон мне друг, но истина дороже».

В ответ на наше заявление в Харцызск приехали служители Совета церквей. Они много убеждали церковь освободиться от греховной регистрации. Шаптала долго не соглашался, но потом все же пообещал сдать регистрацию.

В мае 1979 года на совещании служителей Донецкого объединения в Макеевке Михаил Тимофеевич заявил о готовности освободиться от регистрации. Это заявление было встречено всеобщей радостью. В объединение входило три области: Донецкая, Ростовская и Ворошиловградская. Ни одна из церквей в этих областях не была зарегистрирована, кроме Харцызской. Причем пресвитером этой церкви был служитель, ответственный за объединение, член Совета церквей!

Как только Михаил Тимофеевич изложил свой вопрос, в дом вошли работники госорганов. Среди них были и секретарь горисполкома, и множество работников милиции, КГБ, и даже прокурор. Пятерых братьев сразу арестовали — П. В. Румачика (он был членом СЦ), М. Т. Шапталу, В. И. Юдинцева, Ф. В. Корниенко и меня.

В отделении милиции, когда нас оставили в комнате одних, я при всех спросил Михаила Тимофеевича:

— Если кто-то из нас останется на свободе, сдаем регистрацию?

Он ответил:

— Сдаем.

Тогда меня, Ф. В. Корниенко и В. И. Юдинцева отпустили, а М. Т. Шапталу и П. В. Румачика осудили соответственно на десять и пятнадцать суток. Это было в субботу.

В воскресенье, на утреннем собрании Харцызской церкви я сказал нашему благовестнику:

— Нужно выручать Михаила Тимофеевича. Напишем заявление о сдаче регистрации, подпишем на членском собрании и сдадим его вместе с регистрационными документами. Таким образом мы весь удар примем на себя.

Благовестник согласился. На членском собрании заявление подписали сто два члена, многие воздержались. Я отвез заявление уполномоченному по делам религий при облисполкоме и сдал его вместе с документами о регистрации общины.

Через десять суток Шапталу отпустили, а я на все лето уехал в Фергану. Там вместе с Охотиным мы дважды провели курсы регентов. Я с неподдельной радостью свидетельствовал всем, что наша церковь сдала регистрацию и не разделилась.

Однако, возвратившись в конце августа в Харцызск, я понял, что радоваться было нечему. Братья, активные сторонники сдачи регистрации, были лишены слова. Наставление церкви давали только сторонники регистрации. После мы узнали, что регистрационные документы были возвращены втайне от церкви.

Меня тоже отстранили от проповеди после того, как я в двух или трех проповедях раскрыл смысл слов Христа: «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня». Моя мачеха, очень богобоязненная христианка, оставшись после смерти папы хозяйкой дома, не понимала всех тонкостей происходящего и была на стороне Шапталы. Мне пришлось много беседовать с ней, и Господь помог ей правильно сориентироваться в создавшейся ситуации. Она смело встала на сторону истины.

В церковь снова приехали служители Совета церквей, и сторонникам регистрации пришлось сознаться, что они забрали регистрационные документы и община остается зарегистрированной. Помня желание покойного папы — посвятить дом для служения Господу в истине, без регистрации, я заявил на членском собрании, что в отцовском доме служение будут совершать те, кто по учению Иисуса Христа находятся в единстве духа с братством Совета церквей. Моя мачеха подтвердила свою готовность жертвовать домом для собраний без регистрации. Из двухсот пятидесяти членов церкви только семьдесят восемь решились пойти путем страданий, а остальные, предъявив нам счет за ремонт дома, пожелали оставаться зарегистрированными и приобрести другой дом.

Так в Харцызской церкви произошло разделение. Шаптала впоследствии стал одним из лидеров автономной регистрации, а нам пришлось перенести всю тяжесть гонений за истину. Братья и сестры, желающие оставаться верными Господу, претерпевали ущемления на работе, незаконные увольнения, краткосрочные аресты, штрафы.

На меня возложили ответственность за церковь. Постоянные угрозы, штрафы, трудное материальное положение (у нас было уже семь детей), почечно-каменная болезнь — все это очень затрудняло мое служение и в братстве, и в церкви.

Осенью 1979 года в моем доме произвели обыск. Конфисковали всю духовную литературу. Чудом удалось спасти рукопись только

что написанной повести «Любочка». Этот обыск был ясным предупреждением о том, что мне нужно готовиться к тюремному заключению. Изнуряли вызовы в органы власти. От встреч с работниками КГБ я уклонялся, но они буквально не давали мне прохода, используя для встреч место моей работы.

Наступила весна 1980 года. Первого мая в нашем городе должно было проходить молодежное общение. Работники КГБ прямо заявили, что это общение для меня будет последним, если я решусь проводить его. Конечно, плоть моя страшилась, но дух пламенел желанием служить Господу. За два дня до общения за моим домом установили слежку с целью ареста. Люба сообщила мне об этом, и я не пошел домой после работы.

Памятной стала ночь с тридцатого апреля на первое мая. Это была ночь духовной борьбы. Несколько раз я преклонял колени и просил у Господа силы, отлично сознавая, что с общения домой мне уже не вернуться: мой путь пойдет через суровые испытания в заключении. Вспомнилась молитва Иисуса: «Отче, избавь Меня от часа сего, но на сей час Я и пришел». Многие из моих сверстников, идя за Христом, уже по нескольку раз «испытали узы и темницу», теперь настала моя очередь. Господь укрепил меня, и, уповая на Его милость, я решился сказать Ему: «Да будет воля Твоя!..»

ПЕРВЫЙ СРОК ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

МОЛОДЕЖНОЕ общение решили провести в Липовом лесу, примерно в километре от Харцызска. Власти угрожали разгоном и предупреждали, что нигде не дадут провести общение, поэтому мы нашли поляну, окруженную оврагом, и с одной стороны примыкавшую к железнодорожному полотну. Подъехать к месту общения на автомобилях было невозможно, и мы надеялись, что нас все же не разгонят.

Было чудесное весеннее утро. Легкие белые облака плыли по синему небу. Жители города шли на первомайскую демонстрацию, а христианская молодежь, влекомая Духом Святым, спешила за город. Это влечение прекрасно выражено в Псалтири: «К святым, которые на земле, и к дивным Твоим — к ним все желание мое».

После молитвы, в которой служитель призвал благословение Господне, к небу понеслось тысячеголосое пение во славу Творца. На таких общениях обычно исполняли гимн «Привет вам, Христово

цветущее племя», слова которого написал Николай Петрович Храпов. Единым сердцем христианская молодежь пела:

Сегодня сердца молодые пусть будут
В биенье одном на груди у Христа,
А завтра, быть может, кого и поднимут
Толпой разъяренной на древо креста.

После первой проповеди все склонили голову для молитвы. Молодые люди выражали желание воспринимать то драгоценное, что Бог хочет сказать каждому. Нераскаявшиеся души, обличаемые Духом Святым, начинали сокрушаться перед Господом. Но недруги истины Христовой никому не дали в этом общении совершить молитву покаяния.

Власти мобилизовали милицию и дружинников не только Харцызска, но и близлежащих селений. Руководили разгоном работники КГБ из города и области. Они нагрянули внезапно на четырех автобусах и девятнадцати милицейских автомобилях, которые оставили за оврагом. Увидев их, молодые братья, не сговариваясь, встали плотным кольцом, чтобы не дать возможности недругам проникнуть в центр и арестовать служителей. От многих дружинников и милиционеров пахло спиртным. Им, очевидно, разрешили бесчинствовать. Они заламывали руки братьям и вели их в автобусы, иных тащили за волосы. Некоторые безбожники бессовестно хватали молодых сестер, пытаясь таким образом вынудить братьев защищать их, а после приписать им нападение на блюстителей правопорядка во время исполнения ими служебных обязанностей (это очень тяжелая статья Уголовного кодекса). Часа полтора продолжалось бесчинство. Наконец всех увели в автобусы и автомобили и повезли подальше от города. На расстоянии двадцати—тридцати километров от Харцызска братьев и сестер высаживали группами прямо в степи.

На поляне я остался один в окружении атеистов из различных государственных органов. Надо мной насмехались, задавая каверзные вопросы, мне угрожали, ожидая распоряжения вышестоящих. Я прекрасно понимал, что возвратиться домой мне не суждено.

«Что будет с семьей? — думал я. — Как они выживут?»

Мы с Любой ожидали восьмого ребенка. Старшему сыну было тогда всего двенадцать лет. Теща, много помогавшая в воспитании детей, умирала от рака. Хотелось уединиться и со слезами помолиться Господу, но вокруг — десятки недобрых глаз. Я мысленно воззвал к Господу, и Он удивительным образом укрепил меня.

Вдруг из леса вышел Павлушка — мой старший сын. Он незаметно подошел к окружавшим меня атеистам, прорвался через их кольцо и подбежал ко мне. Павлик ухватился обеими руками за мою руку, посмотрел мне в глаза и тихо спросил:

— Папа, можно я буду стоять рядом с тобой?

Волна нежных чувств хлынула мне в сердце.

Сын-первенец. Сколько радости было, когда он родился! С пятилетнего возраста его и дочь Машу я стал обучать игре на скрипке. Совсем недавно их отчислили из музыкальной школы только за то, что свое умение играть они использовали на богослужениях. Полгода назад этот сын во время обыска выпрыгнул в форточку и убежал, спасая рукопись моей повести «Любочка». В одних носках и рубашке он около двух часов бегал по мокрому снегу, а потом спустился в колодец, пока не ушли производившие обыск. Теперь он стоял рядом, не желая расставаться с отцом.

Улыбнувшись сыну, я ответил:

— Конечно, стой рядом, мой сын! Я доволен тобой. Посмотри кругом и запомни эти лица. Это наши гонители. За них мы должны молиться и до конца стоять за правду.

Он еще сильнее сжал мою руку, по-взрослому нахмурил брови и склонил голову. Я почувствовал, как мою руку обожгли его горячие слезы. Казалось, они капают не из глаз, а из детского сердца.

Крепкий молодой милиционер, ставший впоследствии начальником ГАИ, отдернул сынишку, толкнул меня в спину и приказал идти вперед. Так меня арестовали.

В КПЗ меня опять навестили работники областного управления КГБ. Последняя встреча с одним из них была в Донецке, по месту моей работы, в музыкальной мастерской. Назвав себя Иваном Петровичем Новиковым, он предложил мне порвать с Советом церквей, так как все равно всех арестуют.

— Мы и Крючкова скоро выловим,— самоуверенно заявил он. — Что вы на это скажете?

Я попросил разрешения ответить грузинским афоризмом.

— Каким? — спросил он.

— Тигра не убил, а шкуру уже продает,— ответил я.

Это его тогда обескуражило, но в КПЗ он все же прибыл.

От ответов на прямые вопросы я стал уклоняться, зная, что теперь надо беречь силы и не растрачивать их зря.

Через пятнадцать суток явился прокурор и предъявил мне санкцию на арест, а до сих пор я находился просто под админи-

стративным взысканием. Таким образом работникам КГБ вначале давали возможность сломить волю арестованного и склонить его на компромисс. Если же это не удавалось, прокурор выдавал санкцию на арест.

Меня увезли в следственный изолятор Донецка, проще говоря, в тюрьму. Трудно описать удручающее впечатление от пребывания в тюремном отстойнике. Отстойник — это камера площадью примерно шестьдесят квадратных метров с одним маленьким окном, закрытым снаружи баян-решеткой. Решетка получила такое название из-за своего вида: сваренная из металлических пластин, она напоминала растянутые меха баяна. Пластины расположены под углом, так что нет никакой возможности увидеть, что происходит на земле, зато, если прижаться к стене и посмотреть вверх, можно увидеть полоску неба. В эту камеру до вечера помещают этапированных заключенных со всей области.

Меня буквально втиснули в отстойник, так как в нем находилось уже более двухсот арестованных. Многие курили табак. Некоторые умудрялись в жестяных кружках варить чифир — очень крепкий чай. В качестве топлива использовались порванные на полосы куртки, рубашки, полотенца и т. п. В камере стоял такой смрад, что человек некурящий и не привыкший к таким условиям мог потерять сознание. Дикая нецензурная брань, бесчеловечные отношения надсмотрщиков и заключенных, которые обычно в таких местах сводили старые счеты, дополняли «комфорт» отстойника. Позднее, написав стихотворение «В отстойнике», я не смог назвать эту камеру иначе, как только «преддверьем ада».

Табачный дым, как сизая вуаль,
Окутал тусклое оконце.
Баян-решетка скрыла неба даль
И свет полуденного солнца.

Тяжелый запах, сумрак, духота,
Людей набито до отказу.
Как только новый привезут этап,
Их всех сюда бросают сразу.

И в эту массу втиснули меня
Внезапно, со свободы прямо,
Как будто гром средь солнечного дня
Над головой моею грянул.

Ругательств адских дикий перезвон.
В глазах темно... Стоять мне надо...

Быть может, это только страшный сон?
А может быть, преддверье ада?

Нет, это быль, и в этой были — мы,
Бранится кто-то, кто-то стонет...
В хоромах старой матушки-тюрьмы
Нас принял батюшка-отстойник.

Еще этап. И под всеобщий крик
Меня притиснули к окошку.
Теряю равновесье. В этот миг
Пахнуло воздухом немножко.

Молюсь: «Господь, дай сил, меня теперь
Прислал к преступному Ты люду,
Закрыта плотно на свободу дверь,
Но я Тебя здесь славить буду!»

Осматриваю незаметно всех:
Бандиты, воры, все убийцы...
Как жизнь людскую исковеркал грех!
Какие зверски злые лица!

Иной уж много раз идет в тюрьму,
Всю жизнь, весь мир кляня безбожно.
Как только главного все не поймут:
Зло злом исправить невозможно!

Иной здесь в первый раз, но все равно
Тюрьма ему не будет проком,
Жестокость приведет его на дно,
В эссенцию людских пороков.

Христос, живой Христос так нужен всем,
Его евангельские строфы
Людей ведут сначала в Вифлеем,
Из Вифлеема — на Голгофу.

Там, на Голгофе, родилась она,
Христа Невеста — голубица.
Его рукой в виссон облечена,
Что может в мире с ней сравниться?!

О Церковь, о тебе пою я песнь
И поэтические гимны,
Как хорошо, что на земле ты есть!
Во тьме горят твои рубины.

Ученый мир открыть сейчас сумел,
Хоть это многим непонятно,
Что будто у галактик есть предел,
А на светящем солнце — пятна.

Быть может, есть и пятна, но взгляни:
Дарует солнце свет свой людям,
И мы во все свои земные дни
Светилом только любоваться будем.

На Церковь я взглянул сейчас из уз,
И голос сердца мне ответил:
Да, это истинный, святой союз,
Единственный на всей планете.

О братья, сестры, как люблю я вас!
Пусть к вам летит мое признанье!
Вы для меня вот в этот трудный час
Есть слава Церкви и сиянье.

Про недостатки ваши я забыл,
Всем все простил, молю: «О Боже,
Даруй любимым братьям, сестрам сил
Мои грехи простить мне тоже».

Хочу остаться верным до конца
И к высшей почести стремиться,
В небесной славе Сына и Отца
Хочу увидеть ваши лица.

Вечером из отстойника начинают распределять по камерам.

Измученного за день заключенного в камере ожидают свои законы. Если у него первый срок заключения и ему нет сорока лет, руководство камеры предлагает ему пройти «прописку». Она заключается в том, что заключенному задают несколько безнравственных вопросов, составленных так, что при любом ответе он попадает в трудное положение. Это делается для того, чтобы унизить человека, назвав его быком, а после подчинить себе и отобрать все, что у него есть.

У меня была с собой передача. Войдя в камеру с сильной головной болью, я выложил продукты на железный стол, вделанный в цементный пол, и попросил поделить ее поровну, сказав, что лишен свободы за веру в Бога. Четырнадцать пар глаз жадно устремились на продукты. Главарь камеры занялся передачей, чтобы взять из нее львиную долю, а мне указал на нары у самой двери. Покончив с передачей, кто-то вспомнил, что меня надо «прописать». Зная,

как в таких случаях издеваются над заключенными, я спокойно сказал, что, как христианин, на безнравственные вопросы отвечать не могу, а сам стал мысленно молиться Господу, чтобы не потерять сознание от невыносимой головной боли. Через отданную передачу Господь смирил главаря, и меня оставили в покое.

Камера пополнялась новыми заключенными. Свободных нар уже не было, и люди располагались прямо на бетонном полу, бросив на него матрац. Некоторые моментально засыпали от усталости. Главарь предписывал таковым «освежающий душ». Для этого в таз набирали литров пять воды и с третьего яруса нар выплескивали в лицо спящему. Тот в ужасе вскакивал, а наглые преступники (в основном молодые люди) хохотали. Кто-то бросался в драку, но коллективными побоями его быстро усмиряли.

Было уже за полночь, когда я, задремав, проснулся от шепота:

— Давай и святому душ пропишем.

— Не выдумывай,— зашептал другой,— он такую беду намолит потом, что не расхлебаешься...

Так Бог защитил меня от беспорядочных людей.

На следующий день, отвечая на расспросы, я невольно стал свидетельствовать об Иисусе Христе. Меня слушали. Главарь камеры мне не препятствовал, но после обеда его вызвали часа на два. Вернувшись в камеру, он сказал, что вызывали на допрос к следователю, на самом же деле, как открылось позднее, он был доносчиком, поэтому так бесчинно и смело вел себя. После вызова он стал настраивать всех в камере против меня, не скупясь обзывать верующих самыми последними словами. Я пытался убедить его, что он не прав. Считая себя очень умным, главарь вдруг вспылил и приказал мне замолчать, угрожая побоями.

Я сказал:

— Меня давно работники КГБ заставляли замолчать, но я должен говорить людям о Спасителе Иисусе Христе. А кто же ты такой, что вместе с ними заставляешь меня молчать?

Этот вопрос насторожил и его, и многих в камере: доносчиков жестоко избивали и объявляли о них по всей тюрьме. Обозвав меня быком, он схватил шахматы и закричал:

— Ты, умник, садись напротив! Сейчас будешь со мной играть, и я при всех докажу, что ты — бык, как и все богомолы!..

Впоследствии я просил у Господа прощение за то, что согласился с ним играть. Но тогда, будучи возбужденным, я принял вызов.

Он был сильным шахматистом, я же — только увлекался шахматами, как и все студенты, когда был еще необращенным. Вся камера

стала следить за нашей игрой, многие желали поражения моему противнику, так как он очень превозносился и притеснял других. К середине партии позиционное преимущество было явно на его стороне, и я с ужасом подумал: «Если он выиграет, то тем самым принудит меня молчать». Предвкушая победу, он стал делать необдуманные ходы, а потом допустил большую ошибку. Через несколько ходов, видя, что положение выправить очень трудно, он сбил фигуры с доски, чем вызвал явное негодование многих, потом бросился на нары, отвернулся лицом к стене и так пролежал до вечера. На следующий день его опять вызвали, но уже ненадолго. Вернувшись, он собрал вещи, и его увели. Больше я его не видел, узнал только, что он был доносчиком.

До августа я находился под следствием. Мне инкриминировали нарушение общественного порядка и неповиновение требованиям представителей власти. Скрывая подлинные мотивы ареста, недруги решили тайно осудить меня, не допустив в зал суда верующих и родственников. Они пошли на явный обман — повестки в суд разослали на шестое августа, а сами стали судить меня областным судом четвертого августа.

Горько мне было смотреть в зал и не видеть ни одного знакомого лица. Меня обвиняли как хотели и в чем хотели. Свидетелями обвинения были работники милиции и дружинники, которые первого мая разгоняли молодежное общение. Я молился, чтобы Господь помог устоять в этой неравной борьбе, и Он послал Свою помощь.

В середине судебного заседания неожиданно открылась дверь, и в зал вошли моя сестра Лидия и Люба в окружении наших детей. Судья встал и от удивления секунд тридцать не мог вымолвить ни слова. В наступившей тишине моя супруга, подняв над головой повестку, громко и отчетливо произнесла:

— Судьи, где же ваша совесть? Один обман у вас кругом! Вот повестка на шестое августа, а вы четвертого тайно и бесчинно судите моего безвинного мужа, лишая детей возможности еще раз взглянуть на отца!

Дежурные милиционеры вскочили и стали выталкивать жену из зала. Дети заплакали, сестра запротестовала, а в зале поднялся многоголосый шум.

Обратившись к судье, я заявил:

— Если вы не прекратите бесчинство, то на вопросы такого бесчестного суда я не отвечу ни одного слова.

Объявили перерыв, после которого в зал суда впустили жену, детей и сестру. Как же они узнали о суде?

Четвертого августа рано утром взволнованная Лидия попросила Любу еще раз посмотреть, когда будет суд. Лидия специально приехала с Урала, чтобы присутствовать на суде. Люба показала повестку и сказала, что суд назначен на шестое августа.

— Я видела во сне, что Женю уже судят. Поеду в Донецк, уточню,— сказала сестра и, не поддавшись уговорам, прибыла в здание областного суда.

Секретарь, которую, очевидно, судьи не поставили в известность о своих замыслах, простодушно ответила:

— Суд уже идет.

Харцызск от Донецка находится на расстоянии тридцати километров. Взяв такси, Лидия к середине дня сумела привезти в суд жену и детей. Так Господь разрушил лукавые замыслы наших неприятелей.

Продолжение суда было объявлено на пятое августа. Утром меня на воронке доставили к зданию суда. Вместо двух охранников в тот день меня охраняло шесть. Начальник охраны несколько раз предупредил:

— Смотри, веди себя как положено. Ни слова, руки за спину, а то плохо будет!

Выйдя из воронка прямо на крыльцо здания, я увидел множество братьев и сестер. Их было не меньше трехсот! У меня от волнения перехватило дыхание, сердце учащенно забилось. Забыв об угрозах конвоя, не помня себя от радости, я крикнул:

— Братья и сестры, Христос воскрес!

Громовым раскатом прозвучал ответ:

— Воистину воскрес!

В зале суда могла разместиться только часть верующих, остальные стояли под окнами до вынесения приговора.

Меня пытались обвинить в том, что кто-то из верующих сломал мизинец одному из дружинников. Потерпевший стоял перед судом и давал показания. После вопросов судьи, воспользовавшись правом подсудимого, я тоже задал потерпевшему несколько вопросов. Выяснилось, что он рядовой рабочий завода и его принудили надеть повязку дружинника и разгонять собрание верующих, о которых он никогда не был плохого мнения.

— Можете ли вы подтвердить, что именно верующие сломали вам мизинец? — спросил я.

— Не могу,— ответил он.

— Может, в сутолоке вас приняли за верующего, так как вы говорите, что сняли повязку дружинника, и свои же сломали вам палец? — задал я еще один вопрос.

— Наверное, так и было,— ответил он.

Это обвинение отпало, но все же меня пытались обвинить в нарушении общественного порядка и неповиновении требованиям представителей власти. Судья спросил, признаю ли я себя виновным.

— Какой же порядок мы нарушили на лесной поляне, где никого не было? — недоумевал я.

Ввиду того что все свидетели были только из дружинников и представителей власти, я стал требовать привлечения в качестве свидетелей кого-то из верующих, находившихся на общении. Судья, несмотря на протест прокурора, вынужден был согласиться допросить двух свидетелей из верующих. Я назвал фамилию одного молодого брата, но он так испугался, что ничего в мою защиту сказать не смог. Еще я назвал фамилию молодой сестры, медика по образованию. Благодарю Господа за смелость этой сестры. Рассказав о бесчинствах милиции и дружинников, она авторитетно, как медик, засвидетельствовала о том, что многие из разгонявших общение находились в нетрезвом состоянии. За эти показания ее прямо из зала суда отправили в КПЗ на пятнадцать суток.

Несмотря на такие разоблачения, прокурор в своей обвинительной речи попросил суд лишить меня свободы на три года. Мне стало ясно, что никакие доводы не помогут. Кто-то точно заметил, что верующих в нашей стране судили по-особому: им сначала давали срок, а потом судили, выполняя инструкции КГБ.

В продолжение речи прокурора я видел, как Люба строго смотрела на детей и иногда даже грозила пальцем, что-то шепча им на ухо. После суда, уже на свидании, я спросил у детей, почему мама так строго смотрела на них.

— Она запрещала нам плакать,— сказала Маша,— чтобы безбожники не видели наших слез, потому что ты не преступник, ты страдаешь за истину.

От защитника я отказался, а в своем последнем слове прочитал стихотворение «Орленок» — память о том, как мой сын захотел быть рядом со мной во время ареста.

Он стоял, волосенки трепал ветерок,
Очень худенький, милый мальчишка,
Для него диктовался суровый урок
Не по школьным — по жизненным книжкам.

В христианском общенье сегодня был он,
Гимны пел в майский день на просторе,
Его дискант чистейшим звенел серебром
В многосотенном радостном хоре.

Он витал своей детской прекрасной душой
В голубом, белооблачном небе
И тихонько шептал: «Боже, как хорошо,
В жизни счастлив я так еще не был!»

В океан детских дум он был так погружен,
Что не слышал, как в пение гимнов
Шум моторов вдруг врезался с разных сторон
Диссонансовым, сумрачным клином.

Он очнулся от дум... Что за люди кругом?
Их кокарды на солнце блестели,
От машин много штатских бежало бегом,
Значит, будет разгон. Неужели?!

Он подумал: с отцом что-то будет сейчас,
К нему недруги лезли упрямо,
На мгновенье отцовский услышал он глас,
Вслед за тем гимн любви громко грянул...

А потом что-то страшное вдруг началось...
Словно эхо трагической были,
Показали безбожники всю свою злость,
Рвали волосы, руки крутили...

Затащили в машины, в автобусы всех,
Невзирая на вопли и стоны;
Все святое они поднимали на смех,
Будто подвиг свершали огромный.

От машины к машине мальчишка бежал,
Вмиг разбились мальчишкины грезы;
Скорбный взор христиан лишь его провожал,—
Это Церкви Христа были слезы...

Он отца через несколько длинных минут
Разыскал в окруженье безбожном:
«Может, папу,— он думал,— они не возьмут,
С ним вернуться домой вместе можно?»

Но увы! Окружили отца неспроста...
Так хотелось бежать прямо к маме.
Вдруг, прорвавшись сквозь строй, он с отцом рядом встал
С твердой верой, как маленький камень.

Взял он руку отца, к ней прижался, как мог,
Крепко-крепко, что было силенок,

И услышал: «Тобой я доволен, сынок,
Верный мой христианский орленок!

Помни Господа, сын мой, запомни отца
И гонителей злобные лица,
Мы за правду должны постоять до конца,
За гонителей наших молиться».

У мальчишки меж русых изгибов бровей
Залегла, как у взрослого, складка...
Он отцовскую руку сжимал все сильней
И не смог в этот миг не заплакать...

Посмотрел он отцу в дорогие глаза,
Все понятно ему сразу стало,
На отцовскую руку, как искра, слеза
Не из глаз, а из сердца упала.

Кто-то грубо от сына отца отстранил,
Повели его, в спину толкая...
Не рыдай, мой орленок, крепись что есть сил! —
Христианская доля такая!

Атеисты, о где только ваши сердца?
Куда совесть могла ваша деться?
У мальчишки забравши родного отца,
Вы забрали мальчишкино детство.

В зале многие плакали. Прокурор несколько раз вскакивал, требуя, чтобы судья запретил читать стихотворение, но судья все же не перебил меня.

— Я не прошу у вас милости, судьи,— сказал я, заканчивая свое слово,— потому что милости просит виновный, а я никакого преступления не совершил. Будьте милостивы к себе, потому что Господь строго взыщет с вас, если вы вынесете несправедливый приговор.

Из зала мне стали бросать цветы. Летело множество букетов.

Через некоторое время зачитали приговор. Как и запрашивал прокурор, меня лишили свободы на три года с отбыванием срока наказания в лагерях общего режима.

В наступившей тишине зазвучал голос моей сестры:

Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата,
Есть грозный Судия, Он ждет,
Он недоступен звону злата,
И мысли, и дела Он знает наперед...

В воронок меня повели по живому коридору из работников милиции. Друзья, стоя за этим коридором, бросали мне на прощание цветы. Одну розу я успел поймать и спрятать под рубашку (цветы осужденному брать не разрешалось). В камере я показал ее заключенным, а после написал стихотворение «Роза»:

Роза прекрасная, в рифмах сонета
Знойным дыханьем цветущего лета,
Блеском росинки в зарнице рассвета
За красоту, аромат ты воспета
Пылкой душой и мечтою поэта.

Роза, я узник, и в келье убогой
Душу сжимают решетки острога,
Но ты со мной, как дыхание Бога;
Узника, роза, обрадуй немного,
Слишком смущает страданий дорога.

Роза, смотрю на тебя я, и снова
Судьи встают с приговором суровым,
В зале суда я за имя Христово.
«Верность до смерти — вот жизни основа»,—
Так я закончил последнее слово.

Судьи — как камни. На лицах — угроза,
Веет от них лишь тюремным морозом.
В зале суда кто-то тихо льет слезы...
Вдруг, словно сон, словно сладкая греза,
Кто-то мне бросил пахучую розу.

Роза, сегодня мы в камере вместе.
Ты увядаешь, но дивные песни
В блеске аккордов созвучьем чудесным
В сердце звучат о Христовой Невесте,
Будь же ты песней, мой скорбный путь крестный!

Пусть я не выдержал формы сонета,
Лишь бы мне знать, что носители света
Стойко за правду сражаются где-то;
Лишь бы иметь на молитвы ответы
И исполнять Иисуса заветы!

После суда я более трех месяцев пробыл в тюрьме, пока утверждался приговор. В ноябре мою семью опять постигло горе: ушла в вечность мама моей жены, вынянчившая наших детей. Сколько переживаний сразу выпало на долю моей супруги! А она ожидала

восьмого ребенка! Я побаивался, что после всего этого может родиться больное дитя, но Господь был милостив к нам. Девятого января родилась вполне здоровая Любочка.

Срок я отбывал в зоне города Дзержинска. До меня здесь отбывали срок братья по вере: Иван Мелащенко, Валентин Наприенко и Николай Кинаш. Они хорошо зарекомендовали себя среди заключенных.

Особую заботу обо мне проявил Владимир Иосифович Костенюк. Он работал в швейной мастерской и упросил мастера, чтобы и меня туда перевели. Постепенно в мастерскую перевели многих верующих, так как с ними мастеру было легче, чем с преступниками. Мы старались устроить туда также тех преступников, которые обращались к Богу.

В жилой зоне мы старались словом и делом свидетельствовать об Иисусе Христе, уговаривали бесчинных не сеять зло и не причинять страдания другим. Некоторые заключенные, доведенные крайне развращенными преступниками до отчаяния, готовы были добровольно уйти из жизни. Мы говорили им о любви Божьей и о том, что самоубийство — это тяжкий грех.

Среди работавших в мастерской были так называемые свидетели Иеговы, иеговисты-ильинцы и пятидесятники. При неверующих мы старались никогда не говорить о наших разногласиях. Но желающим покаяться без утайки рассказывали о различиях между деноминациями.

Однажды в нашем отряде, состоявшем из ста семидесяти человек, произошел инцидент, запомнившийся мне на всю жизнь. Господь явно послал нам Свою защиту. Все верующие занимали в секции отдельный угол. Покаявшиеся тоже переходили к нам. Среди них были и притворно примкнувшие — они держались нас, чтобы выжить в суровых условиях. Верующие других течений были все молодые, отказавшиеся идти в армию, мы же с Костенюком — в зрелых годах. У нас была Библия, и уверовавшие льнули к нам. Читали ее, конечно, тайно.

Инцидент с ворами (так называли главенствующую в зоне верхушку из заключенных) начался с того, что они довели до крайности одного заключенного из Белоруссии — Валеру. Назвав его «хозяйкой», воры заставляли его делать для них все, что хотели, и часто избивали. В полном отчаянии Валера как-то подошел ко мне и со слезами попросил помощи. Я сказал, что в условиях с волчьими законами, где мы находимся, может помочь только Бог. Если есть хоть немного веры, то надо попросить у Бога прощение за свои гре-

хи и только на Него надеяться. Валера попросил прощения у Господа, и я предложил ему переселиться в наш угол (он занимал место над своим «хозяином», чтобы по первому зову выполнять его приказания).

— Они меня убьют! — испуганно сказал Валера.

Я ответил, что Бог силен смирить гордых и надменных, Он испытывает нашу веру и все посылает только по вере, а без веры угодить Богу невозможно. Валерий долго колебался, но все же решился, так как терять ему в общем-то было нечего. После отбоя мы заснули. «Хозяин» Валеры и его компаньоны находились в рабочей зоне. В первом часу ночи они пришли и узнали, что Валера ушел к святым (так нас называли).

Меня разбудил спавший надо мной Геннадий, который не так давно перешел к нам. Он тряс меня и твердил:

— Валерку бьют! Валерку бьют!

А Валеру уже стащил со второго яруса нар и бил ногами его «хозяин». Я закричал:

— Братья, подъем! Защищайте Валеру!

Крикнуть-то крикнул, но отзовутся ли на зов верующие других деноминаций и не останемся ли мы одни против крайне развращенных людей?

Опасения были напрасны. Когда я подбежал к месту, где избивали Валеру, «хозяин» уже стоял с заломленными руками, его держали двое физически сильных свидетелей Иеговы. Он стал звать на помощь друзей из своей компании, те прибежали, но из другого угла поднялись воры, претендовавшие на первенство в отряде, и заявили, чтобы святых не трогали.

Ситуация была критической. Я подошел к державшим «хозяина» и велел отпустить его. Затем, обратившись к нему, спокойно сказал:

— Ты подумал, против кого пошел? Ты что, хочешь с Богом ссориться? Не советую. Иди-ка на свое место и, прошу тебя, оставь Валеру в покое!

К моему удивлению и большой радости, он, опустив голову, пошел к своим нарам.

Месяца два у нас в секции никого не били. Не слышно было ночных разборок и стонов. Возможно, так продолжалось бы и дальше, но в оперчасти об этом все же узнали. Там не были заинтересованы в том, чтобы мы были в авторитете у заключенных, и стали подсмеиваться над ворами, желая натравить их на нас.

— Говорят, вас святые в стойло поставили? — издевательски спрашивали они.

Как-то в конце второй смены (дело было зимой) в швейную мастерскую зашла группа посторонних осужденных. Их было человек десять. Я почувствовал, что они пришли не с добрыми намерениями. Один из них (его звали Валик), претендовавший на главенство во всей зоне, остановился посреди мастерской и властно позвал меня к себе. Я встал из-за швейной машинки и подошел к нему.

— Скажи, святой,— громко произнес он с каким-то особым, принятым у воров выговором,— что ты будешь делать, если я дам тебе сейчас по щеке? Ты же подставишь другую?

В подобных ситуациях я мысленно молился о том, чтобы Господь дал сил стерпеть побои, чтобы не проснулось старое увлечение спортом, чтобы не ответить злом на зло. Я молчал, думая, что ответить.

— Ты должен подставить другую щеку! — скорее приказал, чем спросил он.

— Да, Валентин, должен,— ответил я. — Должен, потому что так учит Христос. Но когда бьют несправедливо, то трудно стерпеть, и стерплю ли я, не знаю, а кем я был в молодости, ты, наверное, слышал...

Он застыл в недоумении, потом обратился к работавшему рядом со мной (он тоже обратился в зоне, но, освободившись, не устоял в истине и снова попал в заключение; смирения в нем не было, хотя нас он очень уважал):

— Что ты будешь делать, когда мы начнем разбираться со святым?

Он побледнел, вышел из-за машинки и скорее прошипел, чем сказал:

— Горло перегрызу за Евгения, слышишь?..

Он еле сдержался, чтобы не употребить по старой привычке нехорошее слово.

— А ты что будешь делать? — обратился Валентин к иеговисту Алику.

Алик — человек крепкого телосложения, обладал огромной силой, взгляд его темных глаз всегда был каким-то мрачным.

— Попробуй тронь, потом узнаешь, что сделаю,— глядя на Валентина близоруким взглядом, ответил он.

Подойдя с тем же вопросом еще к некоторым, Валентин обратился к Костенюку — крупному, крепкому мужчине. На вопрос Валентина он кротко ответил:

— Ударь лучше меня, если что имеешь на нас, я все вынесу. Меня Господь очень много смирял. В двенадцать лет, когда мы жили еще под Румынией, меня с отцом посадили в тюрьму за то,

что я, как и отец, не хотел креститься рукой. Потом румыны дали мне год тюремного заключения, немцы пришли — два дали, а коммунисты — три. Бей меня! Не бойся, сдачи не дам, но за брата моего, имей в виду, душу положу! — закончил он, повысив тон, и встал из-за швейной машинки.

Видя, что дело принимает серьезный оборот, я, не слушая Валентина, подошел к его друзьям и спросил:

— Что мы сделали, что вы пришли сводить с нами счеты? Неужели вы не видите, что мы невиновны, неужели вам непонятно, кто настроил Валентина против нас?

— Пошли, братва, отсюда! — сказал один из них, и они вышли, оставив Валентина одного.

САМЫМ радостным событием для человека, лишенного свободы, является длительное свидание с родными (двое или трое суток). Этой радости удостоился и я на своем страдальческом пути. В комнате свиданий площадью около семи квадратных метров нужно умудриться разместить восемь человек — ко мне приехала Люба с пятью старшими детьми и сестра Лидия, нигде меня не оставлявшая.

Первое, что сказала Люба после приветствия и молитвы, это:

— Женя! Сколько у нас друзей! Шлют письма, посещают, жертвуют самым лучшим для нашей семьи. Со всех краев идут посылки от братьев и сестер по вере...

Жертвенность, молитва, способность полагать душу за друзей — вот отличительная черта христиан, членов Церкви Христовой. Благодаря Совету родственников узников СЦ ЕХБ все общины братства получали бюллетень, в котором сообщались имена и адреса арестованных братьев и сестер по вере. Ни одна семья узника за истину не была оставлена без внимания и заботы. В условиях господства атеизма централизация была необходима. В сталинские годы такой централизации не было, поэтому многие семьи были обречены на голодную смерть.

Больше всего узник переживает за семью и за родную церковь. Штрафами и краткосрочными арестами атеисты пытались «загнать» небольшую церковь Харцызска в регистрацию. За три года моего первого срока лишения свободы некоторые братья из нашей церкви отбыли в КПЗ около двухсот суток, а церковь уплатила штрафы на двадцать шесть тысяч рублей (на эту сумму можно было купить два или три хороших дома).

Когда служителя нашей церкви В. И. Юдинцева арестовали —

В. Н. Дуденков ушел на нелегальное положение, а В. Ф. Чепиков уехал из Харцызска. Через родных я упросил своего брата Анатолия переехать в Харцызск, чтобы поддержать церковь, оставшуюся без служителей. Он понимал, что едет туда, где его тоже могут лишить свободы, но все же приехал. Вскоре его рукоположили на пресвитерское служение, а брата П. Н. Китченко — на служение благовестника. Во все годы гонений они совершали труд в церкви и в области.

На свидании я передал Лидии накопившиеся стихи. Большей частью они писались без карандаша и бумаги, так как в тюрьме подследственному не давали возможности писать, а проверяли его настолько тщательно, что даже зубной порошок высыпали и там искали — не спрятана ли какая записка. Писать стихи без карандаша и бумаги трудно, так как нужно отшлифовать четверостишие, сложить его в памяти и только тогда приниматься за следующее. Натренировавшись, я мог переносить в памяти на свидание до ста стихотворений, и как ни проверяли атеисты, в память они забраться не могли, а стихи лишенного свободы появлялись в печати. В зоне у меня уже был карандаш и бумага.

Во время отбывания первого срока была написана половина стихов для сборника «Из уз» и роман в стихах «Чей ты сын?» (роман — это крупное литературное произведение).

Прошло два года с тех пор, как меня лишили свободы. Костенюк выходил на волю. Я радовался за него, но как скорбно было расставаться! Я проводил Владимира Иосифовича до вахты, мы помолились и обнялись на прощание. В наших глазах стояли слезы. Обычно в местах лишения свободы слез никто не показывает. Считается, что заключенному плакать зазорно, но я не стыдился слез, так как провожал дорогого брата, через которого Господь оказал мне столько милости!

Теперь я один из братства баптистов должен был держать факел истины. Я чувствовал на себе эту ответственность и переживал. У меня было великое сокровище — Библия. Ее с большим риском согласился пронести один служащий при условии, что ему мы тоже подарим Библию. Мои родные привезли на свидание две Библии.

Я читал Писание тайно, так как было много доносчиков, но другие тоже хотели читать. Несколько раз верующие других деноминаций и примкнувшие к нам собирались вместе для чтения Слова Божьего, и об этом кто-то донес лагерному начальству. При первом обыске во всем отряде Библию не нашли. Мы решили разделить ее на две части, чтобы, если найдут одну часть, другая уцелела. При

всей нашей конспирации нас предали негодные люди, которые ради досрочного освобождения способны предать, как говорится, и мать родную.

Меня посадили на пятнадцать суток в штрафной изолятор. Это тюрьма в тюрьме. Там при крайне скудном питании приходилось бороться еще и с холодом. Стояла глубокая осень, а тепло подавали в камеру только на два часа в сутки, да и то трубы были чуть-чуть теплые. Верхнюю одежду (телогрейку) в ШИЗО брать не разрешали. Притом, то ли случайно, то ли специально, цементный пол в этой камере затопили водой — ходить нельзя было, и я, чтобы хоть немного согреться, вынужден был прыгать по нарам вдоль стен. Но Господь был со мной и в отчаянных обстоятельствах не давал отчаиваться.

Вскоре с новым этапом в нашу зону прибыл брат Володя из Николаева. Оперчасть не допустила, чтобы он жил в нашем отряде и работал в швейной мастерской. Негодные люди в другом отряде стали сильно притеснять Володю. Он долго не рассказывал мне об этом, просил защиты у Господа, но потом все же вынужден был рассказать. Встречаться мы могли только на несколько минут в перерывах между сменами, так как за нами постоянно следили.

В зоне отряды отделены друг от друга железной трехметровой решеткой, выходить за которую можно только строем в столовую и на работу. В одиннадцать вечера я обычно стоял у решетки, а Володя приходил в это время из рабочей зоны. Он подбегал ко мне, и мы несколько минут общались.

Меня уже никто из воров не притеснял. Валентин был сильно унижен другими ворами и находился в жалком положении. Дело в том, что вор, претендующий на главенство в зоне, должен иметь достаточные познания в некоторых областях, а приобретать знания им, в общем-то, было негде, не считая школы, где все было пропитано атеизмом. Вот они и вынуждены были считаться с нами и консультироваться по некоторым вопросам. Когда один из принадлежавших к этой категории заключенных в очередной раз пришел ко мне, я попросил, чтобы моего брата по вере не притесняли. Он обещал навести порядок и выполнил свое слово — Володю перестали угнетать.

В воскресенье я никогда не выходил на работу. Если воскресный день объявлялся рабочим, я договаривался с мастером и в субботу шил двойную норму рукавиц, на пошиве которых мы специализировались. (Субботствующие иеговисты-ильинцы с удовольствием работали в воскресенье, свидетели Иеговы почти не отличали

день ото дня.) Хотя это и не было для меня законом, но я очень желал воскресный день посвятить моему Господу.

Однажды, перед окончанием моего срока, осужденные забастовали и в воскресенье никто не вышел на работу. Вызвали солдат в касках с дубинками. В случае отказа от работы могло последовать массовое избиение. Осужденных выстроили перед строем солдат.

— Кто не пойдет на работу — шаг вперед,— скомандовал начальник.

Я шагнул вперед и с ужасом обнаружил, что из всего отряда больше никто не вышел. Меня увели на допрос в оперчасть, где пытались приписать дезорганизационные действия (в условиях зоны это тяжелая статья, по которой давали новый срок). Я пояснил, что к забастовке не имею никакого отношения и доказать это могу тем, что за все время пребывания в зоне в воскресенье ни разу не выходил на работу по религиозным убеждениям.

Через два дня меня опять вызвали в оперчасть. Приехал сотрудник областного управления КГБ, который на свободе называл себя Новиковым, а также лектор международного класса, преподаватель философии донецкого университета.

Лектор задавал вопросы относительно моей статьи «Мое счастье в Боге», которую опубликовали в журнале «Вестник истины», работник КГБ вел протокол, а начальник по режиму и начальник оперчасти зоны были безмолвными слушателями. Меня квалифицировали как не поддающегося перевоспитанию.

За несколько дней до окончания срока меня опять посадили в ШИЗО, а накануне освобождения ночным этапом отправили в СИЗО Артемовска. Ночь я провел в карцере без сна, много молился, чувствуя, что мне готовят новый срок. К утру Господь наполнил мое сердце миром. Со словами «Да будет воля Твоя!» я лег на голые нары и стал ожидать, что будет дальше.

В это время к зоне, где я провел почти три года, приехали мои родные и друзья, чтобы с цветами встретить меня, выходящего на свободу. Но встреча не состоялась. Сколько переживаний было у родных и друзей! На их вопросы начальство не отвечало, только один из освободившихся заключенных шепнул кому-то, что Пушкова ночью этапировали в Артемовск.

В девять утра меня привели в кабинет начальника артемовского СИЗО. Он долго беседовал со мной, задавал много вопросов, потом, пододвинув лист чистой бумаги, сказал:

— Если хотите быть на свободе, пишите обязательство, что больше не будете нарушать советские законы.

Я сказал, что законов страны не нарушал. Он возразил:

— Вы нарушали закон о религиозных объединениях!

— Его я тоже не нарушал, а просто не мог принять к исполнению как антиевангельский, попирающий свободу совести. Писать никаких заверений не буду. Если вам дан приказ на мой арест — я готов к новому сроку.

С минуту он молчал, рассматривая меня, а потом сказал:

— Другого ответа я и не ожидал, но мне велено провести с вами беседу, на всякий случай.

Он нажал кнопку вызова. Вошел подчиненный с гражданской одеждой, в которую мне велели переодеться. Все арестантское у меня забрали, забыли только про кепку. Гражданскую одежду, оказывается, по требованию начальника привезла моя Люба накануне освобождения.

В сопровождении двух людей в штатском меня повезли домой на машине начальника тюрьмы. Не доезжая километров пять до Харцызска, нас обогнала и остановила черная «Волга». Меня еще раз обыскали, отобрали и оставшуюся кепку, боясь, что в ней может быть зашита какая-либо информация. Но зачем нужна кепка, когда есть голова?!

В Харцызске меня сдали начальнику милиции и сразу же заполнили анкету строгого надзора. В отделении милиции находились также представители КГБ и начальник по режиму зоны пожилой майор Торубаров, относившийся ко мне с нескрываемой ненавистью. Еще в зоне он как-то сказал:

— Если бы мне дали приказ вас, врагов коммунизма, расстреливать, то у меня рука не дрогнула бы!

Приходя в нашу секцию, он всегда старался унизить меня перед осужденными. Однажды, читая лекцию, он задал мне вопрос:

— Чем человек отличается от животных?

Я ответил:

— Разумом и верой. Если у человека нет разума и веры в Бога, то его жизнь очень близка к жизни животного.

Для атеиста этот ответ был, конечно, нежелательным. Чтобы заключенные подняли меня на смех, он предпринял еще одну попытку: проинформировав нас о полете космической станции на Венеру и отметив, что температура там около пятисот градусов по Цельсию, он издевательски спросил:

— Что, Пушков, в аду жарче будет?

Я ответил, что в аду не был, да и быть там нет надобности, так как Христос, взяв на Себя грехи всех людей, спасает от ада всякого

приходящего к Нему с раскаянием. Я скорблю о тех, кто, живя без веры в Бога, узна́ет действие адской температуры. Поэтому лучше отказаться от стремления к этому знанию и познать благость и милость Господа Иисуса Христа.

Домой меня отпустили после обеда. Не передать словами стремление узника увидеть родных, друзей, свой дом. Было тридцатое апреля. Все цвело так же, как и три года назад. Казалось, ничего не изменилось, только из жизни навсегда ушли три года. Но они не канули в безвестность: каждый день скитальца записан в книге у Небесного Отца.

Дома меня встретили несколько сестер по вере и трое младших детей. Старшие дети, Люба и Лидия рано утром уехали встречать меня и еще не вернулись. Сколько они, бедные, переживали, разыскивая меня в тот день!

Я хотел взять на руки младшую дочурку, Любочку, но она испуганно прижалась к державшей ее за руку сестре и прошептала:

— Что это за дядя к нам пришел?

Я спросил сестер:

— Почему нет никого из братьев?

Мне ответили, что всех братьев посадили на пятнадцать суток. Это была хитрая уловка недругов: во-первых, они не хотели многолюдной встречи узника; во-вторых, склоняя меня одного на регистрацию общины, они стремились или сломить мою волю, или опять обвинить.

К вечеру вернулись домой утомленные родные. Вместе с сестрами, без братьев, мы провели богослужение. Какая радость — после долгой разлуки снова быть в общении и, преклонив колени, благодарить Господа!

Не замедлил прибыть и наряд милиции. Составили акт о нарушении законодательства о религиозных объединениях. Такой же акт был составлен и утром первого мая, в шесть часов. Прибывший наряд милиции обнаружил в моем доме гостей — приехавших издалека пятерых друзей по вере. Третий акт составили первого мая вечером в доме моего брата Анатолия, куда я пришел навестить его семью. Сам Анатолий отбывал срок в КПЗ, как и все братья.

Второго мая утром наряд милиции отвез меня к прокурору. Тот сильно кричал на меня и выписал последнее предупреждение. Адское колесо закрутилось в полную мощность. Третьего мая меня отвезли в горисполком, куда прибыл уполномоченный по делам религий из областного центра. Он предлагал зарегистрировать общину. Я, конечно, не стал разговаривать с ним на эту тему, мотивируя отказ тем, что все мои братья находятся в КПЗ.

У ворот моего дома постоянно дежурили люди в милицейской форме и в штатском. Никого из друзей в дом не впускали. Куда бы я ни пошел, за мной везде следили.

В том году Пасха праздновалась в мае. С большим трудом нам удалось в Страстной четверг совершить заповедь — воспоминание страданий Иисуса Христа. Милиция заблокировала все дома. Но был один недостроенный дом, его власти еще не знали, и там мы смогли собраться с сестрами.

Прошло тринадцать дней с момента моего освобождения. Братья были еще под арестом, а мы с Любой по телеграмме выехали в Саратов, где умирал ее дядя. Из Саратова мы поехали в Челябинск посетить дорогих друзей. Встреча, конечно, была очень радостной. Благодарность Господу!

ВТОРОЙ СРОК ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

ДВАДЦАТЬ седьмого мая 1983 года, в пятницу, мы с Любой вернулись в Харцызск. Собрание было назначено у моего брата Анатолия. Он жил теперь в отцовском доме, в котором раньше проходили богослужения.

С сердечным трепетом я обнял старшего брата и поблагодарил Господа за то, что церковь устояла в истине. К концу собрания прибыл большой наряд милиции во главе с начальником. Я едва успел попрощаться с окружившими меня детьми, как вместе с братьями оказался арестованным на пятнадцать суток. Опять подвальные

сырые камеры, опять голые нары, но с братьями и там было радостно.

На четырнадцатые сутки меня вдруг увели от братьев и посадили отдельно в следственную камеру. Пришел прокурор и предъявил санкцию на арест. Я не мог поверить своим глазам, читая санкцию. Двадцать семь дней мне дали побыть на свободе! В чем же была моя вина? Четыре акта, составленные за эти дни, гласили, что я опять выступал инициатором нелегальных собраний — вот в чем меня обвиняли.

Скорбно мне было одному в камере, когда после пятнадцати суток братья уходили домой. Проходя мимо двери моей камеры, каждый старался заглянуть в глазок и дать прощальное напутствие.

«Господи, на сколько же лет нам опять придется расстаться, едва встретившись?» — думал я, с трудом сдерживая слезы.

Мой Анатолий прощался последним.

— Стой в истине, Женя! — крикнул он. — Господь все равно победит!

Его отдернули от глазка, подтолкнули к выходу, но он, идя по коридору, продолжал кричать мне слова утешения.

Ночь я провел в одиночной камере. Очень трудной была эта ночь борьбы. Я только вдохнул запах свободы, аромат цветущей Украины, и вдруг опять смрад КПЗ. Я вопиял к Господу, чтобы Он дал мне силы не сломиться и остаться верным истине. К утру Божий мир водворился в моем сердце, и я крепко уснул. В середине дня, уже по привычке, без бумаги и карандаша, я сочинял стихи. Я не мог их не сочинять, они просились быть записанными если не на бумаге, то хотя бы в памяти.

Опять я с церковию местной
Стеной колючей разделен,
Опять в тюремной келье тесной
Все вспоминается, как сон.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

Жены и деток вспомнил лица,
Слезиночки из детских глаз.
Не дали даже помолиться
Нам недруги в прощальный час.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

Мои любимые, надолго
Суд разлучил сегодня нас;

Дай Бог, чтоб истинного долга
Огонь священный не погас.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

Нам в трудностях поможет очень
Молитвенный совместный пост.
Ясней горит средь мрака ночи
Небесный яхонт дальних звезд.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

На вас благословенье Бога
Пусть будет, как святой елей.
Привет пришлю, взгрустнув немного,
Я вам со стаей журавлей.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

Минуют дни скорбей, разлуки,
Даст Бог — мы встретимся опять,
Отца и мужа снова руки
С любовью смогут вас обнять.
Засветит солнце все равно
И в ваше скорбное окно!

На этот раз под следствием я был всего два месяца. Суд города Харцызска приговорил меня к четырем годам лагерей строгого режима. Привезли в СИЗО Донецка, но там вдруг поместили не в камеру осужденных, ждущих отправки в зону, а в следственную. Началась еще одна психологическая атака атеистов, желающих сломить мою волю. Мне объявили, что областной суд отменил приговор и на меня заведено новое дело. Оказывается, при обысках нашли архив МХО, и теперь меня дополнительно обвиняли в организации этого отдела по ст. 209 УК УССР. Статья была тяжелая: пять лет строго режима и пять лет ссылки.

Статья эта была чисто политическая. Она гласила так: организация и руководство группой, действия которой связаны с побуждением граждан к уклонению от исполнения советских законов. Любой юрист сейчас бы спросил: «При чем тут музыкально-хоровой отдел? Какое отношение к политике имеет обучение прекрасному искусству хорового пения пусть даже верующих людей?»

Тем не менее, до двадцать второго декабря я находился под следствием в камерах, которые заключенные называют тройниками. В этих

камерах двое двухъярусных нар на четыре места, между ними — полуметровый проход, между нарами и дверью — узкий метровый столик, рядом с ним — туалет, вот и вся камера.

Ходить в такой камере можно только по одному, вдвоем не разминешься. Несмотря на это, заключенные умудряются ходить по этой четырехметровой камере друг за другом. Разминка необходима, так как часовой прогулки в сутки недостаточно, а без движения и какой-либо умственной нагрузки наступает упадок умственных и физических способностей человека. Тройниками такие камеры называют из-за того, что довольно часто четвертый в этой камере — подсадной доносчик. Бог помогал мне почти безошибочно узнавать доносчиков, и таковым я старался еще больше свидетельствовать о Боге.

Из «тройника» меня перевели в камеру особо строгой изоляции. Эти камеры расположены непосредственно над камерами смертников, коридоры к ним замыкаются на замок. Многие дни находиться в такой камере одному и слушать, как переговариваются приговоренные к высшей мере наказания, трудно. Летом и осенью стекла в окнах обычно выбивают для того, чтобы в камеру хоть чуть-чуть проникал свежий воздух и легче было переговариваться с другими камерами.

За три дня до суда у меня произвели тщательный обыск. Даже зубной порошок пересыпали из коробки в коробку. Потом в камеру подселили заключенного лет двадцати семи. Он как-то грубо поздоровался, снял рубашку, обнажив свои мощные бицепсы и замысловатые наколки, и все старался задеть меня. Я молился Господу, чтобы он смирил этого возбужденного человека. Видя, что я не реагирую на его действия и не выказываю никакого страха перед ним, он начал задавать мне вопросы. Постепенно он заинтересовался ответами, в которых я старался свидетельствовать о Спасителе грешников. К вечеру мой сокамерник вдруг тихо прошептал:

— Слушай, паханы, ты, я гляжу, не глупый человек. С тобой можно договориться. Я согласился довести тебя до истерики, а мне за это обещали дать минимальный срок за нарушение надзора, где-то года два...

Я, конечно, был поражен этим признанием. На какую же низость способны безбожники! Им необходимо было сломить меня, чтобы на суде я выглядел абсолютно безвольным. Я благодарил Господа за Его помощь, вспоминая слова Давида: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною».

Несколько раз я стучал в дверь и просил перевести меня в другую камеру, но ответ был один:

— Сиди и не стучи! Никуда тебя не переведут.

Накануне суда, вечером, меня вдруг опять вывели в комнату для допросов. Там я увидел знакомые лица — двое из областного управления КГБ. Очень не хотелось разговаривать с ними, но они, рассказав о доме, о семье, все же втянули меня в разговор.

В этот вечер мне как никогда стало ясно, как им ненавистно наше дорогое братство и как они желали любой ценой втянуть хотя бы некоторых в регистрацию. Старший из них неожиданно спросил, хочу ли я домой. Я ответил, что быть на свободе — мечта каждого заключенного.

— Давайте договоримся,— продолжил он. — Завтра будет суд. Семь месяцев, проведенных вами под следствием, мы приговором суда зачтем за срок наказания, и вы из зала суда пойдете домой.

Я представил себе эту картину, и внутри у меня все взволновалось.

— Неужели еще есть возможность быть на свободе? — спросил я.

— У нас много возможностей,— улыбнулся он.

— Но ведь для этого мне надо выполнить какие-то условия?

— Конечно, без этого нельзя.

— Что же я должен сделать?

— Очень немногое,— ответил он. — Всего-навсего дать обещание пойти в любую зарегистрированную общину и порвать отношения с Советом церквей.

«Так вот она, цена регистрации! — промелькнула у меня мысль. — Или свобода, или десять лет лишения свободы!»

Я вдруг почувствовал всю остроту борьбы за истину Христову. Господь помог мне побороть в себе великий соблазн выйти на свободу.

— Если я могу пойти на свободу, значит, я уже не преступник? — спросил я.

— Конечно, нет.

— Если я не преступник, за что же вы меня восьмой месяц гноите в тюрьме? А если преступник, то кто вы такие, что без суда обещаете выпустить меня на свободу? Вот так вы и вершите дела! Не могу я отказаться от братства, борющегося за истину, не могу идти в зарегистрированную под антиевангельским законодательством церковь! Очень прошу, оставьте меня в покое и больше ко мне не приезжайте! — сказал я, положив конец нашему разговору.

На этот раз в зал суда верующих не впустили. Из родных разрешили присутствовать только жене без детей, сестре Лидии и жене Анатолия (его самого опять посадили на пятнадцать суток).

Мое дело состояло из трех объемистых томов. Следователем на

этот раз был старший помощник прокурора области, который на суде в 1980 году был моим обвинителем. Господь тогда разоблачил замысел атеистов тайно осудить меня, и обвинитель очень жалко выглядел перед верующими. На этот раз, питая личную неприязнь к верующим и усердствуя по службе, он постарался сделать все от него зависящее, чтобы усугубить мою вину.

Обвиняли меня сразу по четырем статьям УК УССР: ст. 209 ч. 1; ст. 209 ч. 2; ст. 187 ч. 3; ст. 188 ч. 1. Самой тяжелой была 209 статья. Если бы Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривал погашения сроков по менее тяжким статьям сроками по более тяжким, то суммированный срок по четырем статьям составил бы двадцать пять лет.

После того как прокурор выступил с обвинением и зачитал сроки по всем статьям, судья разрешил мне задать ему вопрос. Я сказал:

— Уж вы бы за двадцать семь дней моего пребывания на свободе для ровного счета запросили не двадцать пять лет, а двадцать семь, чтобы за день пребывания на свободе наказать годом лишения свободы.

Прокурор настаивал на том, чтобы суд признал меня социально опасным преступником.

Обвинение по ст. 188 ч. 1 предъявлялось мне для того, чтобы опорочить меня, как верующего. Суть обвинения состояла в том, что в 1978 году, то есть пять лет назад, во время разгона курсов регентов я будто бы совершил нападение на работника милиции. Абсурдность и недоказанность обвинения со всей очевидностью выступают теперь, когда Верховный суд Украины, пересмотрев мое дело, реабилитировал меня. Но тогда нашли потерпевшего, некоего майора Ярославцева, которого я, как гласило обвинение, «пытался душить». Бедный майор пять лет терпел такое оскорбление личности, а на шестой год якобы решил заявить об этом.

При закрытии дела подследственному дают возможность ознакомиться с материалами следствия. Читая этот материал, я узнал следующее. Когда майора Ярославцева на первом допросе спросили, действительно ли я душил его, он ответил: «Да нет, вы, наверное, ошибаетесь. Такой человек разве способен на это?» После соответствующей обработки ему учинили второй допрос, на котором он дал уже другое показание: «Да, я начинаю вспоминать, что он меня взял за отвороты кителя». Во время третьего допроса память у старого майора, видимо, окончательно прояснилась и он сказал: «Теперь я вспомнил, что он одной рукой взял меня за шею».

На суде я сказал ему:

— Товарищ майор, когда душат, то берут руками за горло, а не рукой за шею.

И он, и судьи заулыбались.

Несмотря на то что из семнадцати милиционеров, привлеченных в качестве свидетелей, ни один не подтвердил этого обвинения, а из трехсот верующих, бывших очевидцами разгона, суд никого не привлек в качестве свидетелей, в приговоре суда обвинение было сформулировано так: *«С криком „Дави их!“ Пушков бросился на майора милиции Ярославцева и стал душить его».*

Когда судья объявил перерыв, охранявшие солдаты увели меня и накормили своим обедом. Я попросил их отвести меня в зал суда пораньше, очень хотелось посмотреть на лица родных и детей, которые на протяжении всего суда стояли на улице под окнами (было очень холодно).

Войдя в зал, я увидел следующую картину: судья сидел на своем месте (слушателей в зале не было), рядом с ним стоял работник КГБ, приезжавший накануне ко мне в тюрьму, и читал судье нотацию. Он стоял ко мне спиной и не видел меня. Немного послушав, я сказал:

— Ага, вы и сюда уже проникли! То в тюрьме предлагаете без суда свободу, то судью инструктируете, как осудить меня. Вот так вершатся у вас суды!

Он резко повернулся и с притворной улыбкой сказал:

— Да что вы, Евгений Никифорович, так плохо о нас думаете! Я прошу судью пустить ваших старших детей в зал суда.

Да, великая гуманность: лишить детей счастливого детства, отобрав у них отца, снять до копейки законные пособия, а потом ходатайствовать, чтобы детей пустили попрощаться с отцом!

Очевидно, он испугался, что я раскрою их тактику, потому что минут через десять подошел мой адвокат и настоятельно упрашивал меня хотя бы частично признать себя виновным и не говорить плохо о работниках КГБ, так как это будет не в мою пользу. Я ответил ему, что признать себя виновным ни в чем не могу (ознакомившись со всеми показаниями, я уже написал в деле, что обвинения сфабрикованы, а я невиновен).

Несколько слов хочется сказать об адвокате. В 1980 году я отказался от адвоката, имея право, как человек с высшим образованием, защищаться самостоятельно. Но на этом суде Бог положил мне на сердце не отказываться от адвоката. Это был еврей, лет семидесяти пяти. Ему давно выплачивалась пенсия, но почему-то он еще работал. Он приходил в тюрьму и очень много беседовал со мной наедине.

Я откровенно рассказывал ему о нашем служении Господу, свидетельствовал о Христе, приводил библейские пророчества о Нем.

До речи адвоката на суде я еще мог думать, что он ведет двойную игру, но его защитное слово поразило меня. Он отстаивал перед судом мою полную невиновность и закончил речь словами:

— Отпустите доброго отца к многодетной семье. Прошу вас, судьи, как человек. А как юрист — требую правосудия: отпустите невиновного, не совершившего никакого преступления перед нашим обществом!

Но это был глас вопиющего в пустыне. Срок уже был определен, а судебный процесс являлся просто формальностью. Речь адвоката растрогала некоторых до слез, но большинство специально приглашенных атеистов вместе с судьями откровенно смеялись над ним. Он сел на свое место и низко опустил голову. Мне показалось, что он готов был расплакаться.

Мои предположения подтвердились, когда Люба приехала ко мне на трехдневное свидание и рассказала о последней беседе с этим адвокатом. На следующий день после суда она пришла заплатить за участие адвоката и встретила его самого. Он был очень учтив и попросил ее зайти в кабинет. Спокойствие моей жены поразило его.

— Как вы можете оставаться спокойной после суда над вашим мужем? — спросил он.

— Небесный Отец не оставляет нас. Он наш Утешитель, наша надежда.

— Нет, вы удивительные люди! Я дожил до глубокой старости и впервые встречаю подобных людей! Я хочу вам откровенно сказать, хотя не имею на это права,— вы расстались с мужем навсегда. Вы просто не знаете, что значит в нашем государстве получить квалификацию социально опасного преступника. Если даже он доживет до конца срока, то ему сразу дадут новый срок.

— Да будет воля Бога над нами и над вами, Яков Исаакович,— сказала Люба. — Я очень благодарна вам за сочувствие к нам, страдальцам за истину. Да благословит вас Бог!

— Какой Бог?

— Бог Авраама, Исаака и Иакова...

Он закрыл лицо ладонями, и из-под них ручьями полились слезы. Не отрывая ладоней, он попросил Любу оставить его в кабинете одного. Люба попрощалась и ушла. Сейчас этого доброго человека, принадлежащего к избранному Богом народу, уже нет на свете.

Суд приговорил меня к пяти годам лагерей строгого режима и трем годам ссылки. Попрощаться с родными не дали. Воронок

подогнали вплотную к двери, и я никого не увидел, а только услышал, как небольшая группа друзей, догадавшихся, что меня увозят с черного входа, запела прощальный гимн «Привет вам, борцы за свободу». Горький комок подкатил к горлу. В воронке я был один и мог со слезами взывать к Господу, чтобы Он сохранил семью, церковь и меня в новом огненном искушении.

Два месяца я находился в исправительно-трудовой колонии строгого режима в поселке Острый Донецкой области, потом меня неожиданно возвратили в Донецк. Поместили в камеру больных туберкулезом. Согласно режиму содержания, здоровому заключенному строго запрещалось находиться в одной камере с больными инфекционным заболеванием. Из шестнадцати заключенных нашей камеры у нескольких туберкулез был в открытой форме.

Я сделал вывод, что у меня обнаружили туберкулезную палочку. Это подтверждалось тем, что меня, как и всех больных, держали на диете. Я сообщил родным, что попаду, вероятно, в туберкулезную зону. Но туберкулеза у меня не было, и в моей медицинской карточке не оказалось никаких сведений о болезни. Почему я оказался в такой камере, не знаю: или ошибочно в нее поместили, или специально. В этой камере я пробыл больше месяца и не заболел туберкулезом, а на диете немного поправился.

Целый месяц я по порядку рассказывал заключенным библейские истории. Как они слушали! Может быть, для этого и прислал меня Господь в эту камеру? Особенно любили слушать после отбоя. Вся камера затихала, и я начинал рассказ. Некоторые возмущались, но большинство, урезонив возмутителей, внимательно слушали. Может быть, посеянное библейское семя в чьем-то сердце принесет плод? Это знает только Господь. Когда меня забирали на этап, то некоторые провожали с нескрываемой грустью. Я помолился за них.

В столыпинском вагоне меня повезли в харьковскую тюрьму. Вагон разделен на отдельные купе, вместо глухой двери — железная решетчатая дверь. По коридору постоянно ходит часовой. В купе сплошные деревянные полки в три яруса. Если в обычном поезде в купе едут четыре человека, то нас набивали до двадцати. Было очень душно.

Этапная суточная пайка состояла из четырехсот граммов хлеба спецвыпечки, восемнадцати граммов сахара и одной селедки, после которой страшно хотелось пить. Воду у конвоиров надо было выпрашивать. В туалет водили по одному и только по расписанию.

После такого путешествия огромная этапная камера, в которой находилось несколько сот арестантов, казалась уютной. Куда повезут

дальше — неизвестно, но в сердце — мир и покой. Это следствие доверия Господу. «У Тебя исчислены мои скитания; положи слезы мои в сосуд у Тебя,— не в книге ли они Твоей?» (Пс. 55, 9).

В тюрьме новые знакомства. Обычно они начинаются с вопроса: какая статья? Мою основную статью (двести девятую) почти никто не знал, хотя многие заключенные хорошо знали Уголовный кодекс, изучая его больше практически, чем теоретически. После разъяснения статьи обычно начинались расспросы о вероисповедании. Не обходилось и без язвительных вопросов и насмешек.

Заключенные — особый народ. Проповедовать Евангелие им нужно осторожно, привлекая их внимание и не замечая насмешек. Как правило, заключенные — это люди, не нашедшие своего места в жизни. Мне их было очень жаль. Трагедия большинства из них заключалась в том, что они высоко думали о себе, будучи людьми самыми заурядными. Не находя признания в обществе, а точнее, почитания своей личности, они ожесточались и начинали силой и беззаконными действиями добиваться авторитета.

Не зря Л. Н. Толстой говорил: «Гордость — мать всех пороков». В книге «Путь жизни» он приводит пример, как один верующий в Бога старец часто молился: «Господи, предоставь мне возможность сделать для Тебя что-то великое». И вот ему снится сон. На него идет огромная армия эфиопов, а впереди — страшный великан, ведущий армию. Старец слышит голос: «Ты хотел сделать для Меня что-то великое? Иди, сразись с армией». Старец в ужасе заявляет, что со всей армией он не может сразиться. Даже с одним великаном-эфиопом страшно вступить в единоборство, но, если нужно, он готов. Голос ему отвечает: «Иди, сразись с великаном. Если одолеешь его, армия рассеется сама по себе, потому что имя великана — гордость».

Вот этот великан и властвует в сердце у многих людей, а его главный помощник — жестокость, подкрепленная неверием в Бога. В местах лишения свободы я много раз убеждался, что огромное число осужденных — это жертвы атеистического воспитания. Некоторые попадали в тюрьму, совершив незначительный проступок, но, столкнувшись с системой жестокости, становились преступниками-рецидивистами. Зло порождает еще большее зло. Если бы в колонии работали честные люди, с добрым сердцем и чистой совестью, то после первого срока многие не попадали бы снова в тюрьму. Но, как правило, те, кто взялся исправлять преступников,— самые жестокие и бесчестные люди, хотя и среди них есть исключение из общего правила. Зачастую сломленный лагерной системой осужденный

заходит в трагический тупик и в отчаянии совершает самые тяжкие преступления.

Наконец меня вызвали «с вещами». Это значит — на этап. Я тихонько спросил пожилого старшину, держащего в руках мое дело:

— Куда направляют?

Он так же тихо ответил:

— Ивдельлаг.

Значит, путь предстоит далекий, через несколько тюрем на Северный Урал. В столыпинском вагоне, прицепленном к пассажирскому поезду, около трех суток едем в Свердловск.

НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ

ЗНАМЕНИТАЯ свердловская тюрьма, построенная еще в Екатерининские времена, представляет собой огромное сооружение, в которое, как рассказывают, ежедневно поступает до пяти тысяч пересыльных заключенных. Кормят очень плохо. В камерах — насекомые всех мастей. Немалое число страдальцев Христовых томилось в этих стенах, а кто-то здесь и жизнь закончил.

Из свердловской тюрьмы меня этапировали в тюрьму Ивделя, небольшого городка на севере Урала. Ивдельлаг — это целая система лагерей. Основной труд заключенных — заготовка леса. В какую же зону меня направят?

Вызвали на этап. Автомобильных дорог летом здесь нет: не позволяют сплошные болота. Сообщение с таежными зонами — по рекам, а также по воздуху — вертолетом. На небольшом катере в мрачном трюме мы весь день плыли по таежной реке.

К вечеру нас высадили в зоне с названием Понил. На местном наречии (рядом живут ханты и манси) *понил* — это долина смерти. Первое впечатление именно такое: попал туда, откуда выхода нет. Эта зона всегда числилась за Москвой. При Сталине сюда ссылали тех, кому не нужно было возвращаться назад. Поэтому и дали местности такое название.

Кругом сплошные болота, через которые на деревянных сваях сделана дорога для пешеходов. Километра два идем по этому настилу. Охрана небольшая: бежать некуда. Лагерная зона расположена на холме. В зоне — семь одноэтажных деревянных бараков, примерно по сто осужденных в каждом. Два барака полностью заняты больными туберкулезом. Сырость и болотные испарения способствуют его развитию.

На работу меня распределили ка́талем в бригаду по сплаву леса. Я должен был железным крюком скатывать в реку пяти-шестиметровые бревна. Каждый день, кроме выходного, нас водили по деревянному настилу на работу в рабочую зону (шли около часа). Туда по узкоколейке привозили лес и сваливали на берегу, метрах в шестидесяти от воды. Бензопилами бревна разрезали по размерам и скатывали в реку.

Не имея сноровки, в первые дни я так уставал, что казалось, вот-вот упаду и не поднимусь. А бригадиры подгоняли: им, как и всем заключенным, хотелось заработать, чтобы иметь возможность отовариться в ларьке.

За первый месяц я заработал тридцать восемь рублей. На руки деньги не выдавали. На свободе такие деньги, конечно, ничего не значили, но там они были очень дороги. Господь учил меня жить в скудости. Отовариваться можно было только на заработанные деньги, на семь рублей в месяц. Это очень мало, но все же можно было взять немного продуктов и поддержать ослабевший организм.

Все лето 1984 года я проработал каталем. Набил мозоли, но сноровка появилась. Однажды Господь помог мне избежать тяжелого увечья или даже гибели. Когда бревна сбрасывают с крутого берега в реку, они иногда, не докатываясь до воды, останавливаются поперек дороги и тормозят движение других бревен. Образуется затор. Иногда под давлением сверху новых бревен затор сам собой ликвидируется, а иногда его приходится растаскивать. Вот такой затор и поручили мне растащить. Я начал работать, думая, что сверху никто не будет бросать бревна. Но кто-то или не видя меня, или еще по какой причине сбросил огромное бревно. Оно ударило по ослабленному затору, и вся масса бревен двинулась на меня. Убегать от этой лавины было бесполезно, и я бросился в реку. Лавина настигла меня и в реке, одно бревно сильно ударило в грудь, но вода все же смягчила удар, да и отплыть немного удалось. Два дня мне разрешили побыть на больничном, а потом — опять работа. Заключенному долго болеть не полагается. Боль в груди я ощущал еще долго.

Наступила осень. Выпал первый снег. Когда река замерзала, работы по сплаву леса, естественно, прекращались.

Понемногу я стал свыкаться с мыслью, что придется жить в этой зоне до конца срока. Но вдруг все изменилось. Начальником зоны неожиданно назначили молодого капитана, хотя в зоне было несколько майоров. К этому начальнику меня вызвали на беседу. После краткого знакомства я откровенно рассказал о себе. Думал,

что он наложит на меня взыскание, так как перед этим я категорически отказался быть членом СПП (секция профилактики порядка), сказав, что это не христианское дело, тем более в зоне. Начальник оперчасти возмущался, но начальник зоны был очень вежлив со мной. В конце беседы он сказал:

— Я знаю, что в зоне, а может быть, и во всем поселке вы один честный человек. Возьмитесь за каптерку и наведите там порядок.

Не зная, сколько неприятностей может принести мне это предложение, не искушенный в этом деле, я согласился. В моем ведении теперь было все обмундирование заключенных. В здании штаба мне выделили отдельное помещение, чему я очень обрадовался, так как мог продолжать работу над начатой повестью в стихах «Братья».

Знакомясь с картотекой, где в личной карточке за каждым заключенным числились вещи (за них вычитались деньги), я обнаружил много приписок. Поступая по совести, я и не подумал, что за это буду ненавидим в бесчестном учреждении. Бывший каптерщик стал относиться ко мне с открытой враждебностью. Картотеку вели бухгалтеры из вольнонаемных. Это были жены работников исправительно-трудовой колонии. Убедившись, что договориться со мной не удастся, так как на сделку с совестью я не пойду, они стали относиться ко мне с опаской, а потом даже с ненавистью. Каптерка, оказывается, была кормушкой для нечестных людей.

В одной из карточек я наткнулся на поразительный факт: один заключенный, взявший телогрейку, платил за нее целый год, тогда как она стоила не больше половины даже самого маленького месячного заработка. С него ежемесячно вычитали стоимость телогрейки. Я стал понимать, что наживаю себе непримиримых врагов, и начал молиться, чтобы Господь помог выйти из этого тупика. У Господа, очевидно, были Свои планы, чтобы вывести меня из этой страшной зоны.

Из верующих в зоне я был один, да и за весь второй срок не встретился ни с одним братом по вере. Тогда я понял, как трудно свидетельствовать в одиночку.

Много времени я уделял поэтическим трудам. Иногда на беседу ко мне в каптерку заходили офицеры. Особенно зачастил начальник одного из отрядов, капитан по званию, который раньше работал учителем. Наши беседы становились откровенными. В первый раз в жизни, как он выразился, ему пришлось видеть живого баптиста. По моей просьбе он стал приносить мне книги. Очень сожалею, что наши беседы с ним неожиданно прервались.

Как-то зашел ко мне начальник по режиму, и стал расспрашивать

о работе. Я сообщил ему, что обнаружил много несоответствий в личных карточках осужденных. Он притворно удивился, потом стал интересоваться моими убеждениями. Я прямо сказал, что мной занимается КГБ и что сотрудники комитета не оставят меня в покое даже в зоне.

— Неужели и сюда приедут? — насторожился он.

— Непременно,— ответил я,— потому что в прошлый срок они меня несколько раз навещали.

Он переменился в лице. Его глаза выражали испуг.

Начальника зоны дней семь не было, он находился в командировке. Воспользовавшись его отсутствием, начальник по режиму решил от меня избавиться. Почему? — Один Бог знает. Вероятно, и он был замешан в нечестном ведении дел в каптерке. Вечером неожиданно пришли бухгалтеры, представитель администрации лагеря и осужденный, которому я после ревизии передал каптерку.

На другой день (был конец сентября) в больничную зону в Ивдель отправлялся последний этап тяжело больных. Было холодно. Дул сильный ветер, шел снег. По громкоговорителю объявляли фамилии идущих этапом в Ивдель. Вдруг я услышал свою фамилию. Подумал, что ослышался. Нет. Опять повторили мою фамилию, имя и отчество. Срочно стал собирать вещи. Рюкзака у меня не было, и один заключенный, москвич, отдал мне свой.

Опять по деревянному настилу идем на пристань. Ветер пронизывает до костей. Еще только первый месяц осени, но Северный Ледовитый океан, находящийся в четырехстах километрах от зоны, дышит сурово.

Господь чудом вывел меня из Понила, из этой долины смерти, но что впереди? — Знает только Бог. Я мысленно повторял тридцать шестой псалом: «Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит...»

Нас погрузили в холодный, грязный, мрачный трюм речного катера. Во весь рост не встанешь: не дает потолок; садиться на пол — холодно и грязно, но ничего не поделаешь. Плыть в Ивдель часов двенадцать. На полу рядом со мной лежит парализованный старик. Его принесли на носилках санитары. Если тем, кто на своих ногах, трудно, то каково ему?! Пробовал беседовать с ним. Удивительно, как человек цепляется за жизнь, когда она уже на закате, а ведь в молодости он так мало дорожил днями! «Кожа за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него» (Иов. 2, 4),— так говорил сатана. Он отлично знает психологию человека и часто за несколько дней до конца жизни похищает его душу. Но упо-

вающий на Господа повторяет слова Давида: «Ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь» (Пс. 62, 4). Я старался сказать несчастному о милости Господа, явленной в Иисусе Христе, а он все повторял:

— Вот вылечусь, дотяну до конца срока, а там, на свободе, и о Боге можно подумать...

Сомневаюсь, что он дотянул до конца срока...

По заключению медкомиссии серьезно больных, а точнее, безнадежно больных решением суда могли отпускать на свободу, но есть особо тяжкие статьи Уголовного кодекса, не предусматривающие сокращения срока.

Вспоминается один заключенный, больной туберкулезом и астмой. Звали его Владимир. Было ему лет сорок пять. С юности он скитался по тюрьмам. Был настолько слаб здоровьем, что приходилось только удивляться, как душа его удерживалась в изможденном теле. Несколько раз по заключению медкомиссии его представляли к досрочному освобождению, но суд отклонял все ходатайства. Ответ был один: тяжелая статья. А ему хотелось хотя бы умереть на свободе. Был он отличным штукатуром, а в зоне нужно было отделать несколько комнат для начальства. Его заверили: «Если хорошо сделаешь, отпустим». И он взялся. Мы ему говорили, что для него тяжелая работа в сыром помещении — это самоубийство, но он все твердил: «Хочу умереть на свободе». Удивительно, но работу он закончил. За три дня до суда, который все равно не освободил бы его, бедного Владимира отнесли в морг.

Хоронят в зоне очень просто: новое хэбэ (дешевая форма заключенного), бирка, привязанная к ноге, и номер могилы. Сколько таких номеров в Ивдельлаге! Кладбище, на котором похоронили Владимира, заключенные иронически назвали в честь главврача лагерной больницы.

К ночи мы доплыли до Ивделя. Окоченевшие, стали перегружаться в специальные будки на автомашинах. На таких машинах заключенных возят на лесоповал и на другие работы. Будка сварена из листового железа, дверь — решетчатая. За дверью — два места для вооруженных автоматами конвоиров. Две машины были уже загружены. Когда подъехала третья, из трюма неожиданно донесся крик:

— Братцы, а меня-то... неужели здесь оставите?!

Кричал парализованный. Оказывается, санитаров за ним не выслали. Конвоиры молча ожидали, что заключенные, сжалившись, принесут его на руках, но никто не шел, так как это дело санитаров, а быть санитаром считается у заключенных зазорным.

Я стал упрашивать заключенных пойти со мной, чтобы принести парализованного,— бесполезно; попросил конвойных — то же самое. Пошел один и волоком вытащил его из трюма, потом кое-как приподнял и втолкнул в машину. Сел сам. Дверь захлопнули. Вдруг парализованный закричал:

— А вещмешок остался! Принесите, братцы!

— Поехали! — скомандовал старший конвойный и тихо добавил: — Он ему все равно уже не понадобится.

Ночью приехали в больничную зону Ивделя. Сюда свозят тяжелобольных со всего Ивдельлага. Вначале нас разместили по камерам ШИЗО. На следующий день всех перевели в больницу, а меня оставили одного. Через три дня повели к главврачу.

— Почему прибыл в больницу? — спросил он.

— Мне самому интересно, зачем отправили сюда,— недоумевал я.

— У тебя в медицинской карточке нет никаких пометок о наличии туберкулеза,— отрезал главврач и повернулся к сопровождавшему меня: — Он мне не нужен.

Меня опять отвели в карцер.

Таким образом начальник по режиму в Пониле решил избавиться от меня. Он испугался, что сотрудники КГБ из-за меня посетят зону. Так Бог позаботился о моем переселении из Понила, не допустив мне испытаний сверх сил. Пути Господни неисповедимы!

За эти дни реку сковало льдом — этапа на Понил не будет до весны. Вертолетом отправлять меня назад, очевидно, не решились и оставили в зоне Ивделя при больнице. В этой зоне заключенные строгого и особо строгого режимов находились вместе, здесь можно было встретить и тех, кому расстрел заменили пятнадцатью годами лишения свободы.

Не считая больницы, в зоне было всего три жилых барака: два одноэтажных и один двухэтажный. Один из одноэтажных бараков был полностью занят выздоравливающими, то есть туберкулез у них был не в открытой форме. Меня поместили в барак хозобслуги.

Рано утром я встал, помолился Богу, предав Ему свой дальнейший путь, и вышел на улицу. Старый заключенный разгребал снег. Я вызвался помочь ему, и мы разговорились. Он оказался особо опасным рецидивистом, более двадцати лет скитался по тюрьмам. Свидетельство о Христе он не воспринял, но ко мне расположился и посоветовал:

— На лесоповал попадешь — пропадешь, просись в строительную бригаду.

Бригадиром строителей оказался могучий украинец по имени Степан. Я попросился к нему в бригаду, вспомнив, что в детстве немного плотничал с отцом. Степан согласился походатайствовать перед начальством. Вскоре меня зачислили плотником в строительную бригаду. Так Бог усмотрел мне место работы.

Зимой бригада занималась капитальным ремонтом барака в больничной зоне. Старшим в нашем звене был осужденный Владимир — очень начитанный человек, но спившийся, из-за чего покатился по наклонной и во второй раз попал за решетку. Ему оставалось до освобождения два года. Желая заработать УДО (условно-досрочное освобождение), он принуждал заключенных работать и угрожал им.

Как-то раз мы отдыхали у костра, так как было очень холодно. Я рассказывал о жизни верующих и о гонениях за веру. Владимир пришел и властно приказал всем браться за работу, искоса посмотрев на меня. Я тактично напомнил ему, что нехорошо так грубо обращаться с людьми, тем более, что он тоже осужденный. Он вскипел, подбежал ко мне и повалил меня на землю. Я почему-то совсем не испугался и посмотрел ему в глаза. Одной рукой держа меня за ворот телогрейки, другой он схватил кирпич и замахнулся, но не ударил.

Около месяца наши отношения оставались натянутыми. Я молился о том, чтобы Господь смирил его. Узнавая обо мне все больше, Владимир стал чувствовать себя виноватым. Читая много книг, он никак не мог разобраться в философских направлениях и как-то попросил меня ответить на интересующие его вопросы. Бог дал мне возможность отплатить ему добром за зло. Мы стали часто беседовать о смысле жизни.

Вскоре потребовалось срубить двухэтажный дом площадью двести квадратных метров. Владимиру хотелось заработать денег перед освобождением, и он охотно взялся за строительство. В строительное звено он взял меня и еще двух осужденных. Нас стали выводить на работу под конвоем в рабочую зону.

Однажды к нам подошел расконвоированный шофер и, отозвав меня, сказал, что завтра в условленном месте в снегу будет зарыта передача. Это моя любящая сестра Лидия искала возможности, как помочь мне. Действительно, утром мы нашли в снегу сало и консервы, а также Евангелие, размером со спичечную коробку. Мое сердце прониклось глубокой благодарностью. Работа у нас была очень тяжелая, и продукты были весьма кстати.

Рассчитывая на то, что нам хорошо заплатят, мы много работали.

Останавливаться при морозе тридцать пять—сорок градусов было невозможно, так как сразу застывали. Сруб поставили за тридцать два дня. Каково же было наше удивление и огорчение, когда за такую огромную работу нам на счет перечислили всего по восемьдесят два рубля!

В это время я работал над повестью в стихах «Братья». После работы, поужинав, я старался немного поспать. А в десять вечера, после отбоя, когда в секции гасили свет, оставляя лишь тусклый ночник, я вставал и склонялся у нар на колени, молился Богу и продолжал свой поэтический труд. Четверостишия отшлифовывал в памяти, наощупь записывал на бумагу, а утром переписывал начисто. Все, что было написано в зоне, Господь помог передать Лидии на свободу. Пропала только повесть в стихах «Сестры», и то лишь потому, что на свободе кто-то счел ее неуместной и, опасаясь обыска, сжег.

Много приходилось беседовать один на один с заключенными и свидетельствовать им о Господе. Встречались люди, которые на свободе занимали высокие посты, но оказались в местах лишения свободы за взятки или крупное хищение. Один из них рассказывал, что не смог вовремя остановиться: хотел иметь сто тысяч рублей, но когда приобрел их, захотел иметь двести, потом — триста. Попался, когда имел уже триста тридцать пять тысяч. Так страсть к наживе губит людей.

Письма — большая радость для узника. Разобщенный с братством, церковью и родными, при чтении писем и в последующих молитвах к Богу я духом как бы соединялся с дорогими и близкими. В начале пребывания в зоне Ивделя мне приходило очень много писем. К празднику Рождества, например, на удивление всем узникам, мне принесли триста шестьдесят два конверта с письмами и поздравительными открытками. Ответить друзьям я, конечно, не мог, так как имел право писать одно, максимум два письма в месяц.

Открытки с духовными стихотворениями и текстами из Священного Писания читали многие заключенные. Это дошло до оперчасти, и письма мне стали выдавать только от близких родных.

В 1985 году меня лишили длительного свидания, которое положено заключенному один раз в год. Два года я не виделся с родными. Трудными были эти годы. Я очень переживал за братство. Было время, когда всего восемь служителей Совета церквей оставалось на свободе, а остальные все были в заточении, не считая находившегося в строгой конспирации Геннадия Константиновича Крючкова.

Тревожился я и за Харцызскую церковь. Родные не могли опи-

сать всего в письмах, так как они проходили цензуру, но сообщали о происходящем тревожными намеками. Моему брату Анатолию, принявшему пресвитерское служение, тоже угрожали тюремным сроком. За каждое собрание несколько человек штрафовали и сажали на пятнадцать суток, пытаясь репрессиями склонить на регистрацию церкви. Собрания проходили по домам, часто в ранние часы, и все равно собравшихся находили и разгоняли. Ни в одной молитве я не забывал просить: «Господи, сохрани братство, сохрани церковь, сохрани семью».

Места лишения свободы немыслимы без испытаний. И меня они не обходили стороной. Евангелие Марка, которое передала мне Лидия, я читал в особых случаях, так как знал, что за мной следят. И все же кто-то сделал донос. В нашу секцию (барак состоял из трех секций) нагрянули с обыском. Все перерыли, но Евангелие не нашли, так как вечером перед обыском один престарелый тяжелобольной из другой секции выпросил у меня его почитать. Я предупредил, что могут выследить и отобрать, притом обязательно накажут, так как Евангелие считалось запрещенной книгой, но у него, ни разу не читавшего эту священную Книгу, было такое сильное желание, что отказать ему я не мог. После обыска в нашей секции я намеревался забрать Евангелие и где-то понадежнее спрятать его, но старик упросил меня оставить ему эту книжечку, заверяя, что спрячет ее надежно. На следующий день сделали обыск и в их секции и в подушке нашли Евангелие. Старца отвели в оперчасть, допросили и посадили в ШИЗО. С его здоровьем находиться в неотапливаемом изоляторе было очень опасно.

Дня через три меня сняли с работы (я работал рядом с зоной на строительстве овощехранилища) и в рабочей одежде привели в больницу. Вид у меня был очень жалкий. В спецодежде, предназначенной для земляных работ, простуженный, с опухшими губами, вошел я в здание больницы, подумав, что администрация зоны, сжалившись, решила дать мне возможность подлечиться. Но не тут-то было.

Войдя в указанный кабинет, я увидел не врача в белом халате, а человека лет тридцати пяти в штатском. Поздоровавшись, я остановился у двери. Он с явным удивлением разглядывал меня, жалкого заключенного.

«Снова из КГБ»,— мелькнула у меня мысль. Их стиль работы мне был хорошо известен. Даже в зоне они для обработки людей находили такое место, где бы их никто не заметил.

Очевидно, изучив мое дело и зная, кто я, работник КГБ был

удивлен моим крайне жалким внешним видом. Прозвучало стандартное, подчеркнуто учтивое приветствие и приглашение присаживаться. Беседа началась, как обычно, издалека. Я отвечал на дежурные вопросы, мысленно взывая к Господу о том, чтобы Он Духом Святым пребывал в моих мыслях и оградил двери моих уст.

То было время особого давления на братство. Служителям, осужденным за верность Господу, стали давать новые сроки без выхода на свободу. Враги истины Христовой старались во что бы то ни стало сломить дух борцов за свободу проповеди Евангелия. Спустя годы братья рассказывали мне, что эти действия властей вызвали уныние у некоторых сотрудников Совета церквей, еще остававшихся на свободе, но Господь через Геннадия Константиновича Крючкова ободрил их.

— Братья мои,— сказал он на очередной тайной встрече,— ободритесь! Их жестокость — наша победа. Они выдохлись и пошли на крайние меры.

Это было примерно за три года до освобождения узников совести.

Еще Плеханов, один из первых марксистов в России, писал: «Угрозы, брань, крики, тюрьмы — орудия того, у кого не хватает логических аргументов».

Для успешной борьбы против Иисуса Христа у дьявола, конечно, не хватает аргументов. Он прибегнул к хитросплетенной лжи, которую пытался облечь в ризы закона; к клевете на носителей истины Христовой и к беспощадным репрессиям, после чего воспользовался хитрым искусством обольщения. Но «поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим, и крепким левиафана — змея, прямо бегущего, и левиафана — змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Ис. 27, 1).

Представившийся мне работник КГБ не торопился открывать цель своей беседы. Складывалось впечатление, что он просто желает поговорить о смысле жизни, ну а мне, как заключенному, тоже некуда было торопиться: срок шел. Лично я в этой беседе впервые увидел в работнике комитета, перед которым многие трепетали, грешника, ищущего смысл жизни. Он так чистосердечно стал рассказывать, как сменил профессию преподавателя русского языка и литературы на погоны офицера КГБ, что я впервые в жизни подумал: «Смотрика, и работник КГБ может быть искренним!»

Потом он прямо сказал, что на меня от администрации зоны поступило заявление, будто я занимаюсь антисоветской деятельностью. Ему поручено исследовать все факты, указанные в заявлении, и передать дело в прокуратуру. Тут же он намекнул, что все зави-

сит от моего поведения, и если дело передадут в прокуратуру, то меня ожидает новый срок.

Из меня, как и из многих моих братьев по вере в Иисуса Христа, хотели сделать пожизненного узника. Это мне стало ясно еще в зале суда, когда прокурор потребовал признать меня социально опасным. Много молясь Господу, я уже смирился со своей участью и просил Бога о том, чтобы Он помог мне остаться верным Ему до смерти. Моя плоть протестовала, не желая смиряться, но в духе была полная готовность весь свой жизненный путь предать Господу.

Объявив цель своего визита, работник КГБ пристально посмотрел мне в глаза. Он надеялся прочесть в них испуг, но на моем изможденном лице отражалось полное спокойствие и отрешенность от жизни на свободе, потому что я уже приговорил себя к смерти. Он стал зачитывать мне доносы, написанные негодными людьми, которых в зоне, как правило, очень много и которые, как говорят заключенные, мать родную продадут, лишь бы уцелеть самим и выйти на свободу досрочно.

В доносах упоминались некоторые факты, касающиеся моего свидетельства заключенным об Иисусе, и я этого не отрицал. Знал ли я тогда, что на меня могут донести? Конечно, знал. Но я знал еще и то, что Бог послал меня сюда свидетельствовать о Христе, что и старался делать. Вначале я даже воспользовался услугами одного словоохотливого переносчика.

Первые дни в зоне трудно было общаться с незнакомыми людьми, так как, не зная моих убеждений, они обращались со мной, как с обыкновенным преступником. Но по мере того, как заключенные узнавали о моих убеждениях и отношениях с атеистами, появлялось какое-то уважение ко мне, так что они даже не сквернословили в моем присутствии. Каждому не расскажешь о себе, поэтому, когда ко мне подошел явный доносчик и стал, как бы интересуясь, лезть мне в душу, я стал откровенно рассказывать ему все, о чем можно было рассказать, заведомо зная, что через несколько дней об этом узнают не только многие заключенные, но и оперчасть. Тогда ко мне будут обращаться с вопросами и мне легче будет свидетельствовать о Христе.

Один из заключенных, близких к ворам в законе, желая предостеречь меня от доносчика, перебил наш разговор, а потом сказал мне:

— Святой отец, неужели ты не понял, что с тобой говорит стукач? Зачем ты ему все рассказываешь?

В доносах было много явной лжи и преувеличений. Один написал: *«Когда я прибыл в зону, ко мне подошел осужденный с седыми волосами. После я узнал, что это был антисоветчик Пушков. Он предложил мне антисоветскую литературу и сказал: „Смотри, срочно распространи ее среди заключенных, если же не сделаешь этого, мы расправимся с тобой“».* Прочитав это заявление, работник КГБ опять пристально посмотрел на меня. Я не мог не улыбнуться. Он тоже улыбнулся.

— И такие люди не боятся ставить свою подпись под заявлением? — спросил я.

Он ответил, что подпись есть, но сказать фамилию он не имеет права. Я попросил назвать хотя бы дату, когда тот доносчик пришел в зону и когда я якобы подошел к нему. Работник КГБ назвал число. Оказалось, что меня в это время в зоне еще не было.

Я попросил его устроить очную ставку хотя бы с одним доносчиком. Он отказался.

— Почему же вы не привлечете к ответу явных лжесвидетелей? — спросил я.

Он молчал. Потом, подав мне миниатюрное Евангелие Марка, спросил:

— Это ваше?

— Да, мое,— ответил я,— от него я не отрекусь. Только это не антисоветская литература. Евангелие дает людям жизнь. Если бы люди жили по Евангелию, то не было бы таких лживых доносчиков и таких бесчеловечных отношений между людьми.

Приведя высказывание Марцинковского: «Ужас бесцельности исчез для меня в лучезарном свете Евангелия», я попросил отпустить из ШИЗО невинного старца, у которого отобрали Евангелие, а меня, если заслужил, посадить.

Оставив мою просьбу без ответа и немного помолчав, он вдруг попросил:

— Евгений Никифорович, помогите нам, и я не подам заявление в прокуратуру.

— Помочь вам лично найти истину я всегда готов, но помогать комитету, в котором вы работаете, не позволяет моя совесть, так как его репутация запятнана кровью невинных жертв, и история вынесет ему свой справедливый приговор.

Он протянул мне Евангелие и сказал:

— Возьмите, только не говорите, что я его отдал,— и отпустил меня.

Несколько дней я ждал вызова на этап в следственный изоля-

тор, но его не последовало. Впервые в жизни среди работников КГБ я встретил искреннего человека. Помяни, Господи, его доброту ко мне! Это было последнее предложение сотрудничать с КГБ.

Жизнь потекла своим чередом.

Шесть лет, включая первый срок, я не играл на скрипке. Руки сильно огрубели от тяжелой физической работы. Я давно попрощался со скрипкой в стихотворении, но, когда по радио транслировались скрипичные, хоровые или симфонические произведения, я едва сдерживал слезы. Тогда мне казалось, что моя мечта достойно прославлять Господа выразительными средствами музыкального искусства уже никогда не осуществится.

Музыка, зачем в сиянье дня
Ты зовешь вернуться к жизни бренной?
Бросят судьи вечером меня
За решетку камеры тюремной.

Не увижу больше я друзей,
Деток милых скроется улыбка,
Больше не коснусь рукой своей
Нежных струн твоих, царица-скрипка!

Только грустных песен мне не пой,
Я с Христом, Он — жизни всей основа.
Меня вызвало неверье в бой,
В руки меч беру я — Божье Слово.

Музыка, к людским сердцам ключи
В юности с тобой мы находили,
Но сейчас, родная, помолчи:
Атеизм — не время для идиллий.

Я, наверное, прощусь с тобой,
Слишком уж грохочет канонада,
Вот уже за мной идет конвой...
Не рыдай, о музыка, не надо!

Мы с тобой сроднились с детских лет,
Нам неверье не дает жить дружно,
Вот теперь наш рушится завет,
Но, прошу тебя, грустить не нужно.

Музыка, лети в тот чудный край,
Где со злом навеки смолкнет сеча,
Должен я сказать тебе: «Прощай!»,
А вернее: «До небесной встречи!»

«Столько лет достигать вершин музыкального искусства,— думал я,— и так мало сделать для Господа! А мир так выразительно славит свои кумиры, достигнув недосягаемой для нас высоты!»

Неожиданно меня вызвал начальник по режиму, отличавшийся крайне грубым нравом. Приказным тоном он заявил, что принято решение создать в зоне оркестр и хор, поэтому меня освобождают от тяжелых работ для занятий с оркестром и хором. Для того чтобы меня назначили культоргом зоны и разрешили иметь музыкальный инструмент, необходимо стать членом СПП.

Я в свою очередь заявил, что не могу принять это предложение, так как отбываю наказание за верность Иисусу Христу. Меня восемнадцать лет назад уволили с преподавательской должности. С мирской музыкой я распрощался и с тех пор обучал только духовной музыке. Христос избрал меня пасти Его овец, а тут их нет.

— А кто же здесь? — спросил начальник.

— Здесь совсем другой контингент, не Христовы овцы, и учить их светской музыке я не буду, а духовной — вы не позволите.

— У нас «не буду» не отвечают. Не можешь — научим, не хо-

чешь — заставим,— закончил свою речь начальник и дал мне неделю на размышление.

Прошла неделя. Я продолжал работать в строительной бригаде. Приближалась зима. Неожиданно утром на разводе, когда выходящие на работу выстраиваются и их пятерками отправляют в спецмашины, появился тот же начальник по режиму и громко, чтобы многие слышали, спросил:

— Ну что, Пушков, будешь создавать хор?

Так же громко, вопросом на вопрос, я ответил:

— А что мы будем хором заключенных петь, гражданин начальник? Разве только песню «Широка страна моя родная... где так вольно дышит человек».

Не поняв скрытой иронии, он ответил:

— Можно и «Широка страна моя родная».

Толпа заключенных загудела, кто-то засмеялся. Поняв свою оплошность, он закричал:

— Так будешь или нет? Отвечай!

— Не имею права нарушить волю Бога, гражданин начальник,— ответил я.

Тогда, обратившись к нарядчику, он сказал:

— На самую тяжелую работу определи его! Я проверю! Пусть ему подышится вольно в родной стране!

Всю зиму я работал на лесоповале. Зима была очень холодная. Морозы доходили до сорока восьми градусов, а нас все равно вывозили в тайгу, хотя допустимая для работы температура — не ниже сорока пяти градусов.

Человеку, владеющему ходовой специальностью,— механику, мотористу, шоферу, столяру, сапожнику — в зоне легче, потому что такие специалисты в какой-то мере ценятся. Мне же, посвятившему молодые годы изучению искусства, литературы, поэзии и философии, было нелегко. Отдав себя на служение Богу, я не мог свои знания употребить на прославление князя мира сего, поэтому мне приходилось выполнять самую тяжелую работу.

Мой отец, прошедший через тюрьмы и лагеря, говорил мне еще в 1976 году, когда я начал нелегально обучать регентов:

— Тебя все равно посадят, поэтому нужно приобрести какую-нибудь простую профессию. Без специальности в зоне будет очень трудно.

Я тогда легкомысленно отвечал:

— Папа, когда посадят, тогда и буду учиться.

Да и когда было учиться чему-то постороннему при полной

загруженности духовным трудом? Я часто вспоминал папу, но в то же время все занимающие в зоне «теплые места» должны быть или членами СПП, или тайными доносчиками, так что на сделку с совестью верный Богу все равно не пошел бы.

В зоне, когда было особенно трудно, я вспоминал свой тяжелый труд в отроческие годы. Суровая школа, которую мы вынужденно проходили под руководством отца, теперь хорошо помогала мне переносить трудности. Я только сожалевал, что эта школа раньше оставалась непонятной мне и мало почтения было оказано отцу с моей стороны. В последние годы его жизни, когда у нас было полное духовное взаимопонимание, он, конечно, ожидал большего внимания и нежности от младшего, любимого сына, а на это как раз и не хватало времени.

Последняя беседа с отцом запомнилась мне на всю жизнь. Он жил при молитвенном доме. Как-то вечером, после благословенного собрания, он подошел ко мне и нежно попросил:

— Зайди, сынок, к нам. Хочется посидеть с тобой за чашкой чая.

Я же рано утром должен был улетать на молодежное общение, поэтому отказался, ссылаясь на то, что нужно собираться в дорогу. Он несколько раз повторил просьбу, но я так и не зашел к нему. Он пошел провожать меня до ворот, потом вышел на улицу и стоял, пока я не скрылся за углом. Поворачивая за угол, я оглянулся. Отец все еще стоял. Я помахал ему рукой — до него было метров около ста — и пошел домой.

Утром я собирался в аэропорт, но неожиданно прибежал посыльный и сказал, чтобы я срочно шел в дом отца.

— Что случилось? — спросил я.

— Отец умер.

Наверное, никогда не перестанет укорять меня совесть за то, что мало любви и почтения оказал я дорогому и близкому человеку.

НАША бригада на лесоповале состояла из тринадцати человек: два вальщика, два помощника вальщиков (их называли толкачами, они длинными баграми помогали валить дерево в нужном направлении), четыре обрубщика сучьев, два тракториста-трелевщика, вывозивших сваленный лес и укладывавших его в штабеля, два чекировщика и повар. Чекировщики вытягивали длинный трос из трелевочного трактора и на короткие насадки на этом тросе (их было около сорока) чекировали, то есть цепляли, сваленные деревья. Мощная лебедка, закручивая трос, стягивала все сорок деревьев. Трелевщик затягивал их на щит и вез к штабелю. Там трос

отпускался, после чего нужно было отцепить каждую насадку, которая часто намертво врезалась в дерево. Делать все нужно было быстро.

Я подробно описал труд чекировщика, потому что сам был сначала обрубщиком сучьев, а потом чекировщиком. Деревья падали в глубокий снег. Нужно было руками в легких рукавицах подрыть снег под верхушкой дерева, просунуть чекир (металлический крюк) и зацепить дерево. Там-то я и обморозил пальцы на руках.

Мерзли не только руки, так как бóльшую часть суток приходилось проводить на морозе. Вставали мы в шесть утра, а после завтрака, в половине восьмого, уже стояли на проверке, откуда нас развозили на работу. В тайгу везли полтора часа в железных будках. На морозе в них было очень холодно. В тайге мы работали до шести вечера, потом под конвоем нас опять сажали в машины. Примерно в семь часов, когда собирались все конвойные, нас увозили на отдых. Если не было поломок, то к девяти вечера мы приезжали в зону. Там каждого обыскивали, и лишь к десяти часам мы приходили в жилую секцию. Если же дорогой случалась поломка какой-либо из машин, то ее дожидались все. Были случаи, когда в зону приезжали в полночь. При поломках охранники разводили костер и грелись, а мы так и сидели в железных будках, промерзая до костей в полном смысле слова. Один Господь давал мне силы переносить такие испытания.

Прошла зима. Весной работы на лесоповале заканчивались, так как по сплошным болотам невозможно было проехать. Летом я опять работал на стройке, а осенью бывшие на лесоповале как специалисты вновь зачислялись в свои бригады. Мне было страшно идти на лесоповал. Страшно не только из-за холода, который нес с собой простуду и туберкулез легких. На лесоповале чуть ли не каждый день случались несчастья, и многие становились инвалидами на всю жизнь. Были и смертельные исходы.

Я много молился Господу, за меня усердно молились друзья и родные на свободе, и Бог послал облегчение. В нашей зоне отбывал наказание бывший заместитель министра по строительству. Его приговорили к высшей мере наказания, потом расстрел заменили пятнадцатью годами лишения свободы. Он был хорошим специалистом в области строительства. Старые жилые бараки в зоне требовали ремонта, и администрация решила построить одно большое двухэтажное здание для расселения осужденных. Прорабом назначили бывшего замминистра. Ему были предоставлены некоторые полномочия по набору специалистов для строительства.

В конце лета, как раз перед формированием бригад на лесоповал, прораб вызвал меня в свой кабинет — небольшую комнату рядом со столярной мастерской. Жил он в нашем бараке, но в другой секции, и много слышал обо мне. Изредка мы с ним беседовали. После короткого вступления он вдруг предложил мне занять освободившееся место столяра в мастерской. Я честно признался, что освоил профессию плотника, но навыков в столярном деле у меня нет. Улыбнувшись, он сказал, что ему не так нужен столяр, как собеседник, с которым можно было бы поговорить о поэзии, о философии и на другие темы. Притом до начала столярных работ в новом здании есть еще целый месяц, а за месяц можно многому научиться. В другое время я, может быть, еще раздумывал бы, но тогда, вспомнив о лесоповале, согласился.

Так неожиданно Господь послал Свою помощь, и до конца срока я проработал в столярной мастерской, научившись почти вручную, имея только циркулярку и электрорубанок, делать оконные и дверные блоки.

В августе 1987 года я получил печальное известие о переходе в вечность моей дорогой сестры Лидии. Ей было всего пятьдесят два года. Я глубоко скорбел. Для меня она была не только любящей сестрой, заменившей в детстве рано ушедшую в вечность маму, но и другом, сотрудником на ниве Божьей. Она хранила мои стихи и другие труды и постоянно молилась обо мне. В начале лета Лидия еще приезжала вместе с Любой и детьми на свидание. С большим трудом я смог передать ей недостающие листы повести в стихах «Братья». Осенью она мечтала вместе со мной поехать в ссылку, но болезнь века — рак — ускорила ее переход в вечность.

Ее прощальные письма были очень трогательными.

Когда Лидия была уже в безнадежном состоянии, я посвятил ей стихотворение:

Ты мне, родная, нужна очень-очень!
Не утихают гонений ветра.
Стали темнее, мне кажется, ночи...
Не уходи от меня, сестра!

Мне без тебя очень трудно быть бодрым
В зоне изгнанья всю ночь до утра,
Трудно стоять пред неверием гордым —
Не уходи от меня, сестра!

Я не заметил, как мы поседели,
Юными были как будто вчера.

Жизненный путь твой заносят метели —
Не уходи от меня, сестра!

Я еще должен трудиться так много,
А предо мною неверья гора.
Не покидай же меня, ради Бога!
Не уходи от меня, сестра!

О, неужели болезнь тебя скрутит?
Нет, нам прощаться еще не пора!
Да укрепит Бог твоей жизни прутик —
Не уходи от меня, сестра!

Новое небо ждут верные всюду,
Сказано так нам в посланье Петра.
В сердце хранить я любовь твою буду,
Биться пока оно будет, сестра!

В последние дни жизни Лидию посетила Серафима Анатольевна Юдинцева (секретарь Совета родственников узников). Видя ее страдания и наряду с этим надежду на встречу со мной, Серафима Анатольевна дописала ее письмо: *«Не мучь ее, брат мой, отпусти в вечность!»* Я написал Лидии ответ, сравнив ее жизнь с воздушным шаром, накачанным легким газом. Он рвется в небо. Некто постепенно подрезает нити, связывающие его с землей, и вот осталась последняя. Последней нитью, удерживающей жизнь моей сестры, была надежда еще раз повидаться со мной, хотя бы в ссылке, передать аккуратно перепечатанные на пишущей машинке мои труды и в последний раз на земле горячо вместе помолиться...

В последний путь Лидию проводила дорогая мне Челябинская церковь. Телеграмму о кончине сестры мне вручили в зоне с большим опозданием.

Все же земля — это юдоль печали, страданий и разлук. Нет практически ни одной встречи на земле, которая не закончилась бы расставанием: или нас покидают дорогие и близкие, или мы уходим от них. Поистине, успокоиться можно только в надежде на встречу в обителях, которые приготовил нам Христос. Там уже разлук не будет. «Только в Боге успокаивайся, душа моя! ибо на Него надежда моя» (Пс. 61, 6).

Планы людей, стремящихся найти счастье без Бога, неосновательны, рано или поздно каждый поймет трагичность своего существования. И только у верующего всегда остается надежда — в самых бедственных обстоятельствах он не скорбит чрезмерно. Даже страшный призрак смерти не может лишить его надежды на вечную жизнь.

В ССЫЛКЕ

ГОСПОДЬ сохранил мою жизнь в трудных обстоятельствах, и я прощался с зоной, глубоко благодаря моего Бога за все. Заключенные провожали меня с грустью.

Ссылка — хоть и не свобода, но по сравнению с лагерем строгого режима — почти свобода. Если не считать доносов, в последние два года я не испытывал никаких притеснений со стороны заключенных. Одни разделяли мои убеждения, обещали на свободе начать новую жизнь; другие, оставаясь при своем мнении, относились ко мне с уважением: в моем присутствии почти не сквернословили, консультировались по многим вопросам. Мой помощник в столярной мастерской — молодой заключенный из Московской области — раскаялся в своих грехах, оставил сквернословие и стал моим братом по вере. Мы вместе молились, читали Евангелие (в мастерской была возможность хранить Новый Завет). Уходя в ссылку, я передал ему самое большое сокровище в зоне — Новый Завет, совершил с ним молитву и распрощался как с братом по вере в Иисуса Христа.

Замминистра по строительству был очень грустным при прощании. Ему оставалось два года до конца срока, но из-за своей болезни он не рассчитывал дожить до освобождения. Он любил поэзию и писал стихи. Я иногда критиковал их, предлагая лучшие варианты стихосложения. Читая ему стихотворения некоторых классиков, а также наших духовных поэтов, я много читал и своих стихов, но не говорил, что сам пишу. На прощание я прочитал ему стихотворение, написанное нелегким семистрочием и посвященное лично ему:

В отдаленных местах на Урале,
Где гуманность забыта почти,
Наших странствий скрестились пути.
С горькой чашей скорбей и печали
Мы должны были дальше идти.
В дни страданий поэзии дали
Нам особенно дороги стали.

Арестанту в тюремной одежде
Трудно быть почитателем муз.
О, какой это тягостный груз —
Быть послушным тупому невежде!
Но душа, улетая из уз,
На свободе витала, как прежде,
И шептала о светлой надежде.

Увлеченный святым Идеалом,
Я хотел, чтоб средь скорбных дорог
Ты поверил, что есть вечный Бог.
Но, увы! В твоем сердце усталом
Иисус отразиться не смог.
Знамя истины в зареве алом
Для тебя путеводным не стало.

Ритм судьбы поразительно точен —
Разлучиться должны мы с тобой:
Я иду в неизвестность, как в бой;
Час разлуки не будет отсрочен.
Может быть, истомившись борьбой,
В шуме дня иль в безмолвии ночи
Вспомнишь ты обо мне между прочим.

За тебя в моем сердце тревога:
Покидая изгнаний места,
Красоту Иисуса Христа
Пред тобой не раскрыл я, хоть много
Изрекли силлогизмов* уста.
Не суди же меня слишком строго
И к Христу обратись ради Бога!

Он слушал меня со слезами. Затем позволил совершить за него молитву. Я поблагодарил Господа, что через этого человека Он помог мне в трудный момент жизни в зоне, и мы распрощались.

Мой срок истекал 8 декабря 1987 года, но на этап вызвали в конце октября, так как предстоял длинный путь через несколько тюрем в комендатуру Томска. На этап вызвали поздно вечером. Днем я имел возможность, как уходящий на этап, свободно ходить по зоне. Почти в каждом уголке я со слезами благодарил Господа, вспоминая Его милости. Поднялся на второй этаж строящегося здания, где около восьмидесяти оконных блоков и несколько дверных были сделаны моими руками. Мой труд «щедро» оценили: на моем лицевом счету было 335 рублей 80 копеек.

В здании никого не было. Я склонил колени и, не скрывая слез, излил Господу душу, вспоминая пережитое. Весной мой брат Анатолий приезжал к зоне. Со второго этажа этого здания я только помахал ему рукой и крикнул слова приветствия, за что был лишен свидания перед ссылкой. Память запечатлела дорогую сестру Лидию. Тяжело больная, она все же приехала ко мне в мае,

---

* *Силлогизм* – умозаключение, в котором из двух суждений вытекает третье.

но свидания нам не дали. У меня не было возможности передать ей свои стихи, и я пошел на крайний риск. Со второго этажа я крикнул ей:

— Лови!

В это время мой помощник по столярной работе, уверовавший в Господа, перебросил через многие проволочные заграждения камень с привязанной к нему тетрадкой стихов. Удивительно! Камень долетел, и Лидия получила стихи.

Через комнату свиданий я уже ничего не мог передать: во-первых, меня часто лишали свиданий; во-вторых, обыскивали настолько тщательно, что заставляли снимать даже нижнее белье.

ДВА месяца я шел этапом до Томска через тюрьмы Урала и Сибири. Для идущего в ссылку тюрьма уже не так страшна, как для идущего в зону.

Полмесяца меня держали в тюрьме Ивделя, затем привезли в мрачную тюрьму Свердловска. Ссыльных здесь было человек пятнадцать. Через две недели нас отправили этапом в тюрьму Мариинска. В Сибири наступали декабрьские морозы, а некоторые приходили этапом с запада в легком пальто и летних туфлях — страшно было на них смотреть.

До сих пор идущие в ссылку не ссорились, но в мариинской тюрьме все переменилось. К нам присоединился чеченец из воровской касты — человек лет тридцати пяти, крепкого телосложения. Чеченцы и ингуши — очень горячие и самолюбивые мусульмане. У них до сих пор существует закон кровной мести.

Зайдя в камеру, чеченец заявил:

— Так, бродяги, ставлю в известность: кто слово поперек скажет — порву, как промокашку!

Все притихли. С особо строгого режима были те, кто многое повидал за двадцать и более лет тюремного срока, но каждый хотел хотя бы в старости немного пожить на воле.

В первый же день пребывания в камере чеченец, заставляя мыть пол, пнул ногой одного пожилого осужденного. Тот промолчал. Потом чеченец стал требовать, чтобы ссыльным разрешили купить по безналичному расчету папиросы. Надсмотрщики не обращали на него внимания. Тогда он объявил, что в камере все будут голодать в знак протеста. Мне не трудно быть в посте, но ради удовлетворения греховных желаний сокамерников я не мог отказываться от пищи: моя совесть протестовала. Я молился Господу, чтобы Он вывел меня из этого затруднения. Начальство тюрьмы,

видя такую ситуацию, постаралось скорее отправить нас в Томск. Так произошла неожиданная развязка.

В томской тюрьме нас поместили в камеру с обвалившимся потолком. Сверху капало, туалет не работал. Чеченец опять стал требовать сигарет и перевода в другую камеру. Со стороны надсмотрщиков — ноль внимания. Это возмущало чеченца, и он срывал зло на сокамерниках. Вдруг он стал зверски избивать инвалида с поврежденным позвоночником, который с трудом мог ходить. Я не сдержался и закричал на чеченца:

— Перестань сейчас же! Кто ты такой?! Кто тебе дал право распускать руки?! Чем ты лучше других?!

Он оторопел. Потом, обозвав меня быком, в ярости бросился ко мне, но вид мой был далеко не приветливым, и он, взмахнув обоими кулаками, застыл на месте.

Вся камера сосредоточила на нас внимание. Сочувствие всех было явно на моей стороне, потому что бесчинство чеченца очень тяготило. Не знаю, что было бы дальше, но заключенные зашумели, и один из них спокойным, но очень внушительным тоном, за которым обычно следуют действия, на тюремном жаргоне повелел чеченцу отдохнуть на нарах.

Разбушевавшийся зэк смекнул, что его власть над другими потеряна, обозвал всех последними словами и бросился на нары, сказав напоследок:

— Вы сгниете без меня здесь!

Наступила тишина. Мысленно помолившись Богу, я постучал в дверь. Подошел надсмотрщик и, открыв кормушку, спросил:

— Что шумишь?

Я попросил позвать офицера, так как в камере могут быть большие неприятности. Он серьезно посмотрел на меня и закрыл кормушку. Минут через десять пришел старший лейтенант. Я объяснил ему, что оставаться на ночь в такой камере невозможно, большинство из идущих в ссылку — с особого режима и не стоит доводить до отчаяния этих людей. Кормушка опять захлопнулась. Я стоял в растерянности. Вдруг просьба останется неудовлетворенной, что тогда?

Через несколько минут дверь камеры открылась и прозвучала команда:

— Все с вещами!

Нас поместили в большую общую камеру. Многие, уставшие от всех неприятностей, вскоре уснули.

Из томской тюрьмы нас отправляли в места ссылок. Я ожидал мести со стороны чеченца, но Бог не позволил ему сделать мне

зло. Меня направили на север Томской области, в Асинский район, в поселок Могочино. Эта местность издавна известна страдальцам за веру как Нарым.

В поселке, расположенном на высоком берегу Оби, находился большой деревообрабатывающий комбинат. Рабочей силы там не хватало. На все самые тяжелые и низкооплачиваемые работы ставили ссыльных. Несмотря на то, что у некоторых на лицевом счету были деньги, их, как правило, присылали только через несколько месяцев. Авансом денег не давали, опасаясь пьянства, а выписывали только талоны в столовую. Нас разместили по баракам. Чеченца я не видел. Он еще в этапе из Томска нашел себе подругу из ссыльных и снял квартиру, поэтому в бараке его не оказалось. На следующий день, когда мы вышли на работу, я узнал, что его рабочее место на конвейере находилось рядом с моим.

Наша работа требовала большой расторопности. Пиломатериал (четырех—шестиметровые доски) по широкой ленте поступал к сортировщикам. Они сортировали его и сбрасывали мне, а я должен был переправлять доски дальше, сбрасывая их метра на три вниз. Внизу материал принимал и переправлял дальше чеченец. Из-за неопытности у меня однажды образовался затор и кубометра два досок нависло над ямой. Взглянув вниз, я увидел, что чеченец наводит порядок под нависшими досками. Поставив поперек багор, чтобы доски не упали на него, я закричал:

— Уходи!

А он приказным тоном ответил:

— Не вздумай бросать! Смотри у меня!

На образовавшийся затор сбрасывали все новые и новые доски. С трудом удерживая их, я закричал:

— Уходи! Убью!

Едва он отскочил, как вся лавина грохнулась вниз. Если бы он не отскочил, испугавшись моего крика, то вряд ли остался в живых. После этого случая я еще больше стал опасаться его, но Господь не оставил меня одного.

ПРИБЫВ в Могочино, я сразу же послал домой телеграмму. До сих пор удивляюсь, как так получилось, но на четвертый день пребывания в ссылке ко мне приехали два брата из Молдавии! Находившиеся со мной в комнате ссыльные были до предела удивлены. Поистине, братская любовь не ведает границ!

Встреча с братьями произошла перед Новым 1988 годом. А на второй день Нового года меня опять ждал сюрприз. Я проснулся

от ощущения, что кто-то дышит мне в лицо и нежно прикасается к губам. Открыл глаза и не поверил — передо мной улыбающееся лицо моей Любушки!

— Господи, неужели это правда?! — первое, что сказал я.

Вместе с Любой приехал мой брат Анатолий, а также ставшая нам близкой сестра Шура и регент из Челябинска.

Верная спутница жизни — это великое благословение от Господа. Жизнь жен, которые в годы разлуки оставались верными и Господу, и мужьям, лишенным свободы за веру, и материнскому долгу — это подвиг веры, достойный подражания. Как правило, многодетные, они при всех своих недугах несли на себе всю ответственность за воспитание детей в учении Господнем. Оторванные от семьи отцы могли только молиться за своих детей и давать им краткие наставления в проходящих цензуру редких письмах. А матери не только кормили и одевали детей, но и приобщали их к церкви, сопровождали в школу, испытывая при этом весь гнет атеистического режима. Да воздаст Господь Своей милостью всем верным женам-христианкам, которые страдали за истину не меньше своих мужей, лишенных свободы!

Пушковы в ссылке

Я непрестанно благодарил Бога за верность моей супруги и удивлялся, как Он мог простую сельскую девушку воспитать стойким

борцом за истину Христову. Если бы я мог описать все трудности и переживания моей жены за восемь с половиной лет разлуки, то получилась бы еще одна книга.

Ее сила была в осознании своей неспособности воспитать детей верующими, любящими, и она поручила их Господу, стараясь вместе с ними быть на каждом богослужении. Чтобы дети не забыли отца, она везла их на свидание и в тюрьму, и в лагерь, и в ссылку, преодолевая расстояния иногда в несколько тысяч километров. Даже в страшную зону Понил она брала с собой старших детей, а после свидания, осенью, трое суток в неотапливаемом помещении ожидала с ними вертолета.

Большой радостью для меня было узнать, что в поселке Могочино живут три верующих сестры, правда, они принадлежали к общине ВСЕХБ. Когда приехали мои родные и друзья, одна из местных сестер, одинокая старица Анна, любезно приютила нас в своем доме. После долгого перерыва я был хотя и в маленьком, но настоящем христианском собрании. Мы радостно прославляли Господа, а потом совершили заповедь хлебопреломления. Почти пять лет я был лишен этой возможности. Из рук моего брата Анатолия я с великим трепетом принял хлеб и вино — символы ломимого Тела и пролитой Крови нашего Господа Иисуса Христа. Со слезами благодарил я Господа за все милости Его ко мне и просил прощения за то, что в зоне иногда отчаивался и уже не верил, что еще смогу быть в общении со «святыми и дивными» (Пс. 15, 3).

Вечером мы с братьями решили пройти по поселку и посмотреть, как живут ссыльные. Неожиданно на улице встретили того самого чеченца. Узнав меня среди братьев, он не смог скрыть испуг, думая, что я намерен свести с ним счеты. Я же приветливо поздоровался, назвав его по имени, и сказал, что ко мне приехали братья по вере. С тех пор он уже не смотрел на меня такими злыми глазами.

Работал я в три смены. Хорошее питание и радость общения быстро восстанавливали мои силы. Я поправился и даже стал набирать лишний вес, но ограничивать себя во вкусной пище было трудно, так как глаза мои, если можно так выразиться, долгое время оставались голодными даже при обильном питании. С благодарностью Богу я оказал помощь и друзьям по несчастью, пришедшим со мной этапом.

Почти каждый день ко мне в ссылку приезжали новые посетители — братья и сестры по вере в Иисуса Христа, и мы часто устраивали собрания во славу Господа. Приютившая нас сестра Анна

и еще одна сестра, не слышавшая о гонимом братстве Совета церквей, очень расположились к нам и заявили, что теперь в вечере Господней будут участвовать только с нами. Покаялись дочь и соседка сестры Анны, мой товарищ по общежитию тоже был близок к покаянию. Внешние забеспокоились и стали навещать дом сестры-старицы.

Моя Люба вскоре должна была уехать домой вместе с Анатолием, так как дома осталось семеро детей (Мария уже вышла замуж). Добрейшая старица из Челябинска, сестра Шура, сказала, что не оставит меня, пока кто-то из родных не приедет ко мне на все время. Напротив дома, в котором мы жили, стоял заброшенный домик с двумя окошками, до самой крыши занесенный снегом. Сестра Анна нашла хозяев этого домика, и они разрешили нам поселиться в нем. Мы стали делать посильный ремонт: починили двери, полы, печку. Я привез дрова (на лесозаводе рабочим обрезки давали бесплатно, шофер даже за привоз ничего не взял). Потом хозяева предложили нам купить этот домик за мизерную сумму. Мы уже готовы были согласиться, как вдруг меня срочно вызвали в комендатуру города Асино.

Прошел всего месяц с начала моей ссылки. За два дня до вызова в комендатуру из Томска приезжал пресвитер зарегистрированной церкви. Две сестры заявили ему, что желают быть в братстве Совета церквей и теперь ему нет надобности приезжать с вечерей Господней.

Не могу сказать, что послужило истинной причиной, но приехавший из комендатуры Томска подполковник прочитал мне заявление от жителей поселка Могочино. Заявители возмущались тем, что в поселке стали проводиться баптистские моления, которые организовывает ссыльный Пушков.

«Если не будут приняты меры,— значилось в этом анонимном заявлении,— *то мы его убьем».*

Разведя руками, подполковник сказал:

— Видите, мы очень обеспокоены этим заявлением и вынуждены назначить вам новое место ссылки.

На сборы мне дали одни сутки. Милые старицы в Могочино, к которым я уже привык, восприняли это известие со слезами. На работе меня сразу же рассчитали, заплатив за месяц тяжелой работы всего восемьдесят три рубля.

Перед уходом я побеседовал с чеченцем и подробно объяснил ему, кто я такой и что КГБ и здесь не оставляет меня в покое. Оставив ему немного продуктов, я попросил прощения за натянутые отношения. Он смущенно ответил:

— Это я должен просить прощения за свою грубость и жестокость.

На прощание мы подали друг другу руки.

Трудно сказать, кто написал заявление. Вероятнее всего, оно было фиктивным. Просто работники КГБ решили переселить неисправимого баптиста поближе к Томску, в такое место, где нет верующих и где можно тщательнее следить за ним.

В семь утра я должен был в сопровождении милиционера отправиться на новое место ссылки. К моему удивлению, братья Куренбины в четыре утра уже приехали на машине, проделав далекий путь по заснеженным сибирским дорогам. Сестра Шура отправилась с ними в Томск. После молитвы и слезного прощания с сестрой Анной, меня повели пешком через Обь к рейсовому автобусу. Прошли около восьми километров. Один охранник шел впереди меня, другой — сзади.

В три часа дня я прибыл в Томск в сопровождении милиционера. Выходя из автобуса, я почувствовал легкий толчок в бок. Мне приветливо улыбнулся уже немолодой мужчина. Это был дорогой брат Александр Васильевич Куренбин! Бесконечно хочется благодарить Господа за семью этого служителя. Сколько заботы и нежной любви оказал мне Господь за время ссылки через эту многодетную семью! Я всю жизнь буду перед ними в долгу. Об Александре Васильевиче лучше всего можно сказать словами из Священного Писания: «Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но... с великим тщанием искал меня и нашел» (2 Тим. 1, 16–17). Он пошел в столовую, куда повел меня на обед милиционер. Во время обеда Александр Васильевич молча сидел за соседним столиком.

До автобуса, отправлявшегося в Зырянское (новое место моей ссылки), оставалось два часа. Милиционер предложил мне подождать на расположенном рядом железнодорожном вокзале. Брат Куренбин тоже пошел с нами и сел напротив, не выдавая себя. Но тут в здание вокзала вошел младший сын Куренбиных — Миша и с ним несколько сестер (они возвращались с молодежного общения).

Заметив меня, Миша очень удивился и сразу подошел ко мне вместе с сестрами. Не обращая внимания на милиционера, он стал расспрашивать, как я здесь оказался. Александр Васильевич, видя такое дело, решил тоже подойти к нам. Милиционер как-то испуганно спросил:

— Что, и здесь уже все известно?

— Как видите,— ответил я.

— Чистая работа, ничего не скажешь,— скрывая волнение, проговорил он.

— Ваше счастье, что мы не преступники,— улыбнулся я,— а то бы сейчас отбили меня у вас...

С нотками расположения в голосе он сказал:

— Да я мог бы отправить вас одного, но с меня обязательно потребуют акт передачи ссыльного в комендатуру Зырянского.

Село Зырянское — районный центр. Меня принял начальник милиции. Он сразу вызвал коменданта общежития кирпичного завода и дал ему указание выделить мне в общежитии отдельную комнату. Комендант очень удивился, что ссыльному дается такая привилегия, но начальник строго посмотрел на него и твердо сказал:

— Отдельную комнату! Вам понятно?

«Что-то опять замышляют»,— мелькнула у меня мысль.

При оформлении на работу стал ясен замысел моих опекунов: они решили изолировать меня. Кирпичный завод находился в восьми километрах от села. Ходить в село можно было только пешком. Меня определили на конвейер, от которого за всю смену ни на минуту нельзя отойти, чтобы поговорить с людьми.

Придя в общежитие и осмотрев свою комнату, я преклонил колени и помолился Господу. Бог положил мне на сердце решительно действовать. Зная, что ссыльный имеет право сам находить работу и жилье, не выезжая за пределы района, в котором прописан, я решил воспользоваться этим правом. Бог чудесным образом помог мне.

Выйдя из своей комнаты в общежитии (оно еще достраивалось и постепенно сдавалось в эксплуатацию), я увидел двух рабочих, которые навешивали двери. Около них стоял мужчина лет тридцати. Я поздоровался и спросил, как пройти в Зырянское. Мужчина объяснил и поинтересовался, что мне нужно в селе. Я откровенно рассказал о себе и о своем намерении устроиться на работу столяром, так как работа на кирпичном заводе меня не устраивает. Он пристально посмотрел на меня и спросил, за что я сослан. После моего объяснения он сказал:

— Я прораб строительной бригады. Наша контора находится в Зырянском. Мы работаем по договорам. Места столяра пока нет, но я могу оформить вас подсобным рабочим и поручать работы плотника и столяра.

Выбора у меня не было, и я согласился, так как очень желал свободно общаться с людьми в селе, а также с братьями и сестрами по вере, которые, конечно, будут ко мне приезжать.

Было морозное утро первого февраля. Временно поселившись

в зырянской гостинице, я сразу пошел искать квартиру. Ходил весь день, забыв про обед. К вечеру нашел часть дома, состоящую из комнаты и кухни, в которой с лета никто не жил. Хозяева, живущие в другом доме, дали мне ключи, чтобы я осмотрел квартиру. Но не так-то просто было в нее войти: снегу намело вровень с крышей. Под крышей оставалось пространство, примерно метр на метр, представлявшее собой как бы вход в пещеру.

Я вскарабкался по сугробу и заглянул внутрь. Вдруг оттуда с диким рычанием выскочила большая собака. Отбежав немного, она принялась усердно лаять на меня. Оказывается, она оставалась преданной умершему хозяину и, скитаясь по улицам, не покинула свое сторожевое место. Потом она верно служила и нам.

На следующий день приехали друзья из Томска, те же самые Куренбины с сестрой Шурой. Они помогли привести жилье в порядок. Удобств там не было. За водой нужно было ходить к колодцу через улицу, печь топить два раза, чтобы приготовить пищу и не зябнуть. Утром я уходил на работу, а сестра Шура прилагала все силы, стараясь сделать все возможное, чтобы мне уютно жилось. Да воздаст Господь дорогой старице за всю доброту ко мне и моей семье!

Проработал неделю. Каждую субботу ссыльный должен отмечаться в комендатуре. Когда я пришел на отметку, меня сразу вызвали в кабинет начальника милиции. Вместе с женой (она была ответственной за ссыльных) начальник, как говорится, взял меня в оборот.

Им только накануне стало известно, что в общежитии я не живу и на кирпичном заводе не работаю. Они хотели меня разыскивать, но я вовремя явился сам. Начальник метал гром и молнии, обещая запротоколировать мой самовольный уход из общежития и с работы как нарушение режима содержания, и при повторном нарушении отправить меня опять в лагерь. Он приказал мне идти в общежитие и работать на кирпичном заводе. Я категорически отказался, пояснив, что права и обязанности ссыльного мне известны и в данном случае не я нарушил режим содержания, а те, кто заставляет меня работать не по специальности. Я пообещал пожаловаться прокурору по надзору, а копию жалобы направить в Совет церквей. Начальник велел мне выйти из кабинета.

Возложив упование на Господа, я продолжал работать и жить в Зырянском. Дней через пять наше жилище посетил инспектор по надзору в сопровождении двух милиционеров. Был вечер. Я как раз пришел с работы и встретил только что приехавших друзей из Мол-

давии. На столе лежали молдавские яблоки, груши и даже неизвестно как сохранившийся виноград.

— Ничего себе ссылочка! — язвительно произнес инспектор.

Он переписал всех присутствовавших и предупредил, что такое количество людей в моем доме будет рассматриваться как сборище сектантов.

Привыкшая к нам за эти дни собака неприветливо встретила инспектора и бывших с ним, и они что-то сделали ей, потому что она сразу заболела, а через два дня ее пришлось похоронить.

Радостным событием для меня был приезд Любы на длительное время с младшей дочуркой Любочкой. Сестра Шура согласилась поехать в Харцызск и пожить с нашими детьми. Любочку я, можно сказать, не знал, видел всего три раза, на свиданиях. После первого срока я так мало был дома, что она меня не запомнила. Сейчас ей шел восьмой год. Она так искренне меня обняла, что во мне все затрепетало. Я постарался не показать ей своих слез.

В первый же вечер (в Сибири зимой темнеет очень рано) Любочка стала просить меня пойти с ней в лес.

— А волков не боишься? — спросил я.

— С тобой — нет,— ответила она.

Лес раскинулся в ста метрах от нашего дома. Было морозно, полная луна таинственно освещала окраину села. Любочка подошла к березке, восторженно обняла ее и, волнуясь, спросила:

— Папа, она настоящая?

Я улыбнулся, вспомнив, что на Донбассе бракосочетания проходили в садах и фруктовые деревья оборачивали бумагой и разрисовывали под березу. Любочка видела только такие «березы» и потому задала столь наивный вопрос.

Со сверстниками в селе Любочка сдружилась быстро. Дети — народ особый, они очень быстро находят общий язык, хотя много слов у них было не общих. Моя жена в первое время смущалась даже в магазин ходить, потому что все вокруг сквернословили. Она возмущалась тем, что даже старцы не брезговали вставлять бранные слова в свою речь, а однажды слышала, как они учили маленькую девочку выговаривать нехорошие слова, а сами закатывались смехом. Вот такой там народ. Он не злой, но закоснел в грехах и неверии.

Мы стали расспрашивать о верующих в селе (в нем насчитывалось около пяти тысяч жителей), но таких никто не знал. Наконец нам указали на одинокого старца. Пришли к нему. Это был очень боязливый православный. Библию он никогда не читал: батюшка запретил читать. Мы оставили старцу гостинец и собрались уходить. Он несколько раз переспросил, не подсматривал ли кто за нами, когда мы входили в его дом, и просил больше не приходить.

— Лучше я сам к вам приду,— пообещал он, но так ни разу и не пришел.

Неожиданно к нам приехала сестра из Магнитогорска и привезла новую скрипку очень хорошей работы немецкого мастера Янцена, живущего в Бразилии. Оказывается, друзья из Германии готовили мне сюрприз на день освобождения после первого срока. Скрипку доставили в Москву и должны были передать мне, но запоздали. А меня вскоре вновь арестовали.

Я смотрел на красивый инструмент, на свои огрубевшие от тяжелой работы руки, на отмороженные пальцы, которые потеряли чувствительность, и мне стало грустно. Я уже попрощался со скрипкой и не думал, что смогу снова взять ее в руки...

Когда сестра уехала, я слушал гимн «Голгофа» в исполнении польской певицы. Глубина музыкального образа в сочетании с тонкой трактовкой произвела на меня неизгладимое впечатление. Я не был одарен хорошим голосом, но в душе появилась такая потребность повторить мелодию, что не смог удержаться и взял в руки скрипку...

Руки не повиновались. Они не смогли ответить на запросы души. У меня снова появилось желание положить скрипку и больше никогда не брать ее в руки. Но жажда воспроизвести запавший в душу гимн превозмогла, и я опять стал заниматься отработкой техники

игры. Приходилось заново учиться играть, но ускоренными темпами, так как в душе уже сложился эталон прекрасного звучания.

Вторым толчком к овладению техникой игры на скрипке было посещение братьев из Белоруссии.

Стояла весна. Я заметил, как мимо окон прошли трое мужчин, явно непохожих на жителей села.

«Это братья!» — подсказало сердце.

Я выбежал и закричал:

— Братья, что же вы мимо проходите?!

Они вернулись. Трудно описать радость встречи служителей Господа Иисуса Христа! Братья несли служение в городах Белоруссии: Гомеле, Могилеве, Березино. Много переживший, жизнерадостный служитель из Березино сразу достал скрипку, привезенную с собой, приговаривая:

— Брат ты мой милый, я тебе скрипку привез, своей работы! Она полита моей кровью: сильно руку поранил, когда ее делал. Нука, доставай свою, а я на этой тебе подыграю!

Мне ничего не оставалось, как только повиноваться. Так постепенно я опять начал играть на скрипке, но вернуть технику музыкального исполнения, которой удалось некогда достичь, мне, конечно, уже никогда не удастся.

Пасху 1988 года мы собирались праздновать одни, но неожиданно прибыли гости из Кемерово и Анжеро-Судженска вместе с Борисом

Яковлевичем Шмидтом. Мы в радости прославляли Господа. На богослужение приходила хозяйка нашего дома. Соседи, живущие в другой части дома, не пришли, сказав, что им и так все слышно. Зато другой сосед — Михаил Терентьевич — стал нашим частым посетителем. Ему было уже за семьдесят. Его отца — евангельского христианина — притесняли в 1937 году. Михаил Терентьевич со слезами воспринимал Слово Божье, а его супруга сильно противилась.

Приближалось лето. Все мои дети собирались приехать ко мне на каникулы. Я готовился к радостной встрече, но на работе опять начались неприятности. Начальник управления вдруг вызвал меня и велел собираться на полтора месяца в командировку в другое село, находящееся в тридцати километрах от нашего. Приезжать домой в это время невозможно, так как в период половодья переправа через реку не работает. Я объяснил, что мне каждую субботу нужно отмечаться в комендатуре, но начальник уже договорился с комендатурой. Я стал просить его не направлять меня в командировку, так как приедут восемь детей, с которыми мы многие годы были разлучены. Но все уговоры были напрасны.

Дома я все рассказал Любе. Мы помолились Господу, попросили у Него помощи, и Он чудно помог!

Недалеко от нашего дома находился маслокомбинат. Я пошел к директору проситься на работу. Он расспросил меня, кто я, откуда родом, за что сослан. Расположившись, он рассказал о себе. Оказывается, его тоже когда-то выслали из Поволжья (он был немец). Хотя он и был членом КПСС, я подарил ему Библию и призвал обратиться к Господу.

После беседы, к великой радости, меня зачислили на работу столяром, и никуда, конечно, я не поехал. Удивительно, но начальник милиции опять проявлял недовольство. Очевидно, ему давали задание ухудшать наши жизненные условия.

Посещения инспекторов по надзору участились. Стоило кому-то из друзей приехать, они — тут как тут. Позднее Михаил Терентьевич сказал мне, что о приезде гостей доносил сосед, живущий через стенку.

СТАЛО слышно, что некоторых наших братьев освободили досрочно. Раньше мы настороженно воспринимали такие сообщения, потому что, как правило, никаких льгот нашим братьям не предоставляли, но тут было нечто новое. Многие поговаривали о возможности открытого благовестия в нашей стране, но мне как-то

не верилось. Мы решили вскопать землю под огород, купили полсотни цыплят, чтобы осенью подготовиться к зимовке.

Однажды прихожу домой на обед и вижу, как семеро братьев из Новосибирска вместе с Давидом Андреевичем Пивневым копают землю для посадки картофеля. Я радостно поприветствовал их. Давид Андреевич, с которым я раньше не встречался, улыбнувшись, произнес:

— Я думал, что сейчас передо мной предстанет скрипач — худенький, маленького роста, и вдруг мою ладонь сжимает большая, огрубевшая в работе рука!

Я сказал братьям, что побеседуем вечером, так как от обеденного перерыва осталось всего тридцать минут. (Надо сказать, что такого изобилия пищи, как в ссылке, я никогда в жизни не имел, так как братья везли нам самое лучшее.) Только я приступил к вкуснейшему обеду, как приехали инспекторы.

— Опять сборище?! — не поздоровавшись, заговорил старший лейтенант. — Что это за люди?

— Братья по вере посетили меня и помогают огород копать,— ответил я.

Он сразу пошел проверять документы у братьев, я последовал за ним и остановился чуть в стороне.

— Что, Пушков, из Новосибирска приехали копать огород? Кто тебе поверит? Что-то мне никто не приезжает огород копать! — закричал лейтенант.

— Уверуйте в Господа Иисуса Христа, проявите верность Ему, отсидите восемь лет, и вам вскопают огород, будьте уверены! — ответил я.

Неожиданно приехали дети вместе с пожилой незнакомой женщиной, представившейся сестрой из Прибалтики. Я бесконечно радовался встрече, но вынужден был вновь идти на работу до вечера.

Вечером выяснилось, что женщина из Прибалтики была миссионеркой, пятидесятницей. Ей дали задание отыскать братьев Совета церквей и наделить их недостающим дарованием — способностью говорить на иных языках. Я прямо сказал, как отношусь к вопросу иных языков, и, конечно, разочаровал миссионерку. Я поблагодарил ее за посещение, и мы расстались. На прощание женщина демонстративно порвала листок с нашим адресом.

Летние дни, проведенные с семьей, были очень радостными.

Ютясь в двух комнатушках, из которых одна заменяла нам кухню, мы горячо благодарили Господа за возможность быть вместе.

Дети любили ходить на речку и в лес за грибами. Каким ликующим криком оглашался сибирский лес, когда кто-то из детей находил белый гриб!

Неожиданно случилось несчастье: у меня из руки вырвался острый столярный топор и сильно поранил ногу чуть ниже колена, повредив сухожилия. В больнице молодой хирург, узнав о моих убеждениях, отнесся ко мне со вниманием. Он сказал, что травма серьезная и ногу долго придется держать в гипсе. Однако находиться долго на больничном мне было невыгодно, так как я мог лишиться работы.

Придя на очередной прием к хирургу, я узнал, что он в отпуске. Замещавший его врач, привыкший в ссыльных видеть симулянтов, приказал снять с моей ноги гипс и энергичнее ее разминать. Я сначала обрадовался, но через двенадцать дней меня доставили в больницу с невыносимой болью. Вернувшийся из отпуска хирург был крайне недоволен своим коллегой и грустно сказал:

— Порвалось начавшее срастаться сухожилие, теперь я ничего обещать не могу...

Мою ногу вторично загипсовали на семьдесят дней. У меня появилась возможность не только вволю общаться с родными, но и много молиться, читать духовную литературу. Я понял, что Господь продолжает Свою работу во мне, еще и еще смиряет меня, желая стать моим единственным оплотом.

В конце августа Люба с детьми вынуждена была уезжать домой: пятеро детей были школьниками. Я смог проводить их только до калитки. Стоя на костылях, я едва сдерживал слезы, глядя, как наш добрый сосед Михаил Терентьевич навьючивал сумки на свою инвалидную машину. Жена и дети пошли на автостанцию пешком. Не меньше пяти суток они будут добираться до Украины. Дай, Господи, им сил и терпения!

И все же я был не одинок. Господь никогда не оставлял меня, даже в отчаянных обстоятельствах. В ссылке осталась со мной моя милая доченька Оля. Ей шел восемнадцатый год. Она уже стала членом Церкви Христовой. Застенчивая по природе, она вдруг проявила решительность, сказав, что никуда от папы не уедет и что давно мечтала пожить с ним в ссылке. Еще из лагеря я писал ей:

Сиротинка моя синеглазая,
Бог считает слезинки твои!
Все они засияют алмазами
В вечном Царстве Христовой любви...

Через Олю Господь в то трудное время послал мне утешение и помощь, и до сих пор я благодарю за нее Бога. Да воздаст ей Господь за любовь и почтение к отцу!

Мы с Олей ухаживали за цыплятами, которые за лето превратились в больших кур и петухов. Бог послал нам обильный урожай картофеля. Я приспособился выкапывать картофель с больной ногой, но его надо было еще отнести в погреб. Это было довольно трудно, так как участок находился в ста метрах от дома. Господь и здесь послал нам Свою помощь.

Неожиданно приехали двое братьев из Ташкента. Они привезли большую душистую дыню, которую мы с наслаждением съели, оставив на тарелке три кусочка. Приказав мне сидеть дома, братья стали переносить выкопанный картофель. Об их приезде быстро доложили, и инспектор с двумя сопровождающими приехал проверять. Оля настороженно вошла в дом.

— Что, Пушков, без сборища никак не обходится у тебя? — начал инспектор. — Так и хочешь заработать нарушение! Имей в виду, документы о нарушении надзора уже пошли к прокурору.

— Никакого собрания у нас нет,— ответил я.

— А это кто? — показал инспектор в окно на братьев, переносивших картофель.

— Зная мою немощь, Бог послал к нам братьев, чтобы помогли убрать урожай.

— Ну-ка проверь у них документы,— приказал инспектор подчиненному.

Тот пошел, проверил документы и доложил, что прибывшие прописаны в Ташкенте.

— Так что, из Ташкента в Сибирь приехали копать картошку?! — закричал капитан. — Будем составлять акт!

— Я не подпишу его, так как у вас нет никаких доказательств, что у нас проходит богослужение,— спокойно сказал я.

Капитан пристально осмотрел комнату и, сосредоточив взгляд на трех кусочках дыни на столе, вдруг заявил:

— Ты кого хочешь провести? Думаешь, я не понимаю вашего пароля? Три кусочка дыни — доказательство того, что идет богослужение!

Как ни застенчива была моя Оля, но не смогла сдержаться и откровенно рассмеялась.

— Вы, капитан, великий сыщик,— сказал я,— но все же об этом лучше никому не рассказывайте, а то вас на смех поднимут!

Мы с Олей приготовились к зимовке. Друзья снабдили нас всем

необходимым. Теперь Оля с удовольствием осваивала основы музыки и стихосложения, так как в разлуке с отцом не имела возможности учиться этому.

Оля не оставляла меня и на работе, помогала строгать и распиливать на станке тяжелые доски. Всего труднее было лезть на второй этаж по наружной лестнице с листом стекла и вставлять его. Больная нога не позволяла опираться на нее. С непрестанной молитвой совершал я труд, и Господь помогал.

В то время мне приходило очень много писем со всех стран мира. Многие христиане молились за нас и старались ободрять. Один католический епископ прислал свою фотографию, уведомляя, что он тоже молится за узников в СССР. Он чистосердечно заверил, что хотя мы, по убеждению католиков, являемся еретиками, но «страданиями убелили свои одежды и для многих стали примером верности Иисусу Христу».

Доходили добрые вести об освобождении братьев из заключения. Мне все как-то не верилось, что я тоже буду на свободе. Последними в неволе оставались четверо служителей: И. Я. Антонов, Я. Е. Иващенко, Н. Е. Бойко и я. Пришли письма, в которых друзья извещали, что Иващенко и Антонов освобождены.

«Господи! Неужели Ты и мне позволишь быть на свободе и благовествовать?» — часто взывал я к Господу.

Настал день, когда я, придя с работы, застал Олю в слезах.

— Что случилось? — испуганно спросил я, готовый ко всяким неожиданностям.

Оля протянула конверт с правительственным штампом. Я быстро прочитал официальное уведомление об амнистии.

— Олечка, доченька моя, ты, наверное, не поняла, что мы теперь свободны и можем ехать домой! — радостно закричал я.

— Все я поняла, папочка,— ответила она, рыдая. — Я очень рада за тебя, но мне грустно, что моя мечта не сбылась! Я так хотела пожить с тобой в ссылке, поучиться многому! Теперь, как и раньше, ты будешь трудиться и дома тебя не увидишь...

Я обнял Олечку и постарался утешить ее.

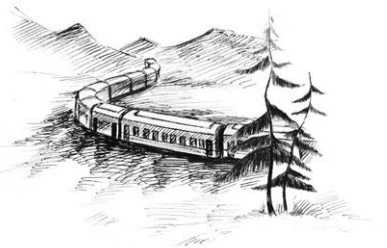
На радостях мы быстро распределили, кому что отдать из своего имущества.

Пришло время прощаться с Сибирью, с дорогим старцем Михаилом Терентьевичем, близким к Господу, с милыми братьями и сестрами из Томска, которые сетовали на то, что теперь их опять редко будут посещать.

ПРОЩАЙ, Сибирь! Близость Господа и любовь братьев и сестер по вере не дали мне ощутить твоего холода. Да согреет солнце Божьей любви твои просторы, и да оттают от атеистического льда добрые, но замерзшие сердца сибиряков! Да воздаст Господь милостью Своей всем, кто молился за узников, ободрял их и помогал их семьям!

Здравствуй, Украина! Дорогое братство, церковь, семья, друзья, как я желаю приветствовать всех вас драгоценным именем Иисуса! Мое желание приступить к любимому труду на ниве Божьей — к благовестию. О нем хотелось бы, если Господь позволит, написать следующую книгу.

Слава Богу за все!



Благовестие

В 2000 году исполнилось тридцать три года с тех пор, как я стал трудиться на ниве Божьей проповедником Евангелия в братстве евангельских христиан-баптистов, объединенных служением Совета церквей. Почти все эти годы проповедь Евангелия в бывшем СССР была сопряжена с большими трудностями. Во-первых, до 1988 года господствовал атеизм; во-вторых, огромная территория, населенная народами разных национальностей с различной культурой, диктовала свои методы проповеди Евангелия; в-третьих, создавали препятствия многочисленные религиозные течения. Все это побудило меня написать книгу о благовестии. С молитвой начиная этот труд, надеюсь, что он вызовет интерес у любящих Господа и принесет пользу возвещающим Евангелие.

В протестантском богословии понятия «благовестник» и «евангелист» синонимичны, так как Евангелие переводится с греческого языка как Благая весть. В русскоязычном христианстве при толковании текста Еф. 4, 11 возникало мнение, что евангелисты — это те, кому Бог поручил написать Евангелие. Следует все же признать, что евангелист — более широкое понятие, чем просто автор Евангелия, и соответствует распространителю Благой вести, то есть благовестнику. В этой книге чаще будут использоваться слова «благовестие» и «благовестник», чем «евангелизация» и «евангелист».

Проповедь Евангелия может быть безмолвной, когда христианин жизнью открывает окружающим какую-либо истину. Но понятие «благовестник» обязательно подразумевает оратора, обращающегося к людям с евангельской вестью. Благовестник непременно должен обладать даром речи и твердо знать, что проповедь будет иметь успех лишь при соблюдении определенных правил.

Благовестник должен знать: что сказать, как сказать, кому сказать, когда сказать. Именно на этом данная книга и сосредоточит внимание читателя. С Божьей помощью мы порассуждаем также о методах благовестия и об условиях успешной проповеди Евангелия.

ДЕЛО БЛАГОВЕСТНИКА

Что сказать?

С ПРЕДЕЛЬНОЙ ясностью Иисус Христос выразил цель Своего прихода на землю: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Матф. 18, 11). Этой цели Он подчинил всю Свою жизнь и к ее достижению подготовил тех, кто после Него понес Благую весть всем людям. Повеление, которое Иисус дал ученикам, также выражено очень конкретно: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Матф. 28, 19–20); «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Марк. 16, 15). Проповедь Евангелия — вот конкретная и весьма ответственная задача для каждого благовестника.

Иисус говорил ученикам: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит; и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду» (Иоан. 14, 12). Часто возникает вопрос: неужели ученики могут в чем-то превзойти Христа? Только в одном — в благовестии. При содействии Духа Святого они передали евангельскую весть тысячам и даже миллионам людей.

Благовестник должен не только полноценно передавать Евангелие, не повреждая слова Божьего (2 Кор. 2, 17), но и защищать евангельскую истину. Апостол Павел лелеял первые христианские всходы подобно няньке (1 Фес. 2, 7). В то же время он был категоричен, защищая истину Христову: «А вкравшимся лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас, мы ни на час не уступили...» (Гал. 2, 4–5).

В 15 главе книги Бытие описано жертвоприношение Авраама. Хищные птицы, налетев, пытались расхитить принесенное в жертву, но Авраам отгонял их. Представьте себе патриарха в длиннополой

одежде, над которым кружат хищные птицы. Сколько нужно было сил и энергии для того, чтобы сохранить принесенное в жертву Господу и оно осталось нерасхищенным!

Хищные дьявольские «птицы» были и есть. Сам сатана остается тем же, меняется только его тактика. В бывшем СССР не раз применялась тактика «змея прямо бегущего» (Ис. 27, 1), когда на смертную казнь и в тюрьмы отправляли тысячи верных свидетелей истины Христовой. Вооруженные идеями марксистов, атеисты провозглашали, что «при коммунизме религия отомрет». Они усердно умерщвляли исповедников Божьей веры, забывая слова апологета церкви Тертуллиана: «Кровь мучеников является семенем церкви».

Вспоминается эпизод из жизни члена СЦ ЕХБ Михаила Ивановича Хорева. На одном из допросов в КГБ следователь, отложив протокол, спросил с дежурной улыбкой:

— Михаил Иванович, без протокола ответьте на вопрос: что с вами делать? Мы даем вам свободу — вы моментально размножаетесь, начинаем репрессировать — вы укрепляетесь.

Михаил Иванович тоже улыбнулся и ответил:

— Так и продолжайте, чтобы Церковь Христова и умножалась, и укреплялась.

Труднейшим испытанием для христиан стало начало 60-х годов прошлого столетия. Главе государства Н. С. Хрущеву пришла в голову идея повторить сталинскую пятилетку борьбы с религией (1933–1937). Он высокомерно заявил, что в скором будущем по телевидению будет показан последний баптист. Здесь «змей» был и «прямо бегущим», и «изгибающимся». Атеисты действовали через покорившихся им руководителей Всесоюзного совета ЕХБ. Разослав «Новое положение ВСЕХБ» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ», они предписывали исполнение антиевангельского постановления «О религиозных объединениях». Расчет атеистов был прост: не допустить в церковь молодежь и детей, а старцы вымрут сами.

Когда замысел «змея изгибающегося» не удался, ему ничего не оставалось, как только вновь начать репрессии. Сотни братьев и сестер были брошены в тюрьмы за то, что встали в пролом и дали возможность расти молодому винограднику. Однако, применив эту тактику, «змей» оказался в проигрыше, так как тысячи преступников, лишенных свободы, услышали весть о Христе, и некоторые из них приняли Его как личного Спасителя.

В 1988 году Бог открыл двери тюрем, чтобы выпустить узников совести, и подарил нам небывалую свободу для проповеди Еванге-

лия. Но эту свободу верующие восприняли по-разному: одни, мобилизовав все силы, понесли весть спасения во все концы страны; другие, устав от гонений, в срочном порядке покинули пределы бывшего СССР, оставив пустыми дома молитвы. Не смею судить братьев-немцев, вдвойне страдавших от атеистического режима. Они поехали к своему народу. И все же как благородно поступили те из них, кто остался, дорожа делом проповеди Евангелия! Взирая на небесное воздаяние, они и сегодня возвещают спасение народу, от которого испытали поругание и репрессии.

С поднятием «железного занавеса» к нам хлынули проповедники самых различных религиозных течений. Православные церкви стали претендовать на исключительность и активизировали свои действия. Обилие религиозной литературы, распространяемой баптистами либерального и кальвинистского толка, а также дух меркантилизма* пагубно сказались на верующих. Многие христиане склонились к легкому, вседозволяющему стилю жизни. Поэтому вопрос защиты евангельской истины стал более актуальным.

Увлекаясь модными религиозными и философско-оккультными течениями и разочаровываясь в них, наши современники приходят к скептическому выводу: истину все равно не найдешь. Они опускают руки и, ведя аморальный образ жизни, отдаются во власть алкоголя и наркотиков.

Семьдесят лет атеисты старались вытравить веру из людских сердец. Обманутый народ уподобился путнику в пустыне. Увлеченный миражами, он совсем обессилел и упал у самого ручья, не имея ни веры, ни силы, чтобы открыть глаза и убедиться, что перед ним живая вода. Поэтому сегодня людям крайне необходим Тот единственный, Кто во все эпохи мог сказать: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14, 6).

Как-то во время благовестия из рядов многочисленных слушателей поднялся уже немолодой, седеющий человек и гневно спросил:

— Почему вы так высокомерно уверяете, что только во Христе спасение? А куда Бог денет индусов, магометан и последователей других религий?

Пришлось объяснить ему, что существует очень много национальных традиций, религиозных обрядов и храмов, но мы ведем речь о спасении души. Библия категорично заявляет: «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам

---

* *Меркантилизм* — увлеченность бизнесом, склонность все рассматривать с точки зрения материальной выгоды.

спастись» (Д. Ап. 4, 12). Христос — единственный путь в небо, потому что только Он пришел с неба, умер за нас на кресте, воскрес и снова вознесся на небо. На звание Спасителя не могут претендовать основатели других религий. О Христе апостол Иоанн пишет: «Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Иоан. 5, 20). Поэтому вместе с апостолом Петром мы радостно заявляем: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Иоан. 6, 68).

Защитники всех индуистских течений, а также учредители организации объединенных религий подтвердят: «Да, Бог один, одна истина, но к ней много путей. Кому-то Бог открылся во Христе, кому-то — в Магомете, Будде, Кришне и т. д.» Это ложь! Путь к вечной жизни один, и это — Христос. Библия открывает нам, что «есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их — путь к смерти» (Притч. 14, 12). Только Христос гарантирует спасение, примиряя нас с Богом.

Трагедия всего человечества заключается в том, что «все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3, 23). Однако Иисус взял на Себя наши грехи и умер за нас. И если возмездие за грех — смерть, то дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 6, 23). Этот дар благодати может принять каждый, кто смирится перед Богом, осознав свое гибельное состояние, и раскается перед Ним в грехах.

Сегодня как никогда ясен коварный замысел древнего змея, сказавшего Еве: «Вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). Используя развивающееся учение йоги и экстрасенсорики, дьявол нашептывает людям: «Зачем каяться, унижать свое достоинство, когда можно путем внутреннего усовершенствования задействовать скрытые силы души и духа и через ряд перевоплощений (реинкарнаций) дойти до высших инстанций, даже до бога». Вот она — извечная дьявольская гордость, переплетенная с хитрым искусством обольщения, вот извечное желание быть подобным Всевышнему! Но «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4, 6).

Один йог, обратившись к Богу, свидетельствовал: «Я все мог: мог часами сидеть в позе лотоса и внушать себе, что вполне счастлив; мог подчинить себе психику другого человека; мог выйти в астрал, видеть свое тело и иметь общение с иными существами. И все же я не был счастлив. В моем сердце не было мира от гордого сознания своего превосходства, потому что там не было любви, не было Бога».

Лишь Дух Святой, вселяясь в сердце, очищенное Кровью Иисуса Христа, приносит с Собой любовь, радость, мир, долготерпение,

благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22–23). Он же дает свидетельство о спасении и усыновлении Богом: «Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу...» (Рим. 8, 16–17). Ни внушения йогов, ни выход в астральный мир, ни связь с космическими силами не дают этого свидетельства, а без него нет надежды на спасение, нет подлинного счастья бытия.

Два тяжких греха — неверие и гордость — препятствуют человеку прийти к распятому Спасителю с раскаянием. Я слышал однажды удивительный пример. В Америке один преступник был приговорен к смертной казни. Друзья осужденного, хорошо знавшие губернатора, упросили его отменить приговор суда и помиловать несчастного. Губернатор долго раздумывал, но потом согласился на том условии, что сам объявит осужденному помилование. В одежде священника он вошел в камеру. Резко повернувшись и увидев священника, осужденный грубо спросил: «Кто тебя вызывал? Уходи! Мне сейчас не до тебя!» Губернатор пытался сказать заключенному о помиловании, но тот вытолкал его из камеры. Помилование не состоялось. Позже, узнав о посещении губернатора, осужденный горько раскаивался, но было поздно. Перед казнью он сказал: «Я достоин смерти, но умираю не за преступление, за которое был помилован, а за то, что отверг милость».

Многомилостивый Бог дарит вечную жизнь каждому жителю земли. И чтобы принять этот дар, необходимо с верой обратиться к Богу и покаяться в своих грехах. Благовестник должен уметь объяснить сомневающемуся современнику, что существует не тысяча вер, а однаединственная, спасающая вера в Господа Иисуса Христа.

«Один Господь, одна вера, одно крещение»,— утверждает Слово Божье (Еф. 4, 5). Один Господь, триединый библейский Бог — Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Одна вера, которая проявляется в полном доверии Иисусу Христу и подтверждается делами. Одно крещение — крещение, которое принял Сам Христос, описанное в Священном Писании как образец.

Евангелист Матфей подробно описывает, как крестил Иоанн Креститель. Сначала он призывал к покаянию, потом крестил в Иордане — в естественном водоеме. Без исповедания грехов, то есть без покаяния, Иоанн не допускал до крещения. Иисус Христос это крещение назвал правдой. Господь Иисус не имел нужды в покаянии, но пришел «исполнить всякую правду» и, будучи взрослым, принял крещение в Иордане.

Вот откуда берет свои истоки баптизм — не от реформации, а от Иисуса Христа, крещенного Иоанном. Духовная сущность крещения — обещание Богу доброй совести (1 Петр. 3, 21). Погружение в воду символизирует погребение ветхого человека, истлевающего во грехах, а выход из воды — символ воскресения к новой жизни в Иисусе Христе (Рим. 6, 3–9).

Большой помехой для благовестия в нынешнее время является кальвинизм. Хочу затронуть богословские позиции реформатора церкви Ж. Кальвина (1509–1564). На Западе он очень почитаем, в русском же евангельско-баптистском братстве для распространения кальвинизма не было почвы. Учение Кальвина прямо или косвенно, открыто или завуалированно проникает к нам через западных проповедников и литературу.

Основной труд Кальвина «Институты христианской религии» был издан, когда автору исполнилось всего двадцать семь лет. Почти никто из приверженцев Кальвина не решится сейчас защищать его умозрительные выводы о двойном предопределении (прежде сотворения человека Бог решил одних людей создать для спасения, а других — для осуждения). Тем не менее, девяносто процентов баптистов Америки и Западной Европы (не имеются в виду кальвинисты-детокрещенцы) придерживаются лишь некоторых пунктов из теологической системы Кальвина. Один из них — принцип невозможности потери спасения. У Кальвина он вытекает из принципа абсолютного предопределения — если ты предопределен Богом к спасению, то, однажды покаявшись, уже никогда не погибнешь.

Благодарение Богу, в наших церквах это учение не привилось. Мы не сомневаемся в том, что Христос подарил человечеству полное спасение, к которому ничего не надо прибавлять от закона. Не сомневаемся мы и в том, что из руки Его никто не похитит, так как Бог возлюбил человека вечной любовью. Но все это осуществляется лишь при условии, что мы слушаем голос Пастыря и идем за Ним.

Духовный опыт подтверждает, что возрожденные души отходили от Господа и умирали без раскаяния. Довод, приводимый кальвинистами, что таковые не были возрожденными, неубедителен. Неубедительно также заверение, что Анания и Сапфира, крещенные Духом Святым, были поражены лишь физической смертью, но спасение не потеряли. Очень опасно, полагаясь на домыслы, не верить выводам Священного Писания!

Защита принципа невозможности потери спасения привела апологетов кальвинизма к еще одному парадоксальному выводу: неверующий может похулить Духа Святого! Этот вопрос очень важен.

Сколько атеистов приходит сегодня к Господу! Как просто дьявол может внушить им мысль, что они похулили Духа Святого и прощения им нет! Однако самый выдающийся благовестник мог сказать о себе: «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии» (1 Тим. 1, 12–13).

Обратим внимание на слова «по неведению, в неверии». Хула на Духа Святого — это сознательное действие верующего, который знает Его лично. Все семь грехов против Духа Святого свидетельствуют, что их может совершить только имеющий Духа Святого, знающий Его, находящийся в непосредственном общении с Ним. Один из этих грехов — оскорбление Духа Святого (Еф. 4, 30). Как я, житель Украины, могу оскорбить, предположим, жителя Африки, которого ни разу не видел? Я не оскорблю его, сколько бы ни старался, исторгая из себя самые грубые слова. В лучшем случае надо мной посмеются окружающие, в худшем — сдадут меня в психиатрическую больницу.

Кальвинисты подчеркивают, что слова Христа о хуле на Духа Святого (Матф. 12, 31; Марк. 3, 29) были обращены к неверующим, к книжникам и фарисеям. Но евангелист Лука отмечает, что Христос говорил это, обращаясь к друзьям (Лук. 12, 4–10). Следовательно, предостережение Господа относится ко всем христианам во все времена. Похулить Духа Святого может лишь тот, кто знает Его, то есть спасенный. Учение о невозможности потери спасения беспочвенно и опасно.

Следующий пагубный принцип кальвинистского учения — абсолютное предопределение. Кальвин утверждал, что с грехопадением человек утратил свободную волю и в его природе теперь нет ничего, что могло бы привести его к Богу. Действительно, это так! Но Иисус сказал: «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Иоан. 6, 44). Через Иисуса Христа Бог сделал все для спасения человека. Но, чтобы это спасение стало достоянием грешника, ему необходимо покаяться и веровать в Евангелие (Марк. 1, 15). Грешник ответствен за свое спасение. Иисус сказал: «Если не покаетесь... погибнете» (Лук. 13, 3).

Невозможно согласиться и со следующим кальвинистским принципом — ограниченным искуплением. Согласно этому принципу, Христос умер лишь за тех, кто предопределен к спасению. Это противоречит самим основам евангельской вести: «А Христос за всех

умер» (2 Кор. 5, 15). Данное утверждение, подобно молоту, разбивает все человеческие домыслы, не согласованные со Священным Писанием. Христос умер за всех и призывает всех, но каждый лично должен открыть Христу дверь своего сердца ключом покаяния (Матф. 3, 1–2; 11, 28; Марк. 1, 14–15; Иоан. 3, 16; Д. Ап. 2, 37–39; 17, 30; Откр. 3, 20).

Если же у грешников нет шансов на спасение, то для чего Христос посылал учеников по всему миру (Марк. 16, 15), зачем тогда страдать с благовестием (2 Тим. 1, 8), зачем молиться об обращении грешников? Однако Христос и апостолы заповедали проповедовать Евангелие, «покорять вере все народы» (Рим. 1, 5). Значит, каждому человеку предоставлена возможность встретиться с Христом при жизни и обрести спасение.

Священное Писание неоднократно напоминает, что каждый сам за себя даст отчет Богу. И если бы у человека не было свободной воли, он не подлежал бы суду, ему нельзя вменять грехи в преступление. Однако по делам будет не только осуждение, но и награда. А это значит, что сегодня у каждого есть возможность выбора — посвятить жизнь на служение добру или злу, избрать жизнь или смерть. Справедливость этого вывода подтверждается и в притче о талантах (Матф. 25, 14–30). Каждый получил определенное количество талантов, каждый имел право распорядиться ими по своему усмотрению (свободная воля) и каждый за себя дал отчет.

Правда, человек утратил свободу воли в том смысле, что грех вселился в его плоть и исправить ее невозможно. Апостол Павел восклицает: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» Мы вынуждены находиться в этой греховной плоти, но у нас есть выход — принять верой Иисуса Христа и сораспяться с Ним. «Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу» (Рим. 8, 1).

Существует три воли: Божья, человеческая и дьявольская. Если человек добровольно отказывается от своей воли и покоряется воле Божьей, то после покаяния и полной самоотдачи Дух Святой занимает его сердце и управляет им. Если же человек живет своевольно, он непременно грешит и является пленником греха. Дьявол уловляет таких людей в свою волю (2 Тим. 2, 26). Однако даже из его сетей можно вырваться — нужно лишь призвать имя Господа. Вот в чем человек остается свободным и полностью ответственным перед Богом за свои действия.

Иоанн Креститель и Иисус Христос подготавливались к открытой проповеди долго, а служение их было сравнительно коротким.

Апостолы не отлучались из Иерусалима, пока обещанный Господом Дух Святой не наставил их на всякую истину и не исполнил силой свыше. Об этом необходимо серьезно задуматься всем, кто готовится нести людям весть о спасении. Без глубокого знания Священного Писания невозможно быть благовестником Христовым. Общая эрудиция, одаренность и красноречие могут лишь способствовать успеху проповеди Евангелия, но основой проповеди является знание и верное понимание Слова Божьего.

«От незнания Священного Писания происходят ереси и превратная жизнь»,— говорил Иоанн Златоуст.

Как сказать?

ГОСПОДЬ Иисус открыл нам важную истину о том, что уста говорят от избытка сердца (Матф. 12, 34). Следовательно, донести евангельскую истину до сердца слушателя может только тот, кто вместил ее в свое сердце. «В сердце моем сокрыл я слово Твое» (Пс. 118, 11) — вот чем должен быть наполнен благовестник Христов.

Пророк Иеремия, в устах которого Бог слова сделал огнем (Иер. 5, 14), решил не говорить о Боге, так как подвергался поношению и посмеянию. Но он не смог молчать: «Было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог» (Иер. 20, 9). Проповедь — это огненная, зажигающая, искренняя речь, обращенная к людям, нуждающимся в спасительной вести. Благовестник должен любить тех, кому хочет передать евангельскую весть. Без любви даже самый искусный оратор не достигнет сердца слушателя. «До сердца доходит только то, что исходит из сердца»,— говорил Ж.-Ж. Руссо.

В данном разделе мы коснемся личности благовестника, каким он должен быть.

Когда я начал читать Библию, слово «благовестник» приводило меня в восторг. Мне казалось, что невозможно найти более звучное слово и что трудно представить себе более высокое служение. Сколько притягательной силы сокрыто в словах пророка Исаии: «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону: „воцарился Бог твой!“» (Ис. 52, 7).

Для протестантского вероисповедания характерен принцип всеобщего священства, основанный на словах апостола Петра: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди,

взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2, 9).

Род избранный, царственное священство! Трудно себе представить такую высоту. Как величественны были благочестивые цари в израильском народе! Как недосягаемо святы были пророки! А теперь избранным в Иисусе Христе дано исключительное звание — царственное священство. Да, такими желает нас видеть Господь. Если гонителя, обидчика и хулителя Савла Бог преобразил, сделав величайшим благовестником, то и каждого читающего эти строки Кровь Христа способна очистить от всякого греха, а Дух Святой может возвести на святые высоты.

Ноги благовестника обязательно должны быть «на горах», а не «в низине». Пророк Исаия обращает внимание не на лицо, а именно на ноги благовестника. Ноги — символ хождения перед Богом и перед людьми. Если наша жизнь будет достойна Того, Кто прекраснее сынов человеческих (Пс. 44, 3), то мы сможем говорить слово Божье с дерзновением (Д. Ап. 4, 31). Самое основное и самое трудное в благовестии — это жить достойно благовествования Христова (Фил. 1, 27).

Пророк Исаия определяет последовательность шагов, направленных на достижение целей благовестия: «Взойди на высокую гору, благовествующий Сион! возвысь с силою голос твой, благовествующий Иерусалим! возвысь, не бойся; скажи городам Иудиным: вот Бог ваш!» (Ис. 40, 9). Сион — гора, на которой построен Иерусалим. Благовествующим Сионом пророк образно называет тех, кто возвышен Богом до положения царственного священства. Принадлежащим к этому избранному роду надо восходить на гору святости, прежде чем возвысить свой голос. Проповедника, находящегося «в низине», во-первых, плохо слышно; во-вторых, каждый слушатель, видя его жалкое положение, посоветует ему сначала самому выйти из «низкого места»; в-третьих, он будет соблазном для слушающих и через него путь истины будет в поношении. Такому лучше не «возвышать голос». Проповедующему «на ровном месте» трудно привлечь внимание слушателей, стоящих на том же уровне. В лучшем случае ему скажут присловье: «Врач! исцели Самого Себя» (Лук. 4, 23). И лишь стоящего «на высокой горе» и видно, и слышно. Видно не только его глаза, лицо и руки, но и ноги, и если они «прекрасны», то тем более прекрасен его облик, речь такого благовестника будет очень убедительной. От его проповеди сердце слушателей будет загораться святым огнем.

«Возвысь с силою голос твой!» А сила наша — только у Бога

(Пс. 61, 12). Проповедь апостола Павла была «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2, 4). Даже поднявшемуся «на высокую гору» необходимо постоянное исполнение Духом Святым.

«Не бойся!» Нелегко побороть свою робость. Необходимо верить, что Тот, Кто возвел «на высокую гору», даст мудрость донести Его слово до сердец слушателей. Нужно помнить о своем высоком призвании. Получивший свидетельство о призвании и посланничестве обязательно будет говорить «как власть имеющий». Этим и отличалась проповедь Иисуса Христа от поучений книжников и фарисеев.

Однажды после евангелизационного богослужения ко мне подошел пожилой интеллигентный человек и резонно заявил:

— Неплохо проповедуете, хотелось бы посмотреть на вашу жизнь!

Он был прав. Мир устал от красивых слов и заверений, он хочет видеть красивую жизнь. Вот, оказывается, что нужно мирским людям, чтобы поверить в Иисуса Христа! Неверующему трудно взглянуть непосредственно на распятого Спасителя, он смотрит на Него через нас. Христос сказал: «Вы — свет миру, вы — соль земли».

Преображение в образ Иисуса Христа должно происходить и внутри, и снаружи. Апостол Павел говорит: «Мы неизвестны, но нас узнают» (2 Кор. 6, 9). Вряд ли люди мира сего познают истину через так называемый современный «христианский балет», через проповедников и проповедниц со светскими манерами в ультрасовременной одежде. Харизматическая псевдорадость под хлопанье и танцы, падение навзничь никогда не привлекут к кроткому и смиренному Спасителю. «Христианский» рок-н-ролл — это насмешка над благоговейным пением во славу Господа, которое зарождалось у подножия Божьих алтарей, а не во время оккультных оргий и не на вульгарных дискотеках. Если бы люди знали, какой аморальностью веет от одного только названия «рок-н-ролл», они открыто возмутились бы против добавления к нему эпитета «христианский». Словосочетание «христианский рок-н-ролл» имеет приблизительно такое же значение, что и «христианская нецензурная брань».

Используя вышеназванные приемы и методы, многие современные «проповедники» повреждают слово Божье и в лучшем случае порождают лишь себе подобных. Трудно, очень трудно людям, слушающим проповедников с нехристианскими атрибутами, представить себе узкий тернистый путь, по которому шел Христос. Согласно Библии, все желающие жить благочестиво во Христе

Иисусе обязательно будут гонимы (2 Тим. 3, 12). Истинное благовестие сопряжено со страданиями, так как весь мир лежит во зле (1 Иоан. 5, 19). Поэтому апостол Павел наставлял Тимофея: «Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым силою Бога» (2 Тим. 1, 8).

Посвященная Богу жизнь является основой успешной проповеди. Апостол Павел мог сказать: «Для меня жизнь — Христос» (Фил. 1, 21). Во Христе он видел цель и смысл бытия, поэтому его проповеди производили коренной переворот в сознании людей.

В Германии мне пришлось слышать интересный пример. Выпускники духовной академии собрались, чтобы обсудить, какой из шести переводов Евангелия на немецкий язык — самый лучший. Они долго не могли прийти к единому мнению, так как у каждого перевода были свои достоинства и свои недостатки. Конец обсуждению положил один юноша:

— Я уверен, что лучшим переводом Евангелия является тот, который сделала для меня моя мама.

— Разве она была переводчицей?

— Да еще какой! — вдохновился юноша. — Она своей жизнью так переводила Евангелие, что оно навсегда осталось в моем сердце!

Проповедь, подкрепленная музыкой, пением и поэзией, обладает бесспорным преимуществом перед сухим начетничеством. Но необходимо помнить, что «в начале было Слово». Приоритет живой проповеди неоспорим. Прекрасная музыка, песни и стихи могут заслонить образ распятого Спасителя, если использовать их в недолжной пропорции и если они не соответствуют духовной глубине евангельских истин. Музыка развлекательно-танцевального жанра с запрограммированными ритмами, часто оккультного происхождения, а также с джазовым уклоном — вообще непригодна для благовестия. Она, конечно, может увлечь слушателей и вызвать в них соответствующие чувства, но помочь Духу Святому сокрушить сердце грешника и привести его к покаянию она неспособна. Как жаль, что такая музыка стала очень популярной среди молодежи и даже проникла в церкви с либеральным уклоном!

Покончить с христианской музыкой — один из пунктов программы сатанистов. К сожалению, они преуспевают в этом. Удивительно, что жанр поп- и рок-музыки даже в светском искусстве вытесняет серьезные жанры: оперу, симфонию, сонату. Это говорит об общей деградации общества. Молодому поколению импонирует музыка,

пробуждающая низменные инстинкты, а не возвышающая человеческое начало и зовущая его в мир прекрасного.

Мне вспоминаются годы учебы в консерватории (1963–1967). Профессор прекращал серьезно заниматься со студентом, который начал увлекаться джазом (тогда джаз был особо популярен). Приходилось даже слышать такое мнение о подобных студентах: «Это конченый музыкант». Преподаватели отлично понимали, что увлекающийся джазом ничего не сможет достичь в области серьезной музыки. Эти жанры совершенно противоположны. Уж если это было понятно подлинным ценителям искусства, зачастую далеким от Евангелия, то приходится удивляться, как современным богословам непонятна направленность модернистской музыки, к которой просто подставлены христианские слова. Христианская хоровая музыка, а также народные и камерные оркестры не должны вытесняться популярными эстрадными ансамблями.

Проповедники, певцы, музыканты и чтецы должны стремиться к совершенству. Наряду с духовным ростом необходимо овладевать исполнительским и ораторским совершенством. Если ветхозаветные певцы были обязаны день и ночь заниматься своим искусством (1 Пар. 9, 33), то сколько старания необходимо прилагать проповедующим Евангелие Иисуса Христа, чтобы спасать взятых на смерть (Притч. 24, 11)?! Непростительна небрежность врачу и художнику, но еще более она непростительна проповеднику Евангелия. «Проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер. 48, 10).

Молю Бога, чтобы все вышесказанное побудило каждого вестника правды Христовой пустить в обращение таланты, данные ему Господом, и достойно славить Того, Кто отдал за нас Свою жизнь. Конечно, Господь силен и юродством проповеди спасать души, но юродство не должно служить эталоном. Некоторые проповедники оправдывают свое нерадение словами апостола Павла: «...боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (2 Кор. 11, 3). Но простота и примитивность — разные вещи. Примитивное служение Богу можно сравнить с приношением в жертву порочного животного. «Проклят лживый, у которого в стаде есть неиспорченный самец, и он дал обет, а приносит в жертву Господу поврежденное...» (Мал. 1, 14). Примитивность может быть простительна, если нет возможности совершенствоваться. Например, славить Господа в общем пении не запрещено тем, у кого слабо развит музыкальный слух, но в хор таких брать нельзя. В отличие от примитивности, простота — наивысшее достижение и в проповеди, и в искусстве.

Знаменитый итальянский учитель пения Николо Порпора говорил: «Великое, истинное и прекрасное в искусстве — это простота». Художник идет к ней через приобретение технических и художественных навыков. Овладевая ими, он отсеивает все лишнее, побочное, ненужное. Как ювелир, придавая алмазу грани, удаляет из него все, мешающее ему стать бриллиантом, так и художник (во всеобъемлющем смысле этого слова) от технического совершенства переходит к вершине — к простоте. Мы жили в стране господствующего атеизма, когда безбожники, лишая верующих возможности обучаться искусству проповеди и христианского пения, умело изображали их недалекими людьми. Но сегодня появилась возможность учиться, и надо приложить максимум старания, чтобы наше пение, музыка и стихи были достойны прославлять Того, Кто прекраснее сынов человеческих (Пс. 44, 3).

По окончании консерватории я мечтал организовать хор и оркестр, который мог бы прославлять Господа на профессиональном уровне. И что же? Повторно лишенный свободы за образование Музыкально-хорового отдела в братстве, я однажды безутешно разрыдался от сознания, что мечты остались неосуществленными. А сейчас, когда при полной деградации личности в мире отмирает прекрасное симфоническое и хоровое искусство, Господь подарил нам уникальную возможность возродить его и посвятить единственному виновнику всей красоты — нашему Создателю.

Да поможет Господь уразуметь все это тем, кто готовится проповедовать Евангелие. Да вдохновит Он многих на этот истинный подвиг, чтобы грешники могли из беспроглядной тьмы обезумевшего мира прийти к евангельскому свету!

Кому сказать?

ИИСУС Христос умер за всех. Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2, 4). Все согрешили, и «Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться» (Д. Ап. 17, 30). Следовательно, проповедь Евангелия должны услышать все люди, потому что «вера — от слышания, а слышание — от слова Божия» (Рим. 10, 17).

В бывшем СССР, где искоренялась живая вера в Иисуса Христа и насильственно насаждался атеизм, верующие-протестанты, предлагая людям Евангелие, не могли евангелизировать все народы огромной многонациональной страны. Это было связано с больши-

ми трудностями: не хватало Евангелий (не говоря уже о Библиях), недоставало материальных средств и тружеников, атеисты жестоко преследовали и лишали свободы (а нередко и жизни) истинных носителей евангельской вести.

Когда атеистический колосс рухнул без содействия рук человеческих, у верующих появилась прекрасная возможность для широкой евангелизации в стране. Наряду с этим появились и неизведанные трудности. Уместно вспомнить, как апостол Павел описывает свое служение: «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона,— не будучи чужд закона пред Богом... для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 20–22). У Павла был свой подход к каждому народу и к отдельным личностям.

Многообразие религий и национальных традиций сегодня шире, чем во времена апостола Павла. Но есть и великое преимущество: мы можем проповедовать Евангелие многим народам на русском языке. Атеисты, увлеченные идеей коммунизма, старались создать единую империю, в которой изучение русского языка было обязательным. Они, конечно, не представляли, какую великую услугу окажут этим делу евангелизации. Благая весть на родном языке воспринимается лучше, но где такой возможности нет, можно проповедовать и на русском.

Для того чтобы евангелизация была более успешной, благовестникам необходимо многое учитывать, многое знать. Население бывшего СССР можно разделить на следующие категории:

- безбожники, в душах которых атеизм оставил глубокие греховные следы;
- православные, которые в большинстве своем никогда не читали Библию и даже Евангелие. Они соблюдают религиозные обряды;
- мусульмане. Это коренные народности Средней Азии и Кавказа и некоторые национальные меньшинства на Урале и в Поволжье;
- язычники. Это большая группа народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;
- буддисты. К ним относятся буряты, калмыки, а также переселенцы из других стран;
- католики и греко-католики, проживающие в западных областях Украины и Белоруссии.

Из Индии к нам проникли индуизм, йога, кришнаизм, экстрасенсорика. В наших странах немало последователей Блаватской, Рериха, есть Белое братство, оккультисты, сатанисты, последователи новоявленного лже-Христа Виссариона и многие другие грешники. Все они нуждаются в спасении, и благовестники должны передать им неповрежденное евангельское слово.

Перед благовестниками — бескрайняя нива. Каждому народу необходимо сказать о Христе по-особому, учитывая его традиции и уровень культурного развития. Шаблонная проповедь не принесет успеха.

Теперь перейдем к более подробному рассмотрению отличительных признаков перечисленных выше категорий, которые необходимо учитывать во время благовестия.

Безбожники

Надо сказать, что сегодня многие, формально причисляющие себя к той или иной религии, буквально пропитаны атеистическими вымыслами, так как десятилетиями в души детей и взрослых принудительно впрыскивали атеистический яд. Еще в 80-х годах прошлого века можно было услышать примерно такой диалог.

— Бабушка, я теперь знаю, что ты была обезьяной! — сообщает внук, придя из детского сада.

— Что ты, внучек! Кто тебе такое мог сказать?

— А что, разве не была?

— Конечно, нет!

— Кто же тогда был обезьяной? Может, дедушка?

— Нет, дедушка тоже никогда не был обезьяной.

После некоторой паузы внук многозначительно произносит:

— Значит, московская бабушка была обезьяной...

После такого воспитания можно пожинать только самые горькие плоды. Еще Аристотель говорил: «Детство — это чистая грифельная доска, на которой можно написать все, что угодно». А Библия утверждает: «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится» (Притч. 22, 6). Что же делать с теми, кто не был наставлен, чьи сердца с детства засеяны плевелами? Необходимо помочь им увидеть свое бедственное положение и нужду в Спасителе, Который любит их и желает им благополучия.

Атеизм долгие годы был государственной религией в нашей некогда большой стране. Именно религией, так как в его основные положения надо было просто верить. Научным он только назывался. Он был нужен тем, кто учил братьев воевать друг с другом, и привлекал тех, кому хотелось безнаказанно грешить. На истоки

атеизма указывает нам Библия: «Сказал безумец в сердце своем: „нет Бога“» (Пс. 13, 1).

В связи с тем, что научный атеизм является составной частью материалистической философии, безбожники всегда пытаются подвести под свое мировоззрение философский фундамент. Само слово «философия» — хорошее. В переводе с древнегреческого оно означает «любовь к мудрости» («фило» — люблю, «софия» — мудрость). Однако материализм можно назвать лишь лжеименным знанием. Апостол Павел предупреждает утвержденных и укорененных в истине Христовой: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8).

Человеку, который перенес тяжелую операцию и выздоровел от смертельной болезни, нет необходимости вновь подвергаться действию хирургического скальпеля. Но хирургу никто не будет запрещать еще глубже изучать симптомы болезни, от которой необходимо врачевать пациентов. Спасенный Иисусом Христом никогда не будет искать спасения в философских доктринах, тем более в материалистических. Но, чтобы предостеречь других от бесполезных и опасных блужданий по философским лабиринтам, ему приходится снова и снова открывать несостоятельность материалистической философии.

Если смертельно больной человек будет вместо врача искать красивое здание, где бы он мог провести последние дни жизни, то его скорее всего сочтут за неразумного. В вопросе спасения души философия материализма в лучшем случае может быть лишь «красивым зданием», но единственным врачом и спасителем является Иисус Христос (Д. Ап. 4, 12). Всякий человек рождается с симптомами греховной проказы, и первоочередная задача каждого из нас — исцелиться от нее, чтобы иметь гарантию вечной жизни.

Православные

На евангелизационных собраниях нам неоднократно задавали вопрос: «Какая вера правильная — православие или баптизм?» Я обычно отвечал вопросом: «А где речная вода чище — в истоке или в устье?» — «Конечно, в истоке»,— отвечали люди. Так и в христианстве.

Новый Завет Иисуса Христа — это кристально-чистый источник живой воды. Истинным будет только то вероисповедание, в котором соблюдается Священное Писание. Всякое искажение слова Божьего порождает лжеучения и является греховной сетью для человеческой души. «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит

Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни...» (Откр. 22, 18–19).

Удивительна психология нашего современника! Обманутый атеизмом, он, наконец, порвал с ним, увидев его беспочвенность, и теперь пытается найти опору в философии, довольствуясь признанием какой-то высшей силы или энергии. А кто начинает осознавать себя грешником, тот пытается прикрыться «смоковными листьями» какой-нибудь удобной религии. Одна из них — православие.

В одном городе обратился к Богу майор КГБ. Его мать сильно переживала, что сына снимут с работы. Она всю ночь не спала, а утром посоветовала ему: «Если хочешь быть верующим, иди в православную церковь: и на работе останешься, и в жизни ничего не нужно будет менять». Удивительным был ответ сына, твердо ставшего на истинный путь: «Мама, если не изменять греховную жизнь, то зачем называться верующим, лицемеря перед людьми и перед Богом?»

Беда в том, что православные священники провозглашают православие единственно истинной верой, берущей начало от самих апостолов. Принимая это утверждение на веру, православные, как правило, очень слабо знают Священное Писание и не помышляют о превратности своих пониманий. Иисус Христос учил людей тому, чтобы они исследовали Писание (Иоан. 5, 39).

На одном из евангелизационных собраний, выяснив, что из множества православных слушателей почти никто не прочитал Евангелие, я рассказал следующую историю. Мать, оставшись вдовой, всю жизнь посвятила сыну. Когда он вырос и уехал учиться в большой город, мать изо всех сил помогала ему. Закончив институт, сын стал быстро подниматься по служебной лестнице и все реже и реже писать домой. Потом он женился, даже не сообщив об этом матери. Она посылала ему письма, но ответа не получала. Тогда она решила поехать в город и разыскать сына. Разыскала. У него богатая квартира, красивая жена. Удивленный приездом матери, сын пообещал, что вечером уделит ей время, и куда-то ушел с женой. Оставшись одна, мать занялась уборкой квартиры. В кабинете сына, открыв ящик письменного стола, она увидела свои письма. Они были не распечатаны.

В зале послышался возмущенный гул. Я пояснил слушателям, что православные очень похожи на того сына. Евангелие — это письмо Бога к людям, и если они его не читают, то становятся такими же неблагодарными, как тот сын.

В Новом Завете нет названия «православные», а «христиане» и «вера евангельская» — есть (Д. Ап. 11, 26; Фил. 1, 27). Поэтому евангельские христиане — не новая секта, как пытаются утверждать апологеты православия, а весьма древняя вера, рожденная в дни земной жизни Иисуса Христа. Баптизм произошел не от Лютера, Цвингли или Кальвина, а от Иисуса Христа, Который принял крещение от Иоанна Крестителя.

Крещение взрослых с исповеданием грехов Христос назвал правдой (Матф. 3, 15), а правда — только одна. Христос утвердил ее, зная, что через три столетия священники начнут вводить детское крещение. История церкви повествует, что детей впервые крестили в 342 году по Р. Х., а детокрещение было утверждено как церковная практика в 416 году по Р. Х.

Есть неопровержимые доказательства, что раньше не существовало общепринятого правила крестить детей. Посмотрим, в каком возрасте принимали крещение отцы церкви на рубеже III–IV веков: Иоанн Златоуст — в 20 лет, Григорий Богослов — в 24 года, Василий Великий — в 30 лет, Киприан — в 45 лет, Августин Блаженный — в 30 лет.

Может быть, эти люди выросли в неверующих семьях и потому их не крестили в детстве? — Нет. Василий Великий и Григорий Богослов — сыновья пресвитеров, мать Августина возведена в католицизме в ранг святых. Их не крестили в детстве только потому, что детского крещения еще не было. Во всем Священном Писании нет ни одного примера крещения детей.

Крещение (греч. βαπτισμα) — это обещание Богу доброй совести (1 Петр. 3, 21), а младенец не способен дать такое обещание. Поэтому детокрещение не имеет основания в Священном Писании и является грубым нарушением святых заветов Иисуса Христа и апостолов.

На Руси христианство было принято в 988 году, причем к этому времени оно уже далеко ушло от евангельских истоков. Окончательное разделение церкви на католическую и православную произошло в 1054 году. До этого православные нарушали Евангелие вместе с католиками. Вот некоторые примеры таких нарушений:

- утверждение монашества (285–360 гг.),
- молитва за умерших (310–970 гг.),
- почитание Ангелов и святых (375–500 гг.),
- почитание святых предметов и крестное знамение (IV в.),
- преклонение перед изображением Марии и ее обожествление (428–457 гг.),

- поклонение Ангелам и мученикам (V в.),
- утверждение учения о чистилище (591–1439 гг.),
- поклонение кресту (688–788 гг.),
- поклонение мощам (688 г.),
- целование рук и ног священника (709 г.),
- поклонение иконам (787–842 гг.),
- индульгенции (1016 г.).

Нет особой надобности более глубоко исследовать православное вероучение, так как всякий добросовестно изучающий Священное Писание сам может увидеть уклонение православия от прямого евангельского пути. Оставаясь государственной религией со времен Константина Великого вплоть до последнего российского императора, православная церковь была служанкой государства, оправдывавшей все деяния царей и освящавшей даже войны, которые они вели. В настоящее время православие для многих стало исключительно внешней формой традиционного верования без поклонения Богу в духе и истине.

В заключение обсуждаемой темы рассмотрим, кто же на самом деле является сектантом. Православные священники обвиняют протестантов в том, что у них нет преемственности священства и с пренебрежением называют их сектантами. Это обвинение несостоятельно, потому что не основано на Библии. Апостол Павел, «волею Божиею Апостол Иисуса Христа» (Кол. 1, 1), «избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом» (Гал. 1, 1), не нуждался в человеческой преемственности священства. Он воспринял все от Самого Господа (1 Кор. 11, 23). Однако тем, кто подчеркивает важность преемственности священства, хочется сказать, что Мартин Лютер был священником и даже перед смертью рукополагал на служение. Менно Симонс, от которого берут начало меннониты и украинские штундисты, тоже был священником.

Если говорить о сектантах, то сначала нужно согласиться, что это слово происходит от названия части круга — сектора. Вопрос заключается в том, что следует принимать за полный круг? Если — православие, то оно само является сектой, так как отсеклось от католической (вселенской) церкви. Зрелый христианин скажет, что за полный круг надо, конечно, принять истинное Слово Божье — Библию. Очень хорошо! Но Ветхий Завет еще за два века до рождения Христа был переведен с древнееврейского на греческий язык (он получил название Септуагинта). В первом веке Писание было дополнено Новым Заветом Господа нашего Иисуса Христа. Это был

законченный кодекс из 66 книг, в который нельзя было включать апокрифы, так как их нет ни в Септуагинте, ни в других древнееврейских источниках. Библию нельзя было также подменять преданиями и решениями последующих соборов, «отсекая» одну за другой истины Священного Писания. Еще в древности пророк Исаия сказал о таковых: «И стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного...» (Ис. 28, 13).

Вдумчивому искателю истины предоставляется возможность самому ответить на вопрос: кто же является сектантом? Во всяком случае, прозвища «сектант» недостоин тот, кто стремится исполнять Священное Писание, ничего не прибавляя к нему и ничего не убавляя от него.

Мусульмане Евангелизация среди мусульман требует большой осторожности в словах. Малейшее унижение имени Магомета в лучшем случае положит конец беседе, в худшем — ожесточит мусульманина и даже может вызвать в нем желание физически защитить честь пророка.

Священная книга мусульман (Коран) была написана Магометом спустя 600 лет после рождения Христа. К этому времени Бог через Иисуса Христа сделал все, что нужно было для спасения человечества. Коран, с одной стороны, протестовал против поклонения христиан Марии, Ангелам, угодникам, иконам и т. д., а с другой стороны — возвеличивал Иллаха (божество племени, к которому принадлежал Магомет) до Аллаха (творца вселенной).

Одно из основных положений Корана: «Аллах не нуждается в товарищах», то есть он един. Мусульманину очень трудно объяснить, что Иисус Христос — Сын Божий. Из Корана он знает, что Иисус — Сын Марии. «Если у Бога есть Сын,— скажет мусульманин,— то должна быть и жена». Для нас одна такая мысль — святотатство, но мусульмане не верят в непорочное зачатие и рождение Христа. Разъяснять эту истину можно, исходя из Корана. В нем много библейских имен. При упоминании их обязательно назван отец. Можно обратить внимание мусульманина на то, что в родословии Иисуса указана мать, а не отец, как у других пророков и патриархов. Следовательно, у Него не было земного отца, как у всех людей.

В Коране очень многие библейские личности названы пророками. Иисус, как и Магомет, тоже назван пророком. Сам Магомет (или Мухаммед) говорит: «Нет бога, кроме Аллаха, а Магомет — пророк его». Магомет считается последним и поэтому наибольшим пророком. Слова Моисея: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих,

как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой,— Его слушайте» — мусульмане истолковывают по-своему. Они утверждают, что здесь Моисей говорит о Магомете. Следует обратить внимание на слова: «из среды тебя», а также на текст: «Я воздвигну им Пророка из среды братьев их» (Втор. 18, 18),— и спросить у мусульманина, является ли Магомет израильтянином? — Нет, конечно. Они уверяют, что Магомет из арабов. Следовательно, Иисус — последний пророк, а не Магомет, так как в приведенных выше цитатах из Священного Писания речь идет об израильтянах.

В Коране есть места, искажающие библейский текст. Например, в священной книге мусульман сказано, что Авраам пошел приносить в жертву не Исаака, а Измаила. Чтобы не говорить о воскресении Иисуса Христа, Магомет пишет, что Иисус сделал только вид, что дает Себя распять, а на самом деле Он обманул распинавших и живым вознесся на небо. Доказав на основании Евангелия ложность утверждений Магомета, можно перейти к личности Спасителя. У всех пророков есть могилы, а в могилах — их останки, но гроб Христа пуст. Если бы Он не умер на кресте, то у Него не было бы и гроба. Но гроб есть, и он пуст. Значит, Христос воскрес. Спасти от гибели может только живой, а не мертвый.

Часть Корана, в которой повествуется об Иисусе Христе, называется Инжил. Сам Аллах в Коране говорит: «Мы дали Моисею закон, а Иисусу — Евангелие». Во-первых, почему Аллах говорит не «я», а «мы» — во множественном числе? Во-вторых, о Евангелии только упомянуто, а его необходимо знать.

Нужно еще отметить, что рядовые мусульмане, как правило, не знают Корана. В мусульманстве очень много различных сект, которые через ворожбу и фетишизм учат выходить на связь с нечистыми духами. Обратиться через покаяние к Богу, к Иисусу Христу, мусульманам очень трудно. Родные буквально вычеркивают их из жизни, могут даже причинять зло.

Отбывая срок лишения свободы во второй раз, я много беседовал с одним ингушом, который сидел за убийство. Ко мне он был очень расположен, несколько моих тетрадей со стихами сумел передать на свободу. В беседах он несколько раз повторял: «Какая у тебя хорошая вера! А вот мне, когда освобожусь, опять убивать надо, мстить за брата». Я убеждал его отказаться от мести. «Невозможно,— говорил он.— Меня тогда все родные проклянут и будут мстить». Они тщательно блюдут закон «око за око».

Как же прекрасен Господь Иисус и Его учение! Размышляя об этом, хочется бесконечно благодарить и прославлять Его.

Язычники К язычникам относятся многочисленные группы национальных меньшинств Крайнего Севера и Дальнего Востока. Этим народностям свойственны шаманство, фетишизм, обожествление сил природы, связь с злыми духами, а также поголовное пьянство. Благовествуя среди язычников, нельзя не увидеть, как дьявол изуродовал грехом жизнь людей.

Милость Божья безгранична, и весть спасения достигла и язычников. Еще в 1990 году более тридцати народностей Сибири и Крайнего Севера не были евангелизированы. Спустя десять лет наблюдается совсем другая картина. Сегодня с радостью можно отметить, что многие селения северных народностей оглашены Благой вестью. Церковь пополняется обращенными из хантов, манси, ненцев, ульчей, якутов, чукчей, коми, эвенков, алеутов, удэгейцев и других народов.

Однажды пришлось мне проповедовать среди нанайцев: мы были у них с группой благовестия. Живут нанайцы в основном на реках, занимаются рыбной ловлей и охотой. О Боге слушать не хотят, утверждая, что «у нанайца свой бог». Порабощенные алкоголем, они сосредоточивают свои интересы только на водке.

С большим трудом удалось нам собрать немногочисленных слушателей. После прекрасной игры вокально-инструментального ансамбля и пения я, открыв Евангелие, стал свидетельствовать о Христе и спасении грешников. Перед какой только аудиторией ни приходилось мне проповедовать! Однако, стоя перед нанайцами, я чувствовал, что мои слова не достигают их сердец. Я старался подбирать самые простые выражения и приводить самые понятные примеры. Когда мы стали выяснять, что такое грех и кто является грешником, я растерялся, не зная, как сказать, чтобы они поняли, к тому же среди слушателей было много детей.

Мысленно взывая к Богу о помощи, я спросил:

— Убивать человека — хорошо или плохо?

— Плохо!

— Пить водку — хорошо или плохо?

К моему удивлению, дети оживились и что есть силы закричали:

— Хорошо!..

Как извращены понятия этих людей!

В одном ханты-мансийском поселке мы стали свидетелями огромного влияния шамана на жителей. Въезжая в селение, мы увидели человека на тридцатиметровой вышке. Он висел, держась за стойку одной рукой. Поняв, что это самоубийца, мы остановились и начали молиться. Один брат побежал в поселок и стал созывать

людей, но они, к удивлению, спокойно отвечали: «Пусть бросается, не нужно ему мешать, это его личное дело». Около часа мы молились о том, чтобы Господь разрушил планы дьявола, желающего погубить душу. К нашей радости, мужчина спустился с вышки.

В поселке процветает пьянство. Шаману все подчиняются беспрекословно. Мужчины редко доживают до сорока лет. Многие по совету шамана уходят в тайгу и погибают, стреляя в себя.

Ханты и манси с детства занимаются ловлей рыбы. Они хорошо управляют лодками, но плавать никто не учится. Если лодка переворачивается, никто не спешит на помощь к утопающему, так как шаман учит, что «это очень хорошо, если вода забирает человека к себе».

Перед нашим отъездом из поселка пришли двое мужчин (лет тридцати). Они были не совсем трезвые, но вопросы задавали серьезные. Один из них заплакал:

— Отец, спаси меня! Весной утонули семь моих братьев. Шаман сказал, что мне пора стрелять себя в горло. Я никому не нужен!

Я стал говорить ему о Христе, Который любит всех людей и лично его, старался убедить, что он нужен Богу. В конце беседы я предложил мужчинам помолиться, попросить у Бога прощение за свои грехи. Они охотно склонились на колени и помолились, как могли.

Когда мы выезжали из поселка, я неожиданно увидел этих мужчин. Они сидели на обочине и допивали трехлитровую банку вина.

Глубоко опечаленный этой картиной, я спросил:

— Что вы делаете? Вы же покаялись, попросили у Бога прощения...

Они нисколько не смутились. Один, улыбаясь, сказал:

— Отец, мы решили отметить день нашего покаяния, а потом с этим делом завязать...

Оковы греха разорвать непросто.

Буддисты и последователи некоторых других учений

Буддисты, кришнаиты, йоги, экстрасенсы, последователи Рериха и Блаватской, спекулируя на стремлении людей к познанию таинственного, на желании быть счастливыми и здоровыми, стали завладевать умами не только простолюдинов, но и образованных людей. К ним присоединились колдуны всех мастей: спиритисты, гадатели, белые и черные маги, ясновидцы, народные целители и другие. Учение белых братьев вобрало в себя идеи христианства и индуизма. Трудность благовестия среди увлеченных этими лжеучениями состоит в том, что все они выставляют себя верующими в Бога и признающими Иисуса Христа.

Один благовестник, трудившийся в Израиле, рассказывал, как к нему после проповеди подошел таинственный человек с черной бородой и, отозвав в сторону, прошептал:

— Я апостол Петр. Я опять пришел на землю, только ты об этом никому не говори пока.

Не растерявшись, брат радостно произнес:

— Какая чудная встреча! Лицом к лицу вижу апостола Петра! Скажи мне, пожалуйста, что ты написал в первой главе первого послания? Я бы хотел из уст самого автора услышать глубокие пояснения!

Сконфузившись, новоявленный «апостол» ответил:

— Не помню.

Буддизм возник около 560 года до Р. Х. При жизни основателя буддизм был просто философским учением и лишь после его смерти стал религиозным течением. Сущность буддизма выражается в стремлении исповедующих его порвать цепь перевоплощений и уйти от неминуемого возмездия в нирвану*. Если иудаизм, христианство и магометанство признают жизнь благом, то буддизм утверждает, что жизнь — это зло.

На евангелизационных собраниях в Элисте (столица Калмыкии) и в Улан-Удэ (столица Бурятии) мы встречались с буддистами. Для работы среди них нужен другой метод благовестия. Видимый результат служения был весьма скромен. В Элисте мы проводили евангелизационное собрание в зале техникума. Студенты и прочие слушатели, казалось, хорошо воспринимали повествование о сотворении мира, о грехопадении, о вере в Бога. В заключение мы говорили о единственном Спасителе — Иисусе Христе. Эта весть была встречена гробовым молчанием. На покаяние никто не вышел. Примерно так же прошло служение и в Улан-Удэ, только слушателей было меньше.

Движение «Нью Эйдж» усиленно стремится объединить многие древние и современные религии и философию в единое эклектическое мировоззрение, выдавая его за мировую религию. У этого движения многоветвистая система названий, например: движение высшего сознания, оккультизм, восточный мистицизм, восточная духовность, древняя или вечная мудрость, эра Водолея, альтернативная или нетрадиционная медицина. Термин «Нью Эйдж» заимствован из астрологии и указывает на то, что наша планета находится

---

* *Нирвана* — психологическое состояние глубокого покоя и полной внутренней гармонии, отрешенности от внешнего мира, жизненных забот.

на грани эволюционного перехода из эры Рыб (период рациональности и христианского влияния) в эру Водолея (период духовности, блаженства и полной гармонии).

Подлинные истоки движения «Нью Эйдж» легко просматриваются в книге Бытие (3, 1–5). Сатана первый подверг сомнению истинность сказанного Богом, справедливость Его притязаний на верховную власть и благожелательность к Своему творению (ст. 1). Он заявил, что неповиновение Богу не влечет за собой смерти (ст. 4) и что, овладев тайной, путем обретения гностической мудрости можно достичь просветления и стать «как боги» (ст. 5).

Приверженцы «Нью Эйдж» считают Бога безликой жизненной силой, разумом или энергией. Иисуса Христа они называют одним из многих «восходящих мастеров», который в юношеские годы ходил в Индию и там обучался воззрениям «Нью Эйдж». По их понятиям, человек безгрешен, так как его истинная сущность божественна. Единственное различие между человеком и Богом состоит в том, что человек не знает о своих неограниченных возможностях.

Практически все приверженцы «Нью Эйдж» признают индуистское учение о реинкарнации (перевоплощении душ). Библия ничего не говорит по этому поводу, и благовестник должен уметь доходчиво объяснять опасность лжеучения «Нью Эйдж» и смысл жизни человека на земле. Из Лук. 1, 17 явствует, что Иоанн Креститель совершал служение Илии (Мал. 4, 5–6), но не был перевоплощен в Илию, так как самого Илию ученики видели на горе Преображения (Матф. 17, 1–3).

Большим препятствием для принятия евангельской истины является воскресшее учение Ария. (Эта ересь была осуждена еще в 325 году на I Вселенском соборе в Никее.) Его с большим энтузиазмом распространяют так называемые свидетели Иеговы. Апологеты этого учения превратили Иисуса Христа в творение, тогда как Он — единородный Сын Божий, Который создал все видимое и невидимое (Кол. 1, 15–16). Свидетели Иеговы считают Христа воплощением архангела Михаила, который был для Бога «как сын».

С глубокой скорбью приходится смотреть и на харизматиков, наводнивших наши города. Нехристианская музыка с запрограммированными ритмами (зачастую оккультного происхождения), сцены псевдорадости (хлопание в ладоши, танцы) и дикие исступления (падание навзничь, хохот) — все это вызывает отвращение у пытливых искателей истины. Побывав у харизматиков, люди с великим трудом соглашаются послушать неповрежденную христианскую проповедь.

ПОДВОДЯ итог этому разделу, необходимо отметить, что при всем разнообразии уклонений от истины люди делятся на две категории: прощенные и непрощенные грешники. По природе все люди — грешники. Иисус Христос ради спасения грешников пришел на землю и умер за всех (Матф. 18, 11; 2 Кор. 5, 15). Спасение — это Божий подарок (Еф. 2, 8), который надо бережно хранить, чтобы не потерять.

Когда сказать?

ЖИЗНЬ Иисуса Христа — лучший ответ на поставленный вопрос. Исполняя волю Небесного Отца, Иисус совершал служение по предопределенному Отцом плану спасения человечества. Его служение длилось три года с небольшим, хотя подготавливался к нему Иисус около тридцати лет. Возникает вопрос: почему бы Ему не начать Свое служение раньше, чтобы дольше побыть с учениками? Ответ однозначен: у Бога все дела совершенны, Он никогда не ошибается.

Как христианину, готовящемуся стать благовестником, определить время начала своего служения? Как удостовериться в своем призвании? Получить ответы на эти вопросы желают многие искренние дети Божьи.

Существует мнение, что христианин должен начинать проповедовать сразу после обращения. В основание этого мнения берут отрывок из Священного Писания о Савле: «И тотчас стал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий» (Д. Ап. 9, 20), а также повеление Иисуса человеку, избавленному от влияния бесов: «Иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя» (Марк. 5, 19).

Конечно, между свидетельством об обращении и проповедью существует большая разница. Плохо, когда обратившийся к Господу долгое время стыдится своих убеждений и не свидетельствует о Боге. Прежде чем обратившийся станет свидетельствовать о Боге, в его жизни должна произойти полная перемена. У исцеленного бесноватого такая перемена совершилась, поэтому его свидетельство имело огромное влияние на слушателей. Если жители страны Гадаринской после исцеления бесноватого просили Иисуса уйти от них, то через некоторое время «народ принял Его, потому что все ожидали Его» (Лук. 8, 40).

Свидетельство бывшего бесноватого ни в коем случае нельзя

сравнивать с проповедью обратившегося Савла. Будучи фарисеем, он с детства изучал Священное Писание и воспитывался у ног Гамалиила — самого известного в то время законоучителя. Только неверие в Иисуса Христа мешало Савлу быть проповедником. Встретившись же с Христом, он был вполне подготовлен к делу проповеди.

Хорошо, если новообращенный горит желанием рассказывать о своем обращении. Но поручать ему проповедь и тем более рукополагать на благовестника — это совсем другое дело. Для широкого благовестия нужна большая подготовка. Выдающиеся проповедники Евангелия, за некоторым исключением, были детьми верующих родителей. Они с детства знали Писание и совершенствовались, слушая проповеди в собраниях. Прежде чем решить вопрос: когда проповедовать, им нужно было решить — что проповедовать, как и кому.

Сколько лет нужно учиться, чтобы стать инженером, врачом, музыкантом! Спасение человеческих душ — дело, безусловно, весьма трудное, и ему тоже надо учиться. Блаженны матери и отцы, которые с детства готовят своих сыновей к этой возвышенной и прекрасной деятельности — к благовестию. Правда, есть примеры довольно быстрого призвания к служению. Господу все возможно, у Него много самородков. Однако их Он обычно тоже готовит заранее.

Один проповедник в ответ на похвалу за удачный экспромт сказал: «Эта проповедь стоила мне нескольких бессонных ночей». У благовестника может быть большой запас проповедей, и слово, сказанное вовремя, кому-то может показаться экспромтом. На самом же деле — проповедник просто узнал время, когда сказать.

Некоторые одаренные братья склонны утверждать, что готовиться к проповеди не надо. На их взгляд, нужно, открыв любое место Священного Писания, помолиться, дать простор Духу Святому, и речь польется сама. Это опасный эксперимент.

Мне часто вспоминается моя первая проповедь. Я принял крещение в зарегистрированной общине ночью, накануне 100-летнего юбилея братства ЕХБ. Утром мне предложили сказать слово. Желая поделиться радостью спасенного и рассказать о превосходстве христианского познания над светским образованием, я прочитал 99 стих из 118 Псалма: «Я стал разумнее всех учителей моих, ибо размышляю об откровениях Твоих». Хотя и говорил я с вдохновением, мудрым старцам было очень тяжело меня слушать. Мой физический и тем более духовный возраст не соответствовал избранной теме. Когда я переехал на Урал и стал членом церкви братства СЦ ЕХБ, думая, что готов к большому труду и много могу сделать, братья посту-

пили со мной весьма мудро: они дали мне возможность три года быть только слушателем на последней скамейке. Сейчас я с особой благодарностью вспоминаю эту школу смирения.

Служение в церкви многообразно. Правильность выбранного служения определяют три фактора: желание, избрание, успех. Чтобы говорить «со властью», необходимо иметь посланничество (Рим. 10, 15).

Проповедь — это огненная речь последователя Иисуса Христа, желающего трудиться в деле спасения душ. Успех его речи зависит от избытка, наполняющего сердце. Поэтому весьма необходимо наполняться словом Божьим и познанием духовных истин прежде, чем открыть уста для проповеди.

Имея большое желание трудиться на ниве Божьей в каком-то определенном служении, необходимо молиться, совершенствоваться и ждать избрания на это служение. Избрание и посланничество — залог успешного служения. Правда, иногда Господь ограждает человека от большого успеха, чтобы он не возгордился.

Иван Яковлевич Антонов — служитель Совета церквей — делился однажды опытом, как выбирал служение. В молодости он очень хотел петь в хоре. «Двух регентов я измучил,— вспоминал Иван Яковлевич,— а третий прямо сказал мне, чтобы я избрал другое служение в церкви. Как я благодарен Господу за прямоту этого регента! Он помог мне стать проповедником и священнослужителем».

Призванному на служение Тимофею апостол Павел дает совет: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим. 4, 2). Призванный на служение благовестник, жертвуя всем ради самого главного, должен максимально использовать благоприятное время — день спасения (2 Кор. 6, 2). Это время определяется словом «сейчас», а не «завтра». Как жестоко может судить совесть за упущенную возможность засвидетельствовать об Иисусе Христе!

Один брат со слезами рассказывал, как ехал в троллейбусе и имел возможность рассказать об Иисусе Христе двум девушкам легкого поведения. Подойдя к ним, он начал раздумывать, как засвидетельствовать.

«Стоит ли начинать? Еще поднимут на смех...» — подумал он, и тут вошедшие на остановке пассажиры оттеснили его в середину салона.

«Ну и ладно, наверное, им бесполезно говорить о Боге»,— решил брат, но внутренний голос заставил его опять пробраться к ним.

— Девушки,— сказал он,— я хотел бы с вами поговорить.

— О чем? — спросила одна из них.

— О самом главном.

— Что же ты так долго собирался? — вступила в разговор другая. — В следующий раз будь смелее, а сейчас мы выходим!

Девушки вышли и, нарушая правила уличного движения, стали обходить троллейбус спереди. Мчавшийся автомобиль сбил обеих. Брат стал свидетелем моментальной смерти двух девушек, не услышавших свидетельства об Иисусе Христе.

Думаю, что каждый проповедник испытывает волнение перед проповедью. В голове проносится несколько тем, несколько вариантов проповеди. Какой из них самый оптимальный? В этот момент необходима внутренняя сосредоточенность и, конечно, исполнение Духом Святым. В Деяниях Апостолов не раз отмечается, что апостолы, крещенные Духом Святым в день Пятидесятницы, исполнялись Им в ответственные моменты (Д. Ап. 2, 4; 4, 8; 13, 9). Очень важно, чтобы Дух Святой дал слово, которое именно сейчас нужно сказать во славу Господа и для спасения душ, ищущих истину.

Конечно, у каждого проповедника есть любимые темы, но плохо, если они раскрываются не вовремя. Осознание своего бессилия в выборе актуальной темы, подчинение безраздельному руководству Духа Святого являются необходимыми условиями исполнения Духом Святым.

Обычно Бог Сам посылает нам навстречу жаждущие спасения души. Однако обстоятельства, в которые Господь помещает нас, не всегда могут быть благоприятными, и нужна твердая вера в то, что Бог не ошибается (Рим. 8, 28; Иер. 29, 11). Бог не ошибся, допустив гонения на церковь в Иерусалиме, по причине которых ученики рассеялись по Иудее и Самарии (Д. Ап. 8, 1). Гонения понадобились для того, чтобы рассеявшиеся понесли весть об Иисусе в отдаленные провинции Римской империи (Д. Ап. 8, 4; 11, 19).

Бог не ошибся, когда многих братьев и сестер в 30–40-е и 50-е годы XX века бросали в тюрьмы за верность Господу. Бог не ошибся, когда допустил новые страдания народа Божьего в 1961–1988 годы. В нашем братстве за эти годы было столько узников за истину Христову, что их сроки, сложенные вместе, составляют более пяти тысяч лет. Одни братья приняли мученическую смерть, другие ушли в вечность в местах лишения свободы. Немало преступников, услышав весть о спасении в местах лишения свободы, каялись и получали новое рождение. К сожалению, многие из уверовавших возвратились к греховной жизни. Однако слово Божье было

им проповедано, и на последнем суде они не скажут, что не слышали о Христе.

Хочется призвать всех благовестников дорожить временем. Дни действительно лукавы, и нужно много любви и терпения, чтобы распространять чистое, неповрежденное Евангелие. Особенно трудно благовествовать там, где уже побывали харизматики и свидетели Иеговы. После того как они пройдут со своей лжепроповедью, народ скептически относится к евангельской проповеди.

Немало трудностей доставили нам американские дипломированные богословы. Вначале мы с радостью принимали их и готовы были восхищаться их ученостью, но потом с сожалением заметили, что вместе с подарками они принесли учение Кальвина. И многие увлеклись им. Это привело к разделению в некоторых церквях. Приведу только один пример.

На Дальнем Востоке есть порт Ванино, откуда раньше отправляли арестантов на Колыму. Огромным усилием детей Божьих в Ванино удалось образовать живую церковь. В 1991 году, когда мы впервые совершали там евангелизационное служение с участием камерного ансамбля, церковь была бодрой и радовалась покаянию новых душ. Своего молитвенного дома у них еще не было. Когда мы во второй раз приехали с благовестием в 1994 году, братья и сестры еще больше радовались и наперебой рассказывали нам о том, что Бог послал им американского миссионера Полларда, который на свои средства строит им молитвенный дом. Мы познакомились с Поллардом. Энергичный, простой в общении, не чуждавшийся работы на строительстве, он произвел на нас очень хорошее впечатление.

Поллард заверил нас, что во внутреннюю жизнь церкви он не вмешивается, и, построив дом молитвы, поедет в другое место. Но, увы! Под его влиянием в церковь стал проникать мир. Вскоре Поллард разделил общину, и в доме остались желающие сидя молиться, вольно вести себя, по-мирски одеваться. В то же время они утверждали, что спасение не потеряют, так как оно дано им навеки.

Бог не оставил верных Ему христиан. Он подарил им возможность самим построить дом молитвы. Посещая их уже в третий раз, в 1998 году, мы были рады видеть, что дом молитвы наполнялся желающими поклоняться Богу в духе и истине. Дай нам, Господь, быть бдительными и ценить драгоценное время, подаренное для свободной проповеди Евангелия!

Да поможет Господь всем благовестникам бескорыстно трудиться на побелевших нивах и, не повреждая Божьего слова, приобретать души для вечной жизни!

Методы благовестия

«БОГ, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне» (Евр. 1, 1–2). Хочу выделить слова: «многократно и многообразно». Всемогущий Бог, сотворивший человека со свободной волей, хочет, чтобы каждый добровольно подчинился Ему. Поэтому Он многократно обращается к человеку, пока тот или откроет сердце, или окончательно отвергнет своего Спасителя.

Книга Иова отмечает, что Бог, заботясь о человеке, использует различные методы, чтобы отвести душу от пропасти (Иов. 33, 14–19). Апостол Петр, наставляя верующих, говорит: «Для того я никогда не перестану напоминать вам о сем, хотя вы то и знаете, и утверждены в настоящей истине. Справедливым же почитаю, доколе нахожусь в этой телесной храмине, возбуждать вас напоминанием» (2 Петр. 1, 12–13). Если утвержденные в истине нуждаются в многократном напоминании, то тем более в нем нуждаются ищущие истину. До тех пор пока человек не поймет, что ему необходимо склониться на сторону Бога, его жизнь находится в опасности.

Мне пришлось как-то беседовать с экстрасенсом. Восторженно говоря о медитации, о восприятии космической энергии, он даже не стал отрицать, что получает информацию от духов злобы, и самоуверенно заявил: «Бог мне на то и разум дал, чтобы отфильтровывать ложь и воспринимать истину». Какая опасная самоуверенность! Поэтому благовестнику, имеющему дело с врагом, искусным в обмане, нужно не только облечься во всеоружие Божье, но и уметь применять различные методы благовестия соответственно ситуации.

В деле благовестия очень важна подотчетность благовестников. В нашем братстве вся территория бывшего СССР разделена на регионы (объединения). У нас есть ответственный за дело благовестия во всем братстве, есть также ответственные за благовестие в каждом регионе, каждой области, входящей в этот регион, и даже за благовестие, совершаемое местной церковью. В церкви, если нет рукоположенного благовестника, это служение поручается проповеднику, у которого есть необходимые качества.

Ответственность перед церковью стимулирует распространение евангельской вести. Это подтверждается Священным Писанием. Иисус избрал апостолов, а апостолы избирали на различные виды служения братьев достойных, имеющих соответствующие таланты. Апостол Павел, получивший право на благовестие от Самого Господа, говорит о необходимости посланничества: «Как призывать Того,

в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего? и как проповедовать, если не будут посланы?» (Рим. 10, 14–15).

Благовестие нельзя отделять от домостроительства церкви. Апостолы Петр и Иоанн — столпы церковного домостроительства — были первыми и в благовестии.

Личное благовестие

Принцип всеобщего священства дает право на благовестие каждому члену церкви. «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2, 9). Кто стыдится говорить о Христе, тот должен проверить свое сердце, потому что уста говорят от избытка сердца. Без личного благовестия другие методы будут малоэффективны.

В личном благовестии особо важным фактором является жизнь свидетельствующего. Прежде чем звать других к свету, он сам должен ходить во свете и быть образцом.

Личное благовестие иногда называют андреевским методом, имея в виду опыт, описанный в Евангелии от Иоанна: «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию (что значит: „Христос“)» (1, 40–41). Говорить о Христе близким, родным, знакомым, соседям, сотрудникам — значит распространять Христово благоухание.

Многие годы в нашей стране личное благовестие было запрещено. В СССР правом пропаганды пользовались атеисты, а верующим разрешалось только исповедовать религию. Причем слово «исповедовать» превратно истолковывалось как возможность молиться лишь в отведенных для этого местах. Слава Творцу, Он Сам дал Своим детям право нести весть спасения всем народам!

Церковное благовестие

Личные свидетельства в общем определяют церковное благовестие. Благовествующая церковь обязательно будет расти численно.

Задача благовествующей церкви — евангелизировать окружающие селения и особо одаренных благовестников отделять для служения в других регионах. Поучителен пример Антиохийской церкви, где были и учители, и пророки. Дух Святой повелел служителям отделить Варнаву и Савла для благовестия (Д. Ап. 13, 1–3).

Убедить человека прийти в дом молитвы на богослужение — это только полдела. На богослужении действие Духа Святого, конечно, намного сильнее, чем при личной беседе. Проповедь, общинное

пение, стихи, служение хора и оркестра (если они есть) производят на слушателя, ищущего истину, неизгладимое впечатление. Конечно, Господь может и «юродством проповеди» спасать людей, но сочетание проповеди и музыкально-хорового служения необходимо для того, чтобы полноценно раскрыть истину Христову. Проповедь должна иметь приоритет, и когда после нее поет хор или исполняется гимн под благоговейно звучащий оркестр, тогда воспринятое слухом начинает восприниматься сердцем. Музыка размягчает сердце и делает его доброй почвой, способной воспринимать и взращивать посеянное слово Божье.

Очень ценно, когда первое свидетельство вызывает у слушателя желание еще раз прийти на собрание. Скучная, формальная проповедь, неслаженное пение являются препятствием для ищущего истину. Небрежность в деле Божьем недопустима.

Церковное благовестие включает в себя и палаточное служение. Нередко противоборствующие силы препятствуют такому служению и даже разбирают палатки. Здесь нужна самоотверженность.

Однажды группа верующих, поставив палатку, благовествовала о Христе. Прибывший блюститель порядка потребовал разрешение на проведение собрания.

«Какое нужно разрешение — от высших властей или от низших?» — спросил ответственный за благовестие. «А у вас от каких?» — «От самых высших»,— ответил брат и прочитал последнее повеление Иисуса Христа: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Матф. 28, 18–20). Право, данное Богом, апостолы ставили выше человеческих запретов (Д. Ап. 4, 19; 5, 29). Об этом истинный христианин не должен забывать.

В некоторых местностях служение под открытым небом предпочитается палаточному.

Неотъемлемой частью благовестия является молитва. Она должна предшествовать и сопровождать каждое богослужение. Без молитвы благовестие превращается в убеждение словом человеческой мудрости без явления духа и силы.

Даже одна церковь может преуспеть в деле благовестия, если не отвергнет стратегического правила: в решающий момент в решающем месте сосредоточить решающие силы. Перед такими решающими служениями обязательно нужна подготовительная работа: найти помещение, расклеить афиши, раздать трактаты и лично пригласить людей на евангелизационное богослужение.

Хорошо организованная церковь или несколько церквей вместе должны формировать мобильные, постоянно действующие группы из освобожденных для благовестия братьев и сестер. Здесь, конечно, необходимо личное посвящение, любовь к данному служению и соответствующие внутренние качества благовествующих.

Переселение тружеников в отдельные регионы с суровыми климатическими условиями — это уже миссионерское служение. Такие труженики особенно ценны в деле распространения Евангелия. За таких посланцев церковь должна прилежно молиться и, по возможности, уделять необходимое для восполнения их жизненных нужд.

Групповое благовестие

Если в объединении есть группа братьев и сестер, освобожденных для благовестия, то целесообразно составить для нее график посещения групп и церквей. В наше время, когда в церквах наблюдается склонность к «дремоте и сну», такие глашатаи будут будить задремавших и исторгать из греховных сетей погибших. В местных церквах будет происходить желаемое движение, так как, ожидая приезда благовестников, церковь обязана выполнить подготовительную работу.

Освобожденные для благовестия не должны быть «связаны делами житейскими» (2 Тим. 2, 4). Если какой-нибудь регион не способен содержать такую группу, то можно для этой цели объединиться двум регионам или же все братство должно позаботиться о содержании освобожденных тружеников.

Условия для успешного благовестия

УСПЕХ в благовестии принято определять количеством душ, обратившихся к Богу, но это не всегда верно. Иисус Христос отмечал, что Евангелие будет проповедано всем народам «во свидетельство» (Матф. 24, 14). С этой точки зрения проповедь не может быть тщетной. Помог бы только Господь не смущаться и не переставать призывать к спасению народ непокорный, живущий по своим помыслам, ходящий путем недобрым (Ис. 65, 2).

Благовестник должен быть Христовым благоуханием (2 Кор. 2, 15) и не повреждать слова Божия, как многие, но проповедовать искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе (2 Кор. 2, 17). В трудные дни утешением благовестнику могут служить слова, сказанные Господом Иезекиилю: «И вот, ты для них как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий; они слушают слова твои, но не исполняют их. Но когда сбудется,— вот, уже и сбыва-

ется,— тогда узнают, что среди них был пророк» (Иез. 33, 32–33).

Одно и то же проповеданное слово будет «для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» (2 Кор. 2, 16). Иисус Христос пришел на землю не судить, а спасти грешников (Матф. 18, 11; Иоан. 12, 47). Но тех, кто отвергает Иисуса, будет судить проповеданное слово (Иоан. 12, 48). Основываясь на приведенных выше текстах Писания, благовестник должен быть уверен в своем посланничестве и как верный раб с радостью исполнять волю своего Небесного Господина. Как прекрасны благовестники, способные проникнуть в захолустье, к одиноким и забытым! Их служением я восхищаюсь больше, чем массовым благовестием в больших городах.

Валентин Яковлевич Фот, ответственный за благовестие в Сибири, рассказывал, как на катере, во время весеннего паводка, им с огромным трудом удалось попасть в глухое селение. Они обошли весь поселок, персонально пригласили каждого жителя на богослужение, которое должно было начаться в 18 часов. К назначенному месту благовестники пришли на полчаса раньше, ни одного слушателя еще не было. В 18.00 тоже никто не пришел. В 18.30 — ни души. Огорченные, благовестники медленно пошли к катеру. Все молчали: на душе было тяжело. На берегу они встретили подвыпившего мужчину с удочками на плече.

— Кто такие? — грубо спросил он.

Благовестники сказали, что прибыли в село проповедовать о Христе, но никто не захотел их слушать.

— Может быть, вы желаете послушать? — спросил Валентин Яковлевич.

Мужчина охотно согласился. В тот вечер целая группа проповедовала одному человеку...

Благовестники нуждаются в молитвенной поддержке, чтобы в трудную минуту не усомниться в своем призвании и исполнить повеление Иисуса.

Священное Писание определяет несколько условий, необходимых для успешного благовествования: посланничество церкви, прилежная молитва, смелость, исполнение Духом Святым, единодушие. Рассмотрим эти условия более подробно.

Посланничество церкви или братства (Д. Ап. 13, 1–4)

Благовестники непременно должны быть членами церкви, от которой принимают посланничество и перед которой отчитываются о своем служении. В посланничестве должна быть ясно выражена воля Божья, чтобы о благовестниках можно было сказать: «Посланы

Духом Святым». Если Павел и Варнава были подотчетны церкви, то тем более это касается посланцев нашего времени. «А оттуда отплыли в Антиохию, откуда были преданы благодати Божией на дело, которое и исполнили. Прибыв туда и собрав церковь, они рассказали все, что сотворил Бог с ними и как Он отверз дверь веры язычникам» (Д. Ап. 14, 26–27).

Прилежная молитва

Это условие и для посланных, и для посылающих. Без молитвы успех невозможен, так как все благословения находятся во власти Небесного Отца. Если усиленная молитва одного праведника много может (Иак. 5, 16), то тем более — молитва церкви. Господь совершал великие дела по единодушной, прилежной молитве церкви (Д. Ап. 4, 24; 12, 5). Сочетание молитвы и труда — это великая сила. Кто-то метко заметил: «Молитва без труда — попрошайничество, а труд без молитвы — рабство».

Смелость

Иисус Христос учил народ как власть имеющий и Своим последователям тоже дал определенную власть. Обладая посланничеством и властью, данной Богом, необходимо все же иметь смелость, чтобы проповедовать безбоязненно. Смелость — тоже предмет молитвы. Об этом молились верующие еще на заре христианства: «И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое» (Д. Ап. 4, 29). Нетрудно смело проповедовать, когда вокруг друзья, когда нет запрета. А если окружают враги дела Божьего? Без самоотвержения обрести смелость не представляется возможным (Матф. 16, 24–25; 1 Иоан. 4, 18).

Смелость, данная Господом, не имеет ничего общего с самоуверенностью. Писание говорит, что Господь дает благодать смиренным. «Когда я немощен, тогда силен»,— писал апостол Павел (2 Кор. 12, 10). Плоть остается немощной и боязливой, но если дух бодр, то духовный человек одержит победу над плотью и Господь даст ему смелость, с которой можно в любых обстоятельствах свидетельствовать об Иисусе Христе.

В Крыму в годы гонений вызвали на допрос одного старца и стали угрожать ему тюрьмой. Следователь с насмешкой сказал: «Ты же весь дрожишь, какой из тебя служитель?!» Но старец своим ответом поставил насмешника в тупик. «Да, плоть моя дрожит,— сказал он,— но камень, на котором я стою, не колеблется».

У проповедника бывает излишнее волнение, от которого он робеет. Это плохо. Излишнее волнение парализует память. Психологи утверждают, что особенно волнуется тот, кто высоко думает о себе. Нам же необходимо думать о себе скромно, по мере веры,

какую Бог уделил каждому (Рим. 12, 3). Но волнение как горение сердца, как желание донести истину до сердца грешника благовестнику весьма необходимо. Такое волнение приходит от Господа. Оно помогает преодолеть робость и порождает необходимую смелость. Без такого волнения проповедь превращается в сухую лекцию. Наряду с этим в служении благовестника не должно быть места искусственному огню, мирскому артистизму и всякой неискренности. Это неугодно Господу.

Исполнение Духом Святым

«И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого, и говорили слово Божие с дерзновением» (Д. Ап. 4, 31). О, если бы каждое богослужение совершалось только теми, кто исполнен Духа Святого! Если бы и мы могли так молиться, как молились первые христиане, чтобы приобретать чудное благословение Божье!

Исполнение Духом Святым — прямое следствие молитвы. Очевидно, первоапостольская церковь в данной ситуации имела достаточно времени для молитвы. Но бывают моменты, когда нет возможности преклонить колени и вместе помолиться. Здесь в силу вступает короткая бессловесная молитва. В книге Деяний Апостолов есть примеры, когда исполнение Духом Святым происходило моментально (Д. Ап. 4, 8; 13, 9). Господь не медлит посылать все необходимое, только нам нужно быть в правильном духовном состоянии.

Еще хочу обратить внимание на то, что исполнение Духом Святым необходимо всем благовестникам, а не кому-то одному из них. Если в сложной машине неисправна хотя бы одна деталь, то машина может не заработать или же будет работать с перебоями. Очень важно, чтобы дело Божье совершалось только исполненными Духом Святым. Профессионализм и опытность никогда не смогут заменить исполнение Духом Святым. С этой точки зрения становится совершенно непонятным, как могут некоторые современные проповедники привлекать к евангелизации мирские коллективы. Если даже при строительстве стены вокруг Иерусалима Неемия говорил непосвященным: «Бог Небесный, Он благопоспешит нам, и мы, рабы Его, станем строить, а вам нет части и права и памяти в Иерусалиме»,— то насколько важнее строительство духовного здания — церкви!

Следствием исполнения Духом Святым является дерзновение: «И говорили слово Божие с дерзновением» (Д. Ап. 4, 31). Господь желает, чтобы мы дерзали. Он укреплял апостола Павла в вере, говоря: «Дерзай, Павел!» (Д. Ап. 23, 11). Этим же словом Христос

ободрял расслабленного: «Дерзай, чадо!» (Матф. 9, 2). Дерзать — хорошо, но дерзить — недопустимо. Недруги истины Христовой часто вовлекают проповедников в полемику, и тогда нужно внимательно следить за своими словами, чтобы они были с благодатью, приправлены солью (Кол. 4, 6). Споры же вообще неприличны Божьим слугам (1 Тим. 6, 5; Тит. 3, 9).

Мы склонны понимать, что исполняться Духом Святым — значит все более и более наполняться им (Еф. 5, 18). Однако греческий текст дает возможность перевести это место как «пропитывайтесь Духом Святым». Как губка, опущенная в воду, соединяется с ней и как металл, раскаленный в печи, перенимает свойства огня, так и исполненный Духа Святого перенимает Его свойства. Вероятно, в таком состоянии пребывал апостол Павел, когда утверждал: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Единодушие

«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Д. Ап. 4, 32). Блаженное, чудное состояние! В наше время, когда ураганы разделений захватывают широкие слои даже фундаментального христианства, приходится только вздыхать о том единодушии, которое было в первоапостольской церкви. И все же единодушия необходимо достигать, особенно в группе благовестия.

Экуменизм не дает предпосылок иметь «одно сердце». Здесь нужны не человеческие соглашения, декларации, ассоциации, а то единство с Отцом и Сыном, о котором Христос говорил в первосвященнической молитве (Иоан. 17 гл.). Это — единство с Отцом Небесным, единство по вертикали; это отнюдь не человеческие попытки соединить неоднородное, осуществляемые по горизонтали. В ответственном служении необходимо общение духа. Апостол Павел умолял братьев иметь это единство: «Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделений» (1 Кор. 1, 10).

Это условие исключает возможность успеха в благовестии при объединении групп различных деноминаций, потому что нужно иметь одно сердце.

Как родным по плоти братьям не надо составлять соглашения и подписывать декларации, чтобы быть родными, так и единым с Отцом Небесным для единства друг с другом ничего не нужно: Господь уже все сделал. Здесь нужна самопроверка: являемся ли мы детьми Небесного Отца (Рим. 8, 14–17) и живет ли Дух Святой в нас (Рим. 8, 9)? Может быть, кто-то своими грехами давно вытеснил Его из сердца?

КАМЕРНЫЙ АНСАМБЛЬ МХО

В 1990 году в нашем братстве организовался коллектив, посвященный широкому благовестию. Это был камерный ансамбль Музыкально-хорового отдела Совета церквей.

Камерный оркестр в истории развития музыки состоял из группы смычковых инструментов (скрипка, альт, виолончель, контрабас) и нескольких духовых инструментов (гобой, флейта, валторна). Предназначался он для небольших аудиторий (отсюда и название — камерный). В камерном оркестре было, как правило, не менее шестнадцати музыкантов-исполнителей, не считая солистов.

Поскольку в нашем коллективе не было достаточного количества музыкантов, он получил название — камерный ансамбль. И еще одна особенность: камерный оркестр исполняет, как правило, инструментальные произведения, у нас же на первом месте была проповедь Евангелия, и только на втором — сольное пение христианских гимнов в сопровождении ансамбля. Гимны общего пения мы пели всем коллективом, а перед началом богослужения исполняли их только на музыкальных инструментах. Обязательным инструментом в нашем ансамбле было фортепиано или заменяющий его «Ролланд» (электроинструмент без запрограммированных ритмов). Иногда для более мощного органного звучания в состав ансамбля вводился баян.

Приняв крещение по вере после окончания консерватории, я с грустью слушал несовершенное (с музыкальной точки зрения) исполнение хоровых христианских гимнов. Профессиональных оркестров тогда не было, так как господствовавший в то время атеизм делал все возможное для того, чтобы христиане не прославляли Творца миров. Создать оркестр и довести хоровое звучание христианских гимнов до высокого художественного уровня стало моей мечтой.

В церкви города Харцызска, будучи регентом и благовестником, еще в 1976 году я начал обучать молодых братьев и сестер игре на музыкальных инструментах. Через два года наш молодежный

хор насчитывал уже порядка семидесяти человек. В числе хористов было двадцать музыкантов (скрипки, виолончели, гитары). С хором и оркестром мы посещали многие церкви в округе.

Братьям и сестрам нравилось слушать хор с оркестром. Но это был скорее зрительный эффект, до художественной высоты исполнения было еще далеко.

В те годы с Божьей помощью в Харцызске удалось провести несколько нелегальных регентских курсов, на которых были преподаны лишь начала хороведения и дирижерского мастерства.

В 1978 году при Совете церквей был образован Музыкально-хоровой отдел. Хоровое дело стало налаживаться.

В 1979 году в Харцызской церкви произошло разделение по причине регистрации. Большинство хористов и музыкантов ушли в зарегистрированную общину, а мне, как ответственному служителю незарегистрированной церкви и руководителю МХО, пришлось отбыть два тюремных срока.

С мая 1980 года по декабрь 1988 года я находился в местах лишения свободы.

В заключении я сильно скорбел о том, что моя прекрасная мечта осталась неосуществленной. Однако Господь совершил чудо. Он позволил мне выйти на свободу и дал возможность трудиться. Мне захотелось созвать братьев и сестер, окончивших музыкальные училища и способных играть на смычковых инструментах. Так возник камерный ансамбль.

Мы не думали, что Господь призовет наш ансамбль на широкие евангельские нивы. Мы ставили перед собой задачу более скромную: всеми силами противостоять внедрению в церкви нехристианской музыки. Рок-группы (электрогитары с клавишным инструментом, в котором запрограммированы танцевальные и оккультные ритмы) не могли выполнить назначение христианской музыки. Они больше способствовали выполнению одного из пунктов программы сатанистов: покончить с христианской музыкой.

Служение ансамбля

ПЕРВЫЙ ансамбль (три первых скрипки, три вторых, два альта, две виолончели и фортепиано) совершил много поездок по обширной территории бывшего СССР. Своего транспорта у нас не было. На поездах, самолетах, со значительными трудностями мы добрались даже до Дальнего Востока. Наш репертуар увеличивался.

Появлялись новые гимны и оркестровывались старые. Складывалась своеобразная форма евангелизационных богослужений.

Мы совершали служение по заранее составленному графику. Слушателей приглашали братья и сестры из местных церквей. В те годы слушателей было много, и мы старались максимально использовать подаренное Господом время для благовестия, проповедуя и в домах молитвы, и в арендованных залах. Проповедниками были все братья нашего ансамбля и благовестники местных церквей. Служители местных общин обычно доверяли нам проведение богослужений, но мы просили их тоже участвовать, чтобы слушатели видели наше полное единодушие. Покаявшихся мы поручали местным служителям, а сами ехали дальше по намеченному маршруту.

Мне приходилось исполнять роль ведущего — распределять гимны, стихотворения, делать вставки между ними, раскрывая сущность Божьего плана спасения. В конце, под тихое звучание ансамбля, а потом под пение призывного гимна, я предлагал желающим покаяться выйти вперед и попросить у Бога прощения. Покаяния «оптом», а также повторения молитвы за проповедником мы не практиковали. Молитва покаяния обретает силу, когда человек не смущается в присутствии окружающих обратиться к Господу и признать себя грешником. «Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10, 9–10).

В 1992 году наш ансамбль впервые посетил Германию по приглашению миссии «Фриденсштимме» и по поручению братства. Не один раз приходилось нам проповедовать перед многолюдным собранием, но перед пятитысячной аудиторией на конференции миссии мы прославляли Господа впервые.

После конференции в Германии мы поехали на конференцию миссии в Нидерланды. Надолго останутся в памяти величественные храмы с могучим звучанием «владыки» инструментов — органа. Директор миссии и его сотрудники оказали нам много внимания. Мы совершали служение в храмах в разных городах. Очевидно, сооружение посреди храма сцены для нашего ансамбля являлось нарушением церковных канонов. Несмотря на это, нам предоставляли возможность исполнять христианские гимны и проповедовать с помощью переводчиков.

Посетив Нидерланды, мы возвратились в Германию и около месяца каждый день совершали служения в разных городах. Братья

и сестры, переехавшие из России, принимали нас очень тепло, молитвенные дома и арендованные залы были переполнены. Покаяния были на каждом богослужении.

Несколько дней мы трудились в студии звукозаписи. Итогом усердного труда стали аудиокассеты «О Тебе пою, Спаситель» и «Синее небо».

В день отъезда из Германии нас ждал приятный сюрприз. Братья подарили нам большой автобус фирмы «Мерседес». Хотя автобусу было уже около двадцати лет, выглядел он прекрасно, и мы горячо благодарили за него Господа и братьев.

В подаренном автобусе можно было оборудовать спальные места и при длительных переездах отдыхать. На этом автобусе мы отважились даже на поездку в Ямало-Ненецкий автономный округ.

В поездках мы каждый день совершали по два, а иногда и по три служения. Радостно было видеть, как братья и сестры из местных церквей ревнуют о деле благовестия. Только совместный труд, совместные молитвы увенчивались желанным результатом — покаянием душ.

Бывали случаи, когда после служения нам хотелось плакать, хотелось сказать Господу: «Мы всю ночь трудились и ничего не поймали». Печально было на сердце, когда, преодолев огромное расстояние, нам приходилось совершать служение в неподготовленной обстановке. Но у нас было принято решение проводить в равной мере полноценное служение как для большой аудитории, так и для немногих душ. Если Господь Иисус проповедовал одному Никодиму, одной самарянке, то и нам необходимо поступать так же.

Бывало так, что Бог обращал неблагоприятные обстоятельства на пользу благовестия. Например, в Шахтах Ростовской области братья арендовали для нас большой зал. За два дня до нашего приезда в нем проводилась выставка животных. Началась весна, но температура неожиданно понизилась, и из-за мороза некоторых зверей не решились вывозить, и они остались на сцене. Среди прочих остался и лев в железной клетке на колесах.

Нам хотели уже отказать в проведении богослужения, но в фойе собралось так много слушателей, что директор, по просьбе многих, разрешил совершить служение на авансцене (часть сцены, выступающая в зал). От зверей нас отделял только занавес.

Настроив усилительную аппаратуру, мы начали служение. Звери вели себя довольно спокойно, только лев однажды подал голос, но потом умолк. Однако в конце служения перед призывом к покаянию, когда зазвучал гимн «Голгофа», льва, прежде не причинявшего беспокойства, словно подменили. Он начал метаться по клетке,

клетка с шумом стала двигаться по сцене. В довершение всего, как только затих последний аккорд гимна, раздалось такое мощное, ужасное рыкание, что некоторые слушатели испуганно соскочили со своих мест.

Я попросил всех успокоиться и внимательно выслушать меня. Уверенный, что слушатели прекрасно понимают, кто и откуда издает столь страшные звуки, я прочитал: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить».

— Рыкающий лев страшен, но насколько страшнее дьявол, стремящийся поглотить свою жертву! — сказал я. — Не давайте ему места в своем сердце! Сбросьте греховную ношу, идите к Иисусу Христу с покаянием!

Около тридцати человек вышли вперед. Они просили прощения у Господа, и я молился с каждым.

После богослужения, когда слушатели разошлись, члены местной общины рассказали нам, как в фойе один мужчина, размахивая руками, возмущался: «Вы поняли, какие баптисты хитрые? Как они умело затягивают нас! Какую фонограмму придумали! Как будто настоящий лев рядом рычит! Аж мороз по коже пробегает!..»

В поездках Господь не один раз испытывал нашу веру и на деле доказывал Свою любовь к нам. Однажды нам грозила верная смерть в степях Казахстана. Братья из Карагандинского объединения повезли нас на микроавтобусе через Экибастуз в Целиноград.

Бескрайние степи. Селения очень редки. Было начало марта. Внезапно разразилась буря. Начался такой снегопад, что в трех-четырех метрах впереди ничего не было видно. Мы не раз толкали машину. Ветер сбивал с ног. В кюветах стояло много машин, заносимых снегом. Когда водитель запел гимн «Страшно бушует житейское море», мы все дружно подхватили его и запели от всего сердца. Неожиданно нам преградил дорогу человек с обмороженным лицом, умоляя вытащить его автомобиль. Каким-то чудом мы вытолкнули машину на дорогу. Пока мы помогали несчастному, мороз прихватил тормозные колодки нашего автобуса, и мы не могли тронуться с места. Наш догадливый виолончелист схватил монтировку, другим дал кому молоток, кому небольшую кувалду и велел бить по колесам. Кое-как тронулись, но горючее кончалось. Встретившаяся нам по дороге автозаправочная станция была занесена снегом по самую крышу. Нам грозила гибель.

Мы пробирались со скоростью пять-шесть километров в час, не переставая взывать к Господу о помощи. Когда ехать дальше

было невозможно, водитель заметил занесенный снегом поворот и предложил свернуть на проселочную дорогу, пробившись через сугроб. Он надеялся найти какой-нибудь аул. К нашей великой радости, проехав полтора километра, мы действительно попали в казахское селение, где нас приютили и обогрели. Принявшая нас семья была очень бедной, но все, что у них было съестного, они поставили на стол и угощали нас.

К вечеру буря немного стихла, и мы попросили хозяина позвать соседей на богослужение. Он согласился. Минут через тридцать стали приходить казахи, потом пришли два немца. Нам казалось, что все они были не совсем трезвые, но мы все равно совершили служение. До покаяния, конечно, нашим слушателям было очень далеко. Мы оставили им несколько Евангелий.

Утром мы смогли выехать на трассу и кое-как добрались до ближайшего города. Двое суток стояли у милицейского поста, потому что никого не выпускали на трассу — откапывали занесенные снегом машины. Много было замерзших, а нас Господь помиловал. Слава Ему!

ЗА ДВА ГОДА мы объехали почти все объединения нашего братства. Трудной, но памятной была поездка на Кавказ. Брат, в первый раз севший за руль нашего большого автобуса, удивительным образом вел машину по опасным горным серпантинам. В Кавказское объединение входят Краснодарский и Ставропольский края, а также Азербайджан, Грузия и Армения.

В Краснодарском крае в то время начало возрождаться казачество, ставшее военизированным оплотом православия. А православие стало претендовать на монополию в вопросах веры. В Курганинске к нашему приезду братья поставили большую палатку и расклеили приглашения на богослужение. Местный священник — отец Валерий — мобилизовал все силы, чтобы сорвать наши служения. Несколько раз он выступал по телевидению и призывал народ не ходить в палатку, куда «привезли заморскую веру, чтобы совратить православных». Чем больше он усердствовал, тем больший интерес появлялся у народа, все хотели посмотреть на «заморскую веру».

В субботу вечером народу пришло очень много. Все места были заняты, и люди плотным кольцом окружали палатку. Дух Божий действовал на сердца грешников — около семидесяти душ покаялись.

Отец Валерий, видя, что его затея не удалась, решил прибегнуть к помощи казаков. На следующий день, как только мы после служения подъехали к дому молитвы, к нашему автобусу подкатил

легковой автомобиль. Из него вышли трое: двое — в казацкой форме, один — в штатском. Я вышел из автобуса.

— Кто такие? Документы! — закричал человек в штатском.

Стараясь сохранять спокойствие, я сказал, что мне хотелось бы знать, кому предъявлять документы.

— Я казачий атаман,— ответил мужчина.

— С каких же пор атаманы стали по совместительству работать в ГАИ? — спросил я и заявил, что пока не будет сотрудников ГАИ, документы мы предъявлять не будем.

В это время наш виолончелист открыл среднюю дверь автобуса и сфотографировал остановивших нас.

— Отнять фотоаппарат! — скомандовал атаман.

Казаки были в нетрезвом состоянии. Они бросились на брата, но он сумел перебросить фотоаппарат водителю. Тот побежал вокруг автобуса, но атаман ринулся наперерез и сильно ударил его в лицо. Водитель опять завернул за автобус и незаметно передал фотоаппарат мне, а я — одной из местных сестер. Подойдя к атаману, я решительно заговорил:

— Атаман, я думаю, вы умный человек. Что мы вам плохого сделали? Ваше бесчинство даром не пройдет! Вы подумайте, на кого подняли руку! Вы, наверное, желаете, чтобы ваше фото появилось в иностранных журналах и местной газете? Будьте уверены, о всех ваших бесчинствах станет известно далеко за пределами края!

— Скорей в машину! — выслушав меня, крикнул атаман своим. — Поехали за подмогой! Сейчас развалим палатку!

Казаки уехали. Мы помолились и, посоветовавшись с местными братьями, решили переехать в Адыгею (до границы было 10–12 км). Там мы немного отдохнули и к 15 часам поехали на служение в город Лабинск. Вечером решили все же поехать в Курганинск и сфотографировать, как думали, разрушенную палатку. К нашему удивлению, палатка стояла на месте и в ней шло богослужение. Братья вышли к нам и, улыбаясь, наперебой стали рассказывать, что атаман с казаками приезжал и извинялся за бесчинство.

Как выяснилось после, атаман, собрав подмогу, решил на всякий случай заручиться поддержкой мэра города. Услышав, что фотографии могут появиться в иностранных журналах, мэр спросил: «Кто вас послал к ним?» — «Отец Валерий». — «Я вам вместе с отцом Валерием дам нагоняй! — возмутился он. — Сейчас же поезжайте и уладьте все, чтобы не было неприятностей!»

Эта поездка была богата благословениями. Господь чудным образом помог нам пересечь границу Азербайджана. Это было вре-

мя армяно-азербайджанской войны за Нагорный Карабах, и въезд в эти страны был сопряжен с немалыми трудностями. Мы молились, и Господь не замедлил с ответом.

Когда до границы с Азербайджаном оставалось примерно 60 км, к нам в автобус попросились довольно молодые мужчина и женщина кавказской национальности. Мы стали свидетельствовать им об Иисусе Христе и, узнав, что они азербайджанцы, подарили им Инжил (Новый Завет на азербайджанском языке). Они спросили нас о цели поездки и очень расположились к нам, особенно после того, как сестры угостили их горячим кофе.

Когда мы подъехали к границе, военные потребовали у нас документы. Наш попутчик быстро прошел вперед и стал что-то объяснять военным на своем языке. Они почтительно слушали его. Потом он позвал женщину, поблагодарил нас за гостеприимство и скомандовал:

— Полный вперед!

Оказывается, Бог выслал нам навстречу офицера пограничной службы. Так мы попали в Азербайджан.

Мы держали курс на Сумгаит и Баку. Очень часто нас проверяли. Мы дарили Инжил, и нас пропускали дальше. В одном месте наш водитель нарушил правила дорожного движения. Ему выписали штраф.

— Я виноват,— сказал водитель. — Я уплачу штраф, но прошу вас сначала принять в подарок Инжил на вашем родном языке.

Удивительная перемена произошла среди сотрудников ГАИ. Взяв книгу, старший из них на ломаном русском сказал:

— Слушай, дорогой! Как же так: ты, русский гость, даришь нам на родном языке священную книгу, а мы тебя штрафуем?! Рви протокол! — приказал он подчиненному.

В Сумгаите нас встретил ответственный служитель, а также первый в нашем братстве проповедник из азербайджанцев. В моей памяти тут же воскресли события 1989 года. Ответственный служитель пригласил меня помочь провести евангелизационное служение. Частного сектора в Сумгаите не было. Палаточное благовестие еще не практиковалось, тем более в странах с преимущественно мусульманским населением. Друзья дерзнули поставить палатку в жилом массиве. Было много народа. Я очень волновался, когда призывал к покаянию. Опыта благовестия среди мусульман у меня еще не было.

Около палатки стояло несколько мусульманских священников. Они внимательно следили за ходом служения.

— Кто хочет принять Христа, покаявшись перед Ним в своих грехах, пройдите вперед! — пригласил я.

С задних рядов поднялся молодой азербайджанец и решительно пошел вперед. Темные глаза его блестели. Мне показалось, что этот поклонник Магомета собрался меня бить. Но моему удивлению и радости не было предела, когда он упал на колени и со слезами произнес:

— Иса, прости меня, грешника!

Это было в прошлом, а в этот раз вечером нас ожидало служение в молитвенном доме Сумгаитской церкви. Потом мы поехали в Баку, где совершили два служения, а оттуда проехали по всему Азербайджану. Собрания проводили там, где усматривали местные братья.

Доехав до Нагорного Карабаха, мы были поражены жалким видом разбитых, заброшенных селений. По опасной горной дороге смогли добраться до селения, через которое пролетали артиллерийские снаряды, но в тот день обстрела не было. Служение провели в клубе поздно вечером. Было много вооруженных военнослужащих. Вреда нам никто не причинил. Массовых покаяний на всех проведенных собраниях не было, но мы радовались обращению и отдельных душ, особенно из мусульман.

В Азербайджане Господь помог нам посетить селение Ивановку. Основная часть его жителей — молокане. В то время наших братьев и сестер там было немного. В селении асфальтированные дороги, добротные дома, ухоженные сады — в общем, полный порядок. Глава селения был членом Верховного Совета Республики. Откровенный безбожник, тем не менее он был расположен к молоканам. Баптистов он ненавидел. В последние годы атеистического режима он настоял на том, чтобы глубокого старца, служителя церкви нашего братства, посадили в тюрьму.

В Ивановку мы прибыли в два часа ночи, а нас ждали накрытые во дворе столы и дымились самовары. Молокане очень гостеприимны. Угощение у них начинается с чая, а потом уже подают первое, второе и другие блюда. Потом опять ставят на стол самовары и сладости. Этот молоканский обычай сохранился и у наших братьев-баптистов.

Богослужение решили провести во дворе молитвенного дома, чтобы привлечь больше слушателей. Многие старцы не могли скрыть свою настороженность: не узнал бы глава селения. У нас же сразу возникла проблема: понадобилось пианино, а их в селении было всего два — у главы администрации и у его зятя, директора шко-

лы. Мы решили поехать на автобусе к директору школы. Братьям ничего не сказали, чтобы они не тревожились.

Подъехав к дому директора, мы поставили автобус так, чтобы при выходе из ворот была видна эмблема миссии «Фриденсштимме». На звонок вышел сам хозяин. Преподнеся ему в подарок большую Библию, мы поздравили его с воскресным днем и, указав на автобус, поставили в известность о прибытии христианского камерного ансамбля для проповеди Евангелия. Директор ответил, что гостям они всегда рады. Потом мы изложили свою проблему и попросили на два часа пианино.

— Я бы рад помочь вам,— ответил директор,— но оно совсем расстроено.

— Перед вами мастер высшей категории по ремонту фортепиано,— сказал я.

— Неужели?! — радостно воскликнул директор. — Пожалуйста, берите!

Старцы с окладистыми бородами удивленно смотрели, как мы выгружали из автобуса пианино, принадлежащее директору школы.

Господь благословил служение. Сначала никто не решался каяться, а потом люди, один за другим, выходили вперед и просили у Бога прощения за свои грехи. Некоторые молодые женщины горько плакали, но выходить не решались. После служения я беседовал с некоторыми из них. Расположившись ко мне, они поведали о распутной жизни безбожного главы селения. Кто не соглашался на его домогательства, тех он просто увольнял с работы.

— А если вдруг узнает о покаянии,— всхлипывали они,— то со свету сживет.

Беззаконiям этого человека все же пришел конец. Однажды после выступления какой-то артистки во Дворце культуры глава селения, прощаясь с ней, хотел эффектно повернуться на мраморных ступеньках но, оступившись, упал навзничь и вскоре умер.

Из покаявшихся в Ивановке шестнадцать человек приняли крещение. Некоторые были из молокан. Молокане считают, что главное в крещении — это духовная сторона, то есть обещание Богу, а погружение в воду не обязательно. Они хорошо знакомы с Писанием, богобоязненны. Если наши братья приходят к ним на собрание, они предлагают прочитать Слово Божье, внимательно слушают, только о водном крещении ничего не хотят слышать.

Из Азербайджана Господь помог нам проехать в Грузию, где мы совершили несколько служений. Наш приезд в Тбилиси совпал с прибытием в город каких-то американцев. Их поведение в церкви

во время заключительной молитвы нас просто шокировало. Когда многие стояли на коленях и со слезами молились, американцы сидели, а один из них стал раздавать детям жевательные резинки.

На обратном пути мы каждый день совершали богослужения. Многолюдным было собрание во Владикавказе. Многие обратились к Богу с покаянием. В Карачаевске братья арендовали большой зал какого-то института. Но народу пришло немного. Карачаевцы — темпераментный мусульманский народ. Проповедь о Христе слушали настороженно.

В конце служения к сцене не подошли, а подбежали два выпускника мусульманской духовной семинарии. (До этого многие из них в своей черной одежде то и дело сновали по залу.) Один, запрыгнув на сцену, выхватил у меня микрофон, другой, сверкая глазами, встал неподалеку. Запрыгнувший стал что-то быстро говорить на своем языке. Потом, обращаясь к нам на русском языке, стал насмехаться над пророком Иезекиилем, который иносказательно говорит о Самарии и Иерусалиме, называя их именами блудниц Оголы и Оголивы (Иез. 23, 3–20).

Нас возмутило то, что слышать такое повествование ухо мусульманина не может, а иметь двух и более жен, разрешенных Кораном, у них не считается грехом. Какое лицемерие! Я некоторое время молчал, потом взял другой микрофон и, чтобы не оскорбить мусульманских чувств и не дать возможности перечеркнуть все наше служение, напомнил, что Магомет почитал Иисуса. Потом я отметил, что Иисус называет прелюбодеями всех, кто при живой жене вступает в другой брак.

Публика в зале была полна внимания. Несколько смягчившись, мулла стал защищать Магомета. Один из моих сотрудников спросил его:

— Кем является Магомет? Он же сам говорит: «Нет Бога, кроме Аллаха, а Магомет — пророк его».

Молодой мулла подтвердил, что Магомет — только пророк.

— А кто такой Иисус?

— Тоже пророк,— ответил мулла.

— В Евангелии Иисус назван Спасителем,— сказал брат. — Это Агнец, Который взял на Себя грех всего мира, грехи каждого из нас. Ни один пророк нас не спасет. Всем нужен Спаситель — Иисус Христос. Он один обещает жизнь вечную. Он один воскрес из мертвых. Его гроб пуст, а у Магомета есть гробница, где и сегодня еще покоятся его останки.

Чтобы выйти из неловкого положения, мулла взял Библию, открыл ее и, со словами «Слушайте, что написал Муса!», прочитал:

— «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой — Его слушайте».

Далее мулла стал пояснять, что это написано о Магомете. Он — последний, значит, самый большой пророк.

Дав ему возможность высказаться, я заметил:

— Дорогой мой! Ты сегодня сообщил мне великую новость! (Мулла заулыбался.) Оказывается, Магомет тоже был из израильского народа!

Покачав головой, мулла стал уверять, что Магомет никогда не был израильтянином, он происходил из арабского племени.

— Значит, Моисей совсем не о нем пророчествовал,— продолжил я. — Там же сказано: «из братьев твоих, как меня». Моисей был из израильского народа и обращался к израильтянам, а не к племени Магомета. А вот Иисус — Пророк и Спаситель из колена Иудина. Его-то и нужно всем нам слушать...

Диспут закончился, но призыв к покаянию был сорван.

Мы попрощались с маленькой общиной Карачаевска и помолились, чтобы Господь дал братьям и сестрам сил держать светильник истины Христовой.

Из Карачаевска мы направились в Дагестан. Совершив служение в намеченных городах, разъехались на отдых по домам. Перерывы между поездками длились от тридцати до сорока пяти дней. Бог нас настолько сроднил, что следующую поездку мы ожидали с большим желанием.

Я бесконечно благодарен Господу за Любу — спутницу жизни, которая никогда не препятствовала мне трудиться в деле благовестия. Господь благословил нас. Все восемь детей наших стали членами церкви. Семеро уже создали свои семьи. С нами осталась только дочь Оля, которая с любовью принимает музыкантов, когда они съезжаются в наш дом перед очередной поездкой. (В настоящее время Оля тоже вышла замуж. — *Прим. ред.*)

В ПОСЛЕДНИЙ раз на своем стареньком «мерседесе» мы предприняли поездку по Сибири и Уралу. Это обширная территория, местных тружеников очень мало, и мы старались помогать братьям в деле благовестия.

Особой радостью для меня стало посещение места моей ссылки — села Зырянского Томской области. Братья из Томска позаботились об организации благовестия в поселке. На служении (оно проходило в Доме культуры) я встретил несколько знакомых. Они еще помнили меня. Более десяти человек обратились к Богу с покаянием.

Образовалась группа из желающих следовать за Господом. Томская церковь стала их опекать.

Допуская трудности, Господь учил нас не отчаиваться и полностью полагаться на Него. Опишу один эпизод из благовестия на обширных сибирских просторах. Мы направлялись в Нижневартовск, где должно было состояться первое богослужение. Всю ночь нам предстояло плыть на пароме по Оби. До назначенного богослужения оставалось двадцать три часа. Транспортировка автомобилей по реке производилась на больших самоходных баржах. Оборудованных заездов не было. Баржа подходила близко к берегу, затем на лебедках опускался на берег массивный железный щит, по которому на баржу заезжали автомашины. Водители посоветовали нам развернуть автобус и заехать задом. Как только колеса, пройдя по щиту, зашли на саму баржу, она под тяжестью автобуса просела, щит уперся в поддон двигателя и проломил его. Вытекшее масло свидетельствовало о том, что автобус дальше не поедет.

Автобус отбуксировали на берег. Другие автомашины благополучно заехали, и капитан дал команду на отправление. Наш автобус одиноко стоял на берегу. Темнело. До ближайшего населенного пункта было не менее пятидесяти километров, до Украины — около пяти тысяч километров. Мы все молча молились, и каждый мысленно задавал один и тот же вопрос: «Господи, почему так случилось? Мы же исполняем порученное Тобой дело...»

Вдруг помощник капитана спрыгнул на берег и подбежал к нам. Его доброе, открытое лицо выражало большое желание помочь нам. На вид ему было около двадцати трех лет. Волнуясь, он пояснил, что уговорил капитана взять нас на паром, так как ночью здесь нам никто не поможет, да и опасно оставаться одним. Выбора у нас не было, и мы согласились. Мощным трехосным «уралом» наш автобус с большим трудом удалось затянуть на паром.

Стемнело. Мы плыли по могучей сибирской реке. Лунный свет, освещая заросшие хвойным лесом берега, таинственно переливался в волнах. Было очень красиво, но переживания о непоправимой в данных условиях поломке мешали любоваться этой красотой.

Нас было двенадцать — четверо братьев и восемь сестер. Помощник капитана опять подошел к нам с девушкой. Это была его невеста. Добродушно улыбаясь, она пригласила сестер в каюту, даже предложила принять душ. Узнав, что мы верующие и у нас срывается богослужение в Нижневартовске, она искренне посочувствовала нам. Сестры свидетельствовали ей об Иисусе Христе, а потом мы стали петь христианские гимны. Стройное пение привлекло внима-

ние многих пассажиров. Господь помог нам совершить импровизированное богослужение под ночным сибирским небом.

В девять утра мы приплыли к причалу, расположенному в тридцати семи километрах от Лангепаса. Буксир вытянул нас на берег. Мы попрощались с добрым помощником капитана и его невестой. Машины быстро разъехались, и мы опять остались одни с поломанным автобусом.

По утрам, после чтения Библии, мы обычно совершали совместную молитву. Видя растерянность брата, которому поручил сказать слово перед молитвой, я попросил сестру рассказать какое-нибудь стихотворение.

Господь чудно успокоил нас через рассказанный ею стих:

Я знаю, Бог не ошибается.
Я знаю, Бог творит, что нужно.
Пусть солнце мне не улыбается
И на дороге — скорбь и ужас...

После молитвы решили послать одного из братьев в город, чтобы найти буксир. К удивлению, брат на попутках добрался до Лангепаса и через три часа уже вернулся к нам на мощной машине. Мы познакомились с молодым водителем, подарили ему Библию и спросили о стоимости услуг. Он удивленно посмотрел на нас и сказал:

— Да разве с таких людей можно брать деньги?!

Автобус прицепили к грузовику, и в два часа дня мы были в одном из гаражей Лангепаса. Прощаясь с нами, шофер поинтересовался, где мы намерены ночевать. Когда мы ответили, что через четыре часа у нас должно состояться намеченное богослужение в Нижневартовске, он сказал:

— Я с большим желанием отвез бы вас, но у меня очень суровый начальник. Может быть, вы его уговорите?

Пошли к заведующему гаражом, объяснили ему нашу ситуацию, подарили «Детскую Библию». К удивлению шофера и нашей большой радости, начальник разрешил ему отвезти нас. С музыкальными инструментами мы быстро погрузились в автомобиль (это была крытая машина для перевоза вахтовиков) и чудом успели к началу богослужения, где нас ожидало большое количество слушателей. С автобусом остался наш водитель. Шофер, доставивший нас в Нижневартовск, опять не взял ни копейки за провоз.

Больше месяца мы благовествовали в этом районе. Местные братья перевозили нас с места на место, пока не починили наш автобус. Потом мы перебрались в Томскую область.

В Стрежевом, во Дворце культуры собралось много народа. Нас поразило усердие братьев из местной группы верующих. Их всего трое, но они затеяли строительство большого дома молитвы. Один из них, в прошлом горький пьяница, рассказал, как Бог его помиловал. Как-то двое братьев из Новосибирска приехали к ним, и один из них смог побеседовать с несчастным всего несколько минут, так как в речи того человека было больше нецензурных, чем обычных слов. Второй же, молодой брат, стал рассказывать, что тоже был пьяницей и даже одеколон пил. Выслушав это, мужчина похлопал молодого брата по плечу и сказал: «Сынок! Говоришь, до одеколона дошел? А для меня одеколон — лучший напиток...» Но доброе семя было посеяно, и в нужное время созрел драгоценный плод покаяния. Теперь этот брат обошел с мегафоном все улицы поселка и пригласил людей на богослужение. Афиши были расклеены раньше.

В первый вечер зал был почти заполнен. На призыв к покаянию начали выходить желающие помолиться. Я продолжал призывать грешников к Иисусу Христу. Смотрю, мои сотрудники как-то по-особому оживились, на глазах у сестер появились слезы. Посмотрев на девушку, желающую покаяться, я все понял: на коленях стояла и молилась невеста помощника капитана, проявившего к нам месяц назад такую доброту! Оказывается, мы прибыли в их родной город. По афишам они определили, что мы — те самые благовестники, с которыми они познакомились на пароме.

После служения ко мне подошел помощник капитана и попросил, чтобы я разрешил молодым братьям и сестрам сходить к нему домой. Часа через три мои сотрудники, возвратившись, восторженно делились впечатлениями. Его мать — заведующая гороно — была очень гостеприимна и попросила меня настроить пианино. На следующий день я настраивал пианино и много беседовал с ней о вере в Бога, сопоставляя евангельские тексты с некоторыми философскими выводами, и очень просил прийти вечером на наше прощальное богослужение. Днем мы всей нашей группой молились о том, чтобы Господь помог этим добрым людям познать истину.

Обычно за пятнадцать минут до начала богослужения мы начинали исполнять христианские гимны, располагая сердца к благоговейному восприятию евангельской проповеди. Я внимательно смотрел на входящих в зал. Вошли помощник капитана с невестой, его сестра и подруга сестры, а матери не было. Я уже встал, чтобы совершить молитву перед началом богослужения, и вдруг увидел, как на задний ряд в уголок пробирается мать помощника капитана. Это заметили и мои сотрудники.

Служение шло на особом подъеме. Мысленно мы молились о том, чтобы наши новые знакомые восприняли Благую весть. В конце нашего собрания вместе с другими слушателями покаялись сестра помощника капитана и ее подруга.

Исполнялся последний куплет гимна «Что ты медлишь на грешном пути». Все мое внимание было сосредоточено на стоящих в зале (при покаянии мы просим слушателей встать). Вдруг помощник капитана решительно направился к выходу. Это меня очень опечалило, но он, пройдя мимо дверей, подошел к матери и стал что-то говорить ей. Она кивнула, и они вместе пошли вперед, к сцене.

Как мы ликовали, слыша молитвы покаяния знакомых нам людей! Только тогда нам стало ясно, почему Господь допустил поломку автобуса. Бог не ошибся. Таким особым образом Он постучал в сердце этих людей, и они склонились перед Христом в молитве покаяния.

Возвращаясь домой через Лангепас, мы с удивлением узнали, что шофер, доставивший нас бесплатно в Нижневартовск, живет в одном подъезде с нашим братом по вере. Мы пригласили этого шофера с женой на богослужение. Она слушала слово Божье со слезами. Так чудно Господь отвечал на доброту людей Своей милостью. У православных христиан существует утверждение, что добрые дела приведут к истинной вере. Дал бы Господь, чтобы расположение к нам наших новых друзей привело их к истинной вере в Бога!

Возвращались мы из Сибири на частично отремонтированном автобусе. Около месяца еще трудились на Урале, где встретились с братьями из Германии. Они некоторое время ездили с нами. Однажды мы чудом избежали аварии (отказали тормоза). После этой поездки братья, возвратившись домой в Германию, многим говорили, что нам нужен другой автобус.

Осенью 1994 года мы по приглашению миссии «Фриденстимме» опять были командированы служителями на ежегодную конференцию. Эта поездка длилась более месяца. Братья и в этот раз порадовали нас изумительным подарком — красивым автобусом «мерседес-бенц». Он был гораздо новее и меньше прежнего. Мы искренне и сердечно благодарили Господа. Он был так многомилостив к нам!

Нам очень хотелось поблагодарить тех, кто расположил свое сердце к большой жертве, на чьи средства был куплен автобус. Однако эти жертвенные люди пожелали остаться неизвестными. Позднее мы узнали, что автобус приобрели на пожертвования трех сестер (бабушки, ее дочери и внучки). Спустя четыре года, когда мы в последний раз были в Германии, по моей настойчивой просьбе один брат показал мне наших благодетельниц с условием, что я ничего

не скажу им. Да воздаст Господь им Своей милостью! Старушка к тому времени уже отошла в вечность.

Из Германии мы опять поехали на конференцию голландской миссии «Фриденсштимме». Побыв в Нидерландах, мы совершили служение в Люксембурге и Дании, где встретились с нашими братьями и сестрами, которые много жертвовали на нужды нашего братства в годы господства атеизма в бывшем СССР и находили возможности через «железный занавес» передавать Библии и Евангелия.

В Ганновере со мной пожелал побеседовать старец-лютеранин из коренных немцев. Он рассказал, что живет один, очень скромно, не имеет ни автомобиля, ни телефона. Глубоко веря в Бога, он не доверяет ни одному союзу, ни одной деноминации. За мной он наблюдает более десяти лет. Старец хотел пожертвовать средства для благовестия в России, только с условием, что я сохраню в тайне сумму пожертвования и его имя. Я сказал, что смогу принять дар, если он разрешит доверить эту тайну хотя бы одному брату из Совета церквей. Он согласился. Две трети из пожертвованных средств были израсходованы на нужды братства, а на оставшиеся деньги (были и дополнительные пожертвования) мы могли около четырех лет всем ансамблем совершать служение благовестия. Не знаю, жив ли еще этот старец, но в уединенной молитве я с благодарностью вспоминаю его имя перед Богом. Да воздаст ему Господь Своей милостью!

Перед отъездом из Германии мы посетили Швейцарию и провели служение в церкви бывших анабаптистов. Многовпечатляющей была встреча с этой церковью. Нас приняли очень тепло. Во время богослужения мы много рассказывали о нашем братстве. Верующие с умилением повторяли: «Вы — первые представители русского братства, посетившие нас».

Пастор много рассказывал нам из истории анабаптистов. Католики сжигали их селения полностью. Было время, когда никто не решался дать им место для поселения. Потом Бог расположил сердце какого-то знатного человека, и он разрешил анабаптистам поселиться в своем имении, но с условием: не ниже, чем тысяча метров над уровнем моря. Так высоко в горах они и остались жить. Удивительно красивые горы!

Пастор провел нас по некоторым горным тропам и показал пещеру, где в XVII веке тайно собирались гонимые анабаптисты. Мы зашли в пещеру и помолились, вспомнив гонимых за истину Божью, потом спели несколько гимнов, восхищаясь естественной акустикой. По сути, не кальвинисты, не лютеране, а именно анабаптисты являются нашими предшественниками.

НОВЫЙ автобус вполне соответствовал нашим желаниям и потребностям. Имея достаточно средств для благовестия, мы с глубокой благодарностью Господу решили уплотнить график поездок. За четыре года мы дважды посетили все регионы братства, проехав расстояние, в пять раз превышающее окружность Земли. Семь месяцев в году мы проводили в поездках. За это время совершали около пятисот служений, запланированных на совещаниях Совета церквей. Мы старались проникнуть в глухие места, если только туда можно было проехать.

Нас все чаще и чаще стали приглашать зарегистрированные церкви. Так нам предоставлялась возможность рассказать им о страданиях за веру. В зарегистрированных общинах обычно не практикуется служение по очищению и освящению, и мы старались раскрыть перед членами церкви необходимость исповедания своих грехов, так как Кровь Иисуса Христа очищает нас при условии исповедания: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Иоан. 1, 9).

Невозможно описать все служения, но за каждое в отдельности мы по-новому переживали и молились. За нас молились также многие братья и сестры. Благодаря их молитвам, за девять лет служения по нашей вине не состоялось всего восемь собраний, а все остальные Бог помог совершить вовремя, при всех наших болезнях и немощах.

Во время одной из поездок по Средней Азии наши сестры дошли до изнеможения. Автобус поломался, и две недели местные братья возили нас на микроавтобусах. Переезжали в основном ночью, так как днем проводили по три служения. На совещании меня спрашивали, сколько служений в день можно запланировать, и я сказал тогда, что не более трех, рассчитывая, что это будет в исключительных случаях. Братья же на каждый день назначили по три служения! В нашем автобусе были спальные места. В пути можно было отдыхать, хотя и без особого уюта. Передвигаясь же на микроавтобусах, мы были лишены такой возможности.

В переездах по бескрайним просторам Средней Азии иногда приходилось преодолевать до пятисот километров за сутки. Летняя жара очень изнуряла нас. Однажды перед очередной поездкой я заметил, что сестры плачут. Некоторые открыто стали роптать. Я пояснил, что братья не поняли меня, назначив на каждый день по три служения. Отменять то или другое собрание уже невозможно, так как везде расклеены объявления и многие получили приглашения.

Лучше помолиться о том, чтобы Господь помог совершить намеченные служения, даже если это будет сверх наших сил. «Но если кто-то из вас будет роптать,— продолжал я,— того завтра же отправим домой на поезде». После этого слез я не видел и ропота не слышал, хотя сам с огромным усилием совершал служение.

Мне приходилось вести каждое собрание. Головные боли (следствие гипертонии) были очень часты и порой невыносимы, но нужно было с улыбкой приветствовать собравшихся и полноценно свидетельствовать об Иисусе Христе. Были случаи, когда, подходя к микрофону, я видел, что он качается. Это был обман зрения, вызванный чрезмерной усталостью. В таких случаях я мысленно молился: «Боже, помоги не упасть!» Вместе с трудностями мы испытывали много благословений и, конечно же, радости.

В Алма-Ате мы благовествовали в двух местах: в доме молитвы и на улице, во дворе жилого дома. На втором служении присутствовало очень много людей. Большое число покаявшихся побудило братьев построить в том месте второй дом молитвы. Через четыре года, вновь посетив Алма-Ату, мы были на богослужении уже в новом молитвенном доме.

Из покаявшихся казахов мне особенно запомнились две личности: юноша, речь о котором пойдет позднее, и мальчик лет четырнадцати. Молитва этого мальчика врезалась в мою память. Он упал на колени, закрыл лицо ладонями и, роняя крупные слезы, сказал:

— Иисус, я больше не хочу распинать Тебя своими грехами! Прости меня, грешника!

На обратном пути мы провели несколько служений на Урале. Церковь Челябинска всегда встречала нас с большой радостью. С 1967 по 1975 год я жил в Челябинске и трудился на ниве Божьей как регент и ответственный за уральскую молодежь. С тех пор церковь сильно выросла. Число членов доходило до четырехсот.

В Челябинске среди желающих покаяться я заметил женщину, лицо которой показалось мне знакомым. Взяв микрофон, она со слезами рассказала, как много лет назад увольняли из музыкальной школы преподавателя игры на скрипке за то, что он был баптистом. Будучи комсомолкой, она не могла понять, как в одном человеке могут сочетаться качества прекрасного педагога и активиста-сектанта. Теперь, давно оставив комсомол, она раскаивалась в плохих мыслях о своем преподавателе, а также во всех своих грехах.

— В знак благодарности,— сказала женщина в конце,— я хочу встать на колени и поцеловать руку моего учителя музыки.

Растроганный этим признанием, я, конечно, не позволил своей ученице исполнить ее желание.

Через некоторое время из среды слушателей вышла пожилая женщина со слезами на глазах. Она уже два года была членом церкви, но теперь пожелала всем рассказать о том, как, будучи завучем музыкальной школы, по распоряжению КГБ подписывала приказ о моем увольнении.

В Тюменской области, входящей в Уральское объединение, мы посетили Заводоуковск. Там есть маленькая община. Друзья арендовали для благовестия большой зал какого-то учебного заведения.

Перед началом служения я спросил:

— Есть ли в зале те, кто до сих пор называет себя атеистом?

Встала женщина лет пятидесяти и, отчеканивая каждое слово, заявила:

— Я убежденная атеистка!

Во время служения я говорил, что атеизм не имеет права называться научным. Научно то, что подтверждается опытом, практикой, экспериментом, а основоположники так называемого научного атеизма тоже предлагают верить в свои априорные утверждения. Предлагают верить в то, что была и есть вечная материя, что развивалась она по определенным законам (хотя без законодателя не может быть и законов), что из неживой материи случайно возникла жизнь (хотя попытка создать живую клетку в лабораторных условиях потерпела крах), что появившаяся на свет живая клетка, развиваясь, превратилась в человека и т. д.

Заканчивая евангелизационное собрание, после того как более десяти человек приняли Христа в свое сердце, я спросил у женщины, назвавшей себя атеисткой:

— Вы все еще остаетесь при своих убеждениях?

Она встала и, немного помолчав, сказала:

— Я остаюсь при своих убеждениях, но у меня к вам большая просьба: помолитесь за мою дочь...

Атеизм — это обман, мода, извлечение выгоды из обманутых, но не научная теория! Многие атеисты не порывают с безбожием лишь из-за своей гордости. Нам нужно очень много молиться о том, чтобы проповедь Евангелия, хотя бы для некоторых, была во спасение, а не только во свидетельство.

Вспоминается пример, который я слышал от одного проповедника. До уверования он служил в десантных войсках, где очень часто нужно было прыгать с парашютом. Один десантник, выделяющийся среди прочих умением искусно прыгать, очень гордился

своим мастерством. Был учебный групповой прыжок. Командир звена, раскрыв парашют на безопасном от земли расстоянии, заметил, что мимо него кто-то стремительно падает вниз. Стропы парашюта были выброшены, но парашют почему-то не раскрылся. Командир успел схватить несчастного за стропы и с большим усилием сумел удержать его. Это был как раз тот самый гордый парашютист. Командир стропами порезал руки, из ран текла кровь, но он успокаивал солдата: «Ничего, как-нибудь спустимся вдвоем на одном парашюте...»

Едва опомнившись, неудачник вдруг стал требовать: «Отпусти меня сейчас же! Слышишь, отпусти я тебе сказал!» В нем заговорила гордость, нежелание опозориться неудавшимся прыжком.

Преодолевая жгучую боль, командир продолжал так же крепко держать его, повторяя: «Запасной парашют раскрывать уже поздно: земля близко! Успокойся!»

Но гордость превозмогла. Неудачник достал нож и перерезал стропы своего парашюта. Он камнем полетел вниз, раскрыл запасной парашют, но слишком поздно: удар о землю был для него смертельным.

Когда командир, собрав свой парашют, с окровавленными руками подбежал к разбившемуся, около него уже находились несколько человек. Упав на землю, командир зарыдал: «Володя, Володя! Что же ты сделал? Я мог спасти тебя, но ты не захотел!..»

ПАМЯТНОЙ осталась поездка по северу европейской части России, состоявшаяся в 1997 году. В этой поездке нас долгое время сопровождал один удивительный брат. Горячее сердце, простота, скромность, искренность, безропотное перенесение трудностей — все эти качества производили впечатление, что он выходец из простой христианской семьи. На самом же деле он был образованным человеком, тренером одного из олимпийских призеров. После того как он обратился к Господу, жена и дочь не захотели с ним жить. Ради Христа этот брат все оставил. Благовестие — его стихия. Отпустив бороду, обладая бархатным голосом, он очень умело начинал беседу с православными. Однажды во время беседы с кем-то в электричке к нему подсел священник в рясе и с удивлением спросил: «Вы из какого прихода? Почему я вас не знаю?»

В Кировске Ленинградской области нам не давали помещения для проведения евангелизационного собрания. Этот брат, присоединившийся к нашей группе, решил пойти к директору школы и по-

просить у него спортзал. Долго просил, убеждал, но прокоммунистический дух или боязнь не позволили директору дать согласие на проведение собрания в школе. Тогда мы, посоветовавшись, решили приглашать всех на базарную площадь. В таких случаях мы устанавливали на крыше автобуса усилительную колонку с автономным питанием и по всему городу объявляли о намеченном богослужении с участием христианского камерного ансамбля.

Когда мы проезжали мимо школы, наш брат, возревновав о Господе, попросил остановить автобус и направил рупор на открытые окна школы. Минут пять он вдохновенно свидетельствовал об Иисусе Христе. Очевидно, директор позвонил в соответствующие органы власти, потому что очень скоро к нам подъехали два милиционера. Приказав прекратить объявление, они велели кому-либо из нас следовать за ними к начальнику милиции. Нисколько не смутившись, брат поехал с сотрудниками милиции.

Мы остались в затруднительном положении. Что делать? Как выручить брата? Решение созрело быстро, и мы поехали за милицейской машиной. Здание милиции располагалось рядом со зданием горисполкома. Когда брата увели, мы, включив усиление на всю мощность, несколько раз повторили приглашение примерно такого содержания: «Всех работников горисполкома и милиции мы рады пригласить на торжественное христианское богослужение, которое будет проходить на базарной площади в 10 часов. Всего один день у вас в гостях христианский камерный ансамбль из Украины».

Минут через пять наш брат с сияющим лицом вышел из здания милиции и бегом прибежал к нам. Не успел он войти в автобус, как с волнением заговорил:

— Чудо, чудо Господь совершил! Завели меня в кабинет начальника милиции, и в это время раздалось ваше объявление. Он встал, подошел к окну, прослушал объявление один раз, второй раз и спрашивает: «Это ваши объявляют?» — Да, говорю, это мои братья и сестры по вере в гости к нам приехали из Украины. Я вас тоже приглашаю на евангелизационное богослужение. Строго посмотрев на сопровождающих меня милиционеров, он спросил: «Вы кого взяли? Вам что, не понятно, что у них все официально?», потом повернулся ко мне: «Идите, объявляйте и проводите мероприятие, как у вас намечено».

При многих трудностях Бог дарил нам много радости, но были и разочарования. Богослужения проходили с разным успехом. Если в каком-то селении до нас побывали свидетели Иеговы или харизматики, нам было очень трудно убедить людей прийти на богослужение.

Иногда приходилось совершать служение лишь для одного десятка людей. Слушателями, обычно, были женщины и дети. Если и приходили мужчины, то, как правило, в нетрезвом состоянии.

Очень много было таких мест, где благовестие совершалось впервые. Людей приходило много. В одном поселке на призыв к покаянию не вышло только несколько человек. Все, кто как мог, просили у Бога прощения. А потом они попросили проводить у них евангельские собрания.

Проезжая селения, расположенные вдоль Беломорско-Балтийского канала, и призывая людей к покаянию, мы вспоминали о наших братьях, которые в сталинское время страдали здесь в лагерях. Очень многие из них не вернулись в свои семьи. Господь хранит память о них.

СТИХИЙНЫЙ диспут с православным священником произошел у нас во время евангелизационного служения в одном молдавском селении. Арендованный зал общеобразовательной школы был полностью заполнен взрослыми и учениками. Служение проходило, как обычно. Некоторые слушатели со слезами воспринимали весть о Спасителе грешников, распятом на голгофском кресте, и о мучениках за веру в Иисуса Христа.

Взяв микрофон, я встал, чтобы подвести итог всему сказанному и призвать слушателей к покаянию, но в это время в зал вошел православный священник в полном облачении. На вид ему было лет сорок пять. Как мы после узнали, он готовился к посвящению в епископы, но у него были жена и двое детей. По православным канонам епископы должны избираться только из черноризцев, то есть из монахов. Ради епископства он оставил жену и детей.

Пройдя через весь зал к сцене и повернувшись лицом к слушателям, священник громко сказал:

— Православные, кого вы пришли слушать? Вы знаете, кто они? Я освящал этот зал и не позволю, чтобы его осквернял еретики!

В зале воцарилась гробовая тишина. Мы мысленно молились Господу, чтобы Он дал нам мудрости для понимания того, как правильно поступить в этой ситуации.

Воспользовавшись наступившей паузой, я обратился к священнику с просьбой позволить закончить служение, после которого мы готовы дать ему время высказаться. Он запротестовал, энергично пытаясь взять инициативу в свои руки. Мое преимущество заключалось в том, что у меня в руках был микрофон. Я обратился к слушателям с вопросом: что они сказали бы о нас, если бы мы, как

этот священник, вторглись в храм во время служения и так бестактно стали себя вести? Зал оживленно зашумел. Продолжая речь, я сказал священнику:

— Если вы действительно претендуете на звание священнослужителя, то докажите это своим поведением. Пройдите, пожалуйста, и займите любое свободное место.

На возражение священника я громко и строго сказал:

— Не бесчинствуйте, займите свободное место!

Он прошел на задний ряд и сел. Будучи очень взволнованным, я стал призывать людей к покаянию, но мысли путались и слова не были убедительными. Когда я спросил: «Кто хочет покаяться, признавая себя грешником?», священник поднялся, пытаясь что-то сказать слушателям. Тогда, обращаясь к священнику, я спросил:

— Вы признаете себя грешником и хотите покаяться? Пройдите вперед, я буду за вас молиться!

— Да, я грешник,— ответил священник,— но каяться ни за что не буду!

Я попытался еще раз призвать слушателей к покаянию, но в присутствии священника никто не решился выйти. Тогда я предложил священнику микрофон, сам взял другой, и мы начали диспут, который длился более двадцати минут.

Священник старался убедить собравшихся в том, что православие — единственное христианское течение, претендующее называться истинным. Я открывал Библию, показывал полное расхождение догматов православной церкви со Священным Писанием (иконопочитание, крещение, молитва за умерших, обращение к умершим, хотя и возведенным в ранг святых, и др.).

Уже первая заповедь, данная Богом через Моисея, строго запрещала делать кумиры и изображения, тем более поклоняться им. Иконопочитание даже в православии утвердилось только в VIII веке, после жестокой расправы над иконоборцами.

О молитве за умерших Библия ничего не говорит. Единственное, что дает православным возможность подтвердить свои догматы,— это Маккавейские книги, но они являются апокрифами, не вошедшими в библейский канон. Даже в них Иуда Маккавей, вознося молитву, лишь однажды упоминает о ниспослании милости павшим в бою.

Молитва, обращенная к кому бы то ни было из умерших людей,— это спиритизм, вызывание духа умершего, за что Бог строго наказывал еще в ветхозаветное время.

В качестве ответного действия священник сослался на авторитет

преданий, я же прочитал слова Иисуса, что надо исследовать не предания, а Писания и обосновывать свои убеждения Священным Писанием.

Народ слушал очень внимательно. Священник стал сильно волноваться. В руках он держал большую Библию, и было видно, как они дрожали от волнения.

— Зачем вы так переживаете? — спросил я. — Успокойтесь, пожалуйста, возьмите себя в руки.

— Я не переживаю,— сказал он,— я просто болен.

— Так идите домой, отдыхайте, зачем вы пришли? — продолжил я. — Вы бы лучше вместо преданий привели текст из Священного Писания в подтверждение своих доводов. Все, что не подкреплено авторитетом Божьей Книги, не есть истина.

Священник, потеряв самообладание, закричал:

— Я не фанатик, чтобы знать Библию наизусть!

Зал зашумел. Бог Сам защитил истинность Своего слова. Но тут произошла непоправимая оплошность. Женщина средних лет, которую здесь знали как верующую, встала и в сильном возбуждении по-молдавски стала что-то говорить священнику. После мы узнали, что она процитировала слова из книги Иова: «И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана» — и обратилась к священнику со словами: «Кто тебя, сатана, сюда звал? Зачем ты пришел?» Таким образом она оскорбила человеческое достоинство священнослужителя.

Зал возмутился. Перейдя на молдавский язык, священник стал что-то быстро говорить. После его слов школьники побежали к нашему автобусу, стоящему во дворе. Переживая о том, что они могут побить стекла, мы срочно собрали инструменты и поспешили туда же.

Подбежав к автобусу, я не поверил своим глазам: школьники выстроились в длинную очередь, а наш водитель давал каждому по Евангелию и по горсти грецких орехов, которыми нас угостили наши братья и сестры. Как Господь вразумил его усмирить эту толпу, я до сих пор не могу понять. Стали подходить и взрослые. Одна ревнительница православия, взяв несколько Евангелий у школьников, стала рвать их, не ведая, что творит.

Господь помог нам благополучно уехать, но одна оплошность почти на нет свела результаты евангелизационного собрания и диспута.

Еще один диспут с православными священниками произошел в Краснодаре. Братья арендовали для евангелизации два больших зала и назначили на утро служение во Дворце профсоюзов, а на вечер — в одном из самых больших кинотеатров города.

Во Дворец профсоюзов нас долго не впускали, мотивируя тем, что нужно соблюдать тишину: там очень важные экстрасенсы из Москвы кодируют пациентов. Желающих послушать Благую весть собралось очень много. В половине двенадцатого двери дворца были все еще закрыты, хотя богослужение назначили на одиннадцать. Было ясно, что силы зла пытаются помешать евангелизации. Некоторые из ожидавших стали уходить. Среди собравшихся было много верующих. Я предложил спеть общим пением гимн «Любовь Христа» и через громкоговоритель объяснил людям причину задержки служения.

Большая площадь перед дворцом огласилась звуками чудесного гимна. Большинство прохожих, видя массу народа, примыкали к ней. Уже никто не уходил. Когда около двенадцати часов нас все же впустили в большой зал, он не мог вместить всех желающих. Люди плотно стояли и в проходах между рядами, и при входе в зал.

Оперативно наладив усиление, мы с молитвой начали богослужение. Минут через двадцать из зала стали поступать записки с вопросами. Мы по ходу служения начали отвечать на них, но их поступало все больше и больше, а из зала послышались выкрики протеста на наши ответы. Потом я обратил внимание на то, что почти все записки написаны одним почерком, а выкрики доносятся со среднего ряда — от людей, окружающих двух священников. Стало ясно, что их цель — сорвать служение, превратив его в диспут.

Делая очередное пояснение перед гимном, я заявил, что для ответов на вопросы мы отведем время в конце служения.

После пропетого гимна опять поступила записка с требованием ответить на вопросы. Такие же требования слышались и из зала. Тогда я обратился прямо к священникам и сказал:

— Требовать будете у себя в храме, а здесь прошу не мешать!

Затем я спросил у слушателей:

— Будем продолжать служение?

Зал ответил согласием.

Проповедь, стихотворения и гимны размягчили сердца слушателей. Дух Божий начал Свое чудное действие. Как только первые из желающих покаяться с трудом пробрались вперед и стали по очереди молиться, группа со священниками во главе покинула зал.

Мы горячо поблагодарили Господа за покаявшихся, ответили на некоторые вопросы и пригласили всех на второе богослужение, на котором будут исполняться новые гимны. После обеда стали готовиться ко второму служению.

Обычно мы приезжали на назначенное место за полчаса до начала служения, чтобы подготовить усилительную аппаратуру и настроить инструменты. Подъезжая к кинотеатру, мы увидели трехметровую афишу, извещающую о нашем служении. Перед входом, вытянувшись в длинную шеренгу, стояли православные с иконами. Священник в полном облачении раздавал приходящим брошюру «Баптисты — самая зловредная секта». Православные уговаривали людей не входить в зал.

Я подошел к священнику и обличил его за нечестные действия. Начался диалог. Через пару минут к нам подошла старая женщина с послушником. Узнав меня, она с гневом сказала:

— Взять бы палку да отходить тебя как следует!

— За что же ты на меня так сердишься? — улыбнулся я. — Безбожники коммунисты гнали нас, и ты вместе с ними?

— А что, разве вам плохо жилось при коммунистах? — с многозначительной интонацией в голосе спросил священник.

Достав удостоверение о реабилитации, я ответил:

— Вам-то хорошо жилось, а у меня осталась пожизненная памятка об атеистическом режиме.

Прочитав удостоверение, священник без малейшего сочувствия вернул его мне.

Прошло минут двадцать. За это время мои сотрудники установили на сцене усилительную аппаратуру. Зал быстро заполнялся людьми, несмотря на противодействия православных. В зале было более пятисот мест, но их явно не хватало.

Перед началом служения в зал вошел священник с послушником и властно заявил:

— Никакого богослужения не будет! Мы предлагаем провести с сектантами диспут.

Пользуясь усилительной аппаратурой, я ответил:

— Мы согласны на диспут, но его целесообразно провести в православном храме, если священник нас пригласит. А сейчас мы желаем прославить великого Бога и возвестить всем, что еще есть возможность избежать вечной гибели. Ищущие истину могут найти ее, покаявшись перед Богом в грехах.

Не обращая внимания на возражения священника, я попросил всех встать для молитвы. После молитвы, пользуясь поддержкой верующих, присутствующих в зале, мы запели гимн «Господь, пребудь Ты с нами».

Во время пения священник со своей свитой вышел из зала, и нам никто не мешал. Люди, видевшие противодействия православных,

очень серьезно воспринимали все, что говорил Господь через проповеди, музыку, пение и стихи. Многие серьезно задумались над вопросом: где истина?

В конце служения, как всегда, я призывал к покаянию. На него откликнулись около тридцати человек.

После молитвы ко мне подошел послушник и сказал:

— Вы обещали пойти на диспут в наш храм. Настоятель ждет вас.

Это приглашение было для нас большой неожиданностью. Закончив собрание, мы помолились и решили поехать на диспут на своем автобусе. К нам присоединилось много братьев и сестер из местной церкви. По дороге они рассказали нам, что этот священник недавно убедил двух братьев из их церкви перейти в православие. Удивительная, непонятная редкость! Тогда нам стало понятно настойчивое стремление священника превратить евангелизационное собрание в диспут.

Священник, имеющий высшее образование, раньше был химиком. Что побудило его стать священником, неизвестно. Ему было лет сорок.

В сравнительно небольшом храме нас ожидали священник и около сорока прихожан, в основном хористы. В храме были приготовлены места и стол, за которым стоял священник. Он предложил мне занять место рядом. Я поблагодарил и сказал, что вначале мы призовем сюда Господа Иисуса. Не ожидая разрешения, я громко помолился и сразу дал тональность гимна «Ты — мой Бог святой». Мои сотрудники моментально среагировали, и под сводами храма зазвучала чудесная христианская мелодия.

Последний куплет: «И когда придет тот последний час, верю, примешь меня к Себе. У Твоей груди успокоюсь я, успокоится сердце мое» — мы спели на проникновенном пианиссимо. В храме этот куплет прозвучал особенно трогательно. Никто не решился прервать это пение. Зато во время диспута священник много раз бесцеремонно перебивал меня. Отмечая его эрудицию и красноречие, я все время мысленно молился, чтобы Господь помог показать силу Его слова в духе кротости и любви, поэтому я ни разу не перебил священника.

Невозможно перечислить все вопросы, возникавшие на этом полуторачасовом диспуте, поэтому коснусь лишь одного. Отвечая на него, мы испытывали немалые затруднения. Это вопрос о преемственности рукоположения (священства). Кажется, именно этим вопросом священник смутил двух братьев, ушедших в православие.

Священник с достоинством поведал, что православная церковь

сохраняет преемственность рукоположения от апостола Андрея, а баптисты — это самозванцы.

Отвечая священнику, я сказал, что если апостол Андрей и рукоположил кого-то, дойдя до Киева (по преданию), то после этого священство никому не передавалось, так как Русь приняла христианство только в 988 году. Еще я напомнил, что священниками были Мартин Лютер, а также голландский реформатор Менно Симонс. От него через меннонитов и украинских штундистов сохранилась преемственность священства. Настоятель откровенно признался, что о Менно Симонсе ничего не знает.

Самым убедительным доводом в этом вопросе является свидетельство Священного Писания. «Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал»,— пишет апостол Павел.

Павла никто из апостолов не рукополагал. Его избранничество — от Самого Бога, и в этом никто не сомневается. «Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом» (Гал. 1, 1). Я пояснил также, что по догматике к нам ближе всего анабаптисты, которые сохранили преемственность правильного крещения и мученичеством отстояли истину.

Казалось, что все эти доводы не могли переубедить священника, однако последний вопрос, заданный одним из братьев, привел его в полное смущение.

— А вы знаете, какое у вас священство: по чину Аарона или по чину Мелхиседека? — спросил он.

Священник растерялся. Немного помолчав, он сказал:

— Наверное, по чину Мелхиседека.

— А ваш владыка,— продолжил брат,— сегодня утром доказывал мне, что имеет священство по чину Аарона. Вы хотя бы договорились, по какому чину имеете священство и имеете ли вообще при всех отступлениях православной церкви. Последние данные свидетельствуют о том, что более ста архиереев Русской православной церкви были работниками КГБ.

Пользуясь замешательством священника, я дал друзьям знак, и они запели гимн «О, я грешник бедный».

После нашего гимна священник со своими хористами запели часть какой-то службы, неистово осеняя себя крестным знамением. Попрощавшись, мы стали уходить. Через несколько минут священник подошел к нашему автобусу и начал что-то доказывать сестрам. Друзья в обед угостили нас апельсинами. Теперь этими апельсинами сестры угощали священника. Он взял, добродушно улыбнулся и отошел на обочину. Автобус тронулся. На прощание священник помахал нам рукой.

ОЧЕНЬ неприятное воспоминание осталось о сорванном служении в Чиколе — мусульманском центре Осетии. Друзья арендовали для собрания Дворец культуры.

Когда мы подъехали к ограде дворца, нам преградила путь толпа мужчин. Дворец был оцеплен, на дверях висел замок. Чтобы прогнать нас, вызвали муфтия* — глубокого старца с посохом. Я попытался вступить с ним в разговор, но он твердил одно:

— Вон отсюда!

Несколько раз он замахивался на меня своим посохом.

— Вы нас прогоняете, а мы приехали проповедовать Евангелие,— обратился я ко всем, отойдя от муфтия шага на три. — Ведь Аллах в Коране говорит: «Мы дали Моисею закон, а Иисусу — Евангелие». Вот это Евангелие, весть о том, что Иисус умер и за вас, мы хотим проповедовать!

— Вон отсюда! — опять закричал муфтий, подойдя ко мне. — У нас есть пророк Магомет!

— А что есть у Магомета? — спросил я.

— Мекка.

— А что в Мекке?

— Святыня, гроб Магомета.

— А что в гробу?

— Кости Магомета.

— А разве кости дадут вам жизнь? Вот в гробе Иисуса Христа нет костей, потому что Он воскрес. Он и вам хочет подарить вечную жизнь!

— Вон отсюда! — что есть силы закричал муфтий.

Работники милиции подошли к нашим братьям и попросили уехать, так как большинство мусульман были с ножами. Помолившись, мы со скорбью покинули этот городок.

Буквально через двадцать километров, в соседнем городе, мы прямо на площади расставили усилительную аппаратуру и провели импровизированное богослужение. Никто нам не помешал.

В 1998 году мы совершили две последние поездки: в Среднюю Азию, а также в Сибирь и на Дальний Восток. Их я опишу подробно, чтобы более полно изобразить труд благовестия, который мы совершали на протяжении девяти лет. Все данные взяты из дневника, который вела одна из сестер нашей группы.

---

* *Муфтий* — высшее духовное лицо у мусульман.

Последняя поездка в Среднюю Азию

9 ФЕВРАЛЯ 1998 года группа благовестия — четыре брата и восемь сестер — выехала из Харцызска в Ростов-на-Дону.

Конечно, февраль — не самое благоприятное время для проведения многолюдных собраний и для передвижения. Мы знали, что нас ждет много трудностей, и потому усердно молились. За нас молились многие братья и сестры. Мы планировали пробраться через заснеженную пустыню Казахстана на юг Средней Азии, а в апреле вернуться в ее северные области.

Наши последние поездки отличались от первых тем, что слушателей собиралось намного меньше. Однако возможность для широкого благовестия подарил Бог, поэтому мы старались использовать ее в полной мере.

11 февраля с 10 утра проводили служение в Волгограде. Община там образовалась недавно. Молитвенный дом вместил более ста слушателей, из которых десять молились молитвой покаяния.

12 февраля мы были уже в Казахстане и в 13 часов начали служение в маленькой общине Уральска. Присутствовало около пятидесяти человек. Восемь душ покаялись.

Поздно вечером выехали в Актюбинск. Буранило. Местами ехать было невозможно, и нам приходилось стоять по несколько часов. Километров за пятьдесят до Актюбинска около поста ГАИ скопилось много машин: по причине заноса дороги на трассу никого не пускали. Наш солист, на тот момент водитель автобуса, долго упрашивал инспектора ГАИ пропустить нас, поясняя, что мы не имеем права опаздывать, так как едем на евангелизационное богослужение. К счастью, инспектор дал разрешение ехать, но только колонной, чтобы никого не занесло в степи.

В Актюбинск мы прибыли вовремя и в доме молитвы совершили служение. Эта община еще несколько лет назад была зарегистрирована. В беседе с братьями Совета церквей пресвитер, поняв, что есть только один узкий путь в небо, убедил общину сдать регистрацию и примкнуть к гонимому братству. Он мог всей семьей выехать на жительство в Германию, но ради проповеди Евангелия среди казахов остался в Актюбинске.

Раньше мы уже совершали евангелизацию в этом городе. Были покаявшиеся из казахов. В этот раз на богослужении присутствовало более ста членов церкви, около двадцати из них — казахи. Покаялось пятнадцать человек.

Далее нам предстоял опасный тысячекилометровый переезд по

безлюдным, заснеженным дорогам Северного Казахстана в Кзыл-Орду. Буран и снегопад побудили Актюбинскую церковь вместе с нами усиленно взывать к Господу. На посту ГАИ при выезде из города нас долго не выпускали, уговаривая вернуться назад, так как можно не пройти через заносы и погибнуть в бескрайних степях. Мы убеждали, что не имеем права задерживаться, что у нас намечены богослужения и что мы верим в Божью защиту.

Один из офицеров сказал:

— Если с Богом, то, наверное, проедут. Выпускайте их!

До пяти утра мы благополучно преодолевали трудности заснеженной дороги, хотя шел сильный снег. Неожиданно путь преградила застрявшая в снегу автомашина. Наш водитель хотел на большой скорости обойти ее, рассчитывая на хорошую проходимость автобуса, но безуспешно. Автобус буквально зарылся в снег.

Под пронизывающим ветром мы, четверо братьев, более двух часов выгребали из-под автобуса спрессовавшийся снег. Потом все вместе, включая сестер, с трудом вытолкали автобус.

В 12 часов дня потеплело. По дороге мы увидели домик, в котором жила казахская семья, занимающаяся разведением верблюдов. Остановились. Хозяйка гостеприимно пригласила сестер выпить по чашке чаю. Они спели несколько гимнов, подарили хозяевам Евангелие.

В Кзыл-Орду прибыли поздно ночью. Нас приютила семья ответственного за церковь. В этой общине мы уже совершали служение. Тогда был арендован зал музыкального училища. Присутствовавшие преподаватели и студенты (в основном казахи) слушали очень внимательно.

Теперь здесь был небольшой дом молитвы. В церкви — около тридцати членов. Мы удивлялись составу церкви — более десяти национальностей (даже чукча посещал собрание, правда, членом церкви еще не был).

В доме молитвы провели два евангелизационных собрания. С молитвой покаяния обратились к Богу десять человек.

16 февраля прибыли в селение Белые Воды.

На 15 часов было запланировано служение в зарегистрированной общине селения Ванновка. Дом молитвы вместил более ста человек. На таких собраниях мы обычно рассказывали о пути братства Совета церквей, потом исполняли несколько гимнов, написанных верными свидетелями истины Христовой, ушедшими в вечность из тюрем и лагерей. Обычно это побуждало слушателей проверить свое хождение перед Господом. На этом собрании покаялось двадцать два человека.

17 февраля утром совершили служение в Белых Водах. В доме молитвы присутствовало около ста двадцати слушателей. Покаялось пятнадцать душ, включая детей.

Вечером провели евангелизационное собрание в клубе села Свердлово. Присутствовало семьдесят человек, шесть из них покаялись.

18 февраля утром совершили служение в молитвенном доме зарегистрированной общины города Ленгера. Присутствовало пятьдесят человек, пятеро покаялись.

К вечеру мы были уже в Узбекистане и в 17 часов начали богослужение в доме молитвы Ташкентской церкви.

Господь помог ташкентцам построить хороший, вместительный дом молитвы. Присутствовало на собрании не менее трехсот человек. Покаялось двадцать человек. Среди покаявшихся было двое глухонемых из мусульман.

Поздно вечером выехали в Фергану. Наш путь пролегал через горы.

19 февраля. Мы очень утомились, но, увидев в доме молитвы множество людей, ободрились. Дом молитвы не вместил всех желающих. Люди стояли под окнами, во дворе. Дух Святой действовал в сердцах и взрослых, и детей. Покаялось тридцать восемь человек.

20 февраля въехали на территорию Киргизии. Утром провели собрание в Хайдаркане, вечером — в Кызыл-Кия. Слушателей было мало. Покаялось восемь человек.

21 февраля совершили служение в Доме культуры города Джалал-Абада. Народу пришло немного. Покаялись три души, среди них — один киргиз.

22 февраля прибыли в высокогорный городок Кок-Янгак.

Созерцая ночное небо, которое здесь кажется особенно близким, а звезды — очень яркими, предвидя приближающуюся разлуку с дорогими сотрудниками, я написал стихотворение:

Зимнее небо в горах Киргизии
Взор восхищает звездной симфонией.
Мы благовестьем Христовым сблизились,
Радует мыслей и чувств гармония.

Кровью Голгофской грехов омытие
Каждому было в свой час подарено.
Нас привлекла красота Спасителя
И воскресенья Христова зарево.

Мы, добровольно Христа став слугами,
Почву сердец, что грехом испорчены,
Стали взрыхлять благовестья плугами,
Не посчитавшись с делами прочими.

С теми, кто входит вратами тесными,
Бог съединил нас крепкими узами.
В путь мы пошли каждый с ношей крестною,
Связи расторгнув с мирскими музами.

Грех осуждая глаголом пламенным,
Мы пробуждали уснувших струнами,
К Агнцу-Христу приводили раненых,
Он их в хитоны облек златорунные.

Дни для труда были нам отмерены,
Мы потрудились по воле Сущего.
Хочется вам всем сказать уверенно:
Дни эти были самыми лучшими!

Были сердцами в одно мы слитыми,
Каждый трудиться желал с безупречностью.
Мы расстаемся, друзья, с молитвою,
Чтобы всем встретиться в светлой вечности!

В Кок-Янгаке евангелизационное собрание проходило в неотапливаемом Доме культуры. На улице — одиннадцатиградусный мороз, в помещении — не намного теплее. Но народу для такого небольшого города собралось довольно много, человек сто тридцать. Покаялось шесть человек.

23 февраля мы снова в Фергане. Собрание было многолюдным (не меньше трехсот человек). Покаялось пять человек.

24 февраля совершили два служения в городе Карши. На обоих собраниях присутствовало около ста пятидесяти человек, одиннадцать покаялись. Среди покаявшихся было двое глухонемых из мусульман.

Церковь в Каршах основана недавно. Одними из первых благовестников в 1990 году здесь были молодые христиане из Донецкого объединения. Ответственным за группу был Александр Бублик — благовестник из Ростова-на-Дону. Тогда эта группа испытала сильное гонение от мусульман. Александр Бублик был жестоко избит. Господь благословил их благовестие: несколько душ приняли крещение.

25 февраля мы находились на пути в Таджикистан. Военные

действия там то затихали, то вновь разгорались. Мы много молились о том, чтобы Господь позволил нам и там проповедовать Евангелие.

Когда мы подъехали к границе, узбекские таможенники высадили нас из автобуса и стали производить досмотр. При личном обыске меня спросили, везу ли я с собой доллары. Я ответил, что везу, так как мы совершаем длительную поездку по различным республикам и меняем их по мере надобности на национальную валюту. Нас вернули в автобус, заявив, что доллары из Узбекистана вывозить запрещено. Я пытался объяснить, что сейчас на таможне Таджикистана с нас за въезд потребуют плату долларами, а где мы их должны будем взять? Но все было напрасно. Грустные, мы около сорока минут стояли у своего автобуса и молились. Проделан такой длительный путь! Неужели зря?!

К нам подошла переводчица и спросила, почему мы не уезжаем, неужели нам что-то не ясно? Мы рассказали о цели нашей поездки и о возможном срыве намеченных богослужений. Я сказал, что удивлен такими порядками. Когда мы проезжали по Узбекистану, все представители власти внушали нам и просили везде передавать, что Узбекистан живет хорошо. Здесь же нас пытаются лишить денег. Что доброго мы сможем сказать об Узбекистане в России и Украине? Переводчица ушла. Минут через пятнадцать из здания вышло шестеро офицеров. Один из них спросил:

— Кто здесь священник?

Я ответил, что являюсь христианским священнослужителем. Он велел подойти к ним и тихо спросил:

— Вы можете помолиться за нас?

Я ответил, что сначала хотел бы знать, о чем молиться.

— Помолитесь о том, чтобы мы остались живы: война ведь рядом!

Я согласился помолиться, напомнив, что христиане молятся без головных уборов. Почти все сняли головные уборы, и я совершил молитву за них и попросил Господа открыть нам путь. Начальствующий дал команду, чтобы нас пропустили без личного обыска. Это было настоящее чудо! С благодарностью Господу мы въехали на территорию Таджикистана.

26 февраля утром совершили богослужение в Душанбинском доме молитвы. В служении принимал участие Иван Петрович Плетт — служитель, ответственный за Среднеазиатский регион. Господь благословил служение и ободрил братьев и сестер, живущих в постоянных переживаниях. Присутствовало около ста пятидесяти

человек, покаялось — восемнадцать. Среди покаявшихся были два глухонемых таджика.

Вечером на этом же месте провели еще одно собрание. Было так же многолюдно. Еще три души примирились с Богом.

27 февраля рано утром мы отправились в обратный путь.

На таможне нас долго держали и обыскивали автобус. В пути до Ташкента нас останавливали и проверяли документы более тридцати раз.

28 февраля мы еще раз провели богослужение в Ташкентском доме молитвы. Народу собралось очень много. Люди стояли в проходах. Много было посетителей из зарегистрированных церквей. Более тридцати душ каялось перед Богом. Среди них — глухонемой казах и три студентки музыкального училища.

1 марта. Первый день весны мы встретили в Чимкенте (Казахстан). Верующих нашего братства здесь мало. В зале общеобразовательной школы утром собралось сто семьдесят человек. Большинство из них были членами зарегистрированной церкви. Покаялось десять человек.

Вечером с небольшим опозданием мы совершили служение в Бурном. Народу было очень мало, никто не покаялся.

2 марта утром провели собрание в Доме культуры города Жанатас. Покаялось семь человек.

Церковь здесь образовалась лет десять назад. Город представляет собой печальное зрелище. Большинство многоэтажных домов брошены. При первой возможности в таких домах люди выламывают все, что горит,— только так поддерживается тепло в квартирах. Здесь нет ни газа, ни угля, ни дров. Квартиру, где собиралась церковь, тоже разграбили. Один верующий казах пригласил единоверцев в свое жилище.

Вечером провели евангелизационное служение в зале музыкальной школы города Каратау. Присутствовало шестьдесят человек, покаялось — шестнадцать.

3 марта провели три собрания в Таразе.

В 10 утра собралось сто двадцать человек в доме молитвы, где пресвитерское служение нес Яков Григорьевич Скорняков. Покаялось восемь человек.

В 14 часов, по просьбе местных братьев, мы начали служение в новом доме молитвы небольшой зарегистрированной церкви, расположенной к нашему братству. Присутствовало более ста человек. Четверо обратились к Богу с покаянием.

В 19 часов мы были уже на евангелизационном собрании во

второй церкви нашего братства, где пресвитер — Петр Федорович Панафидин.

Большой дом молитвы наполнился до отказа. Люди стояли, где только было можно. Мы не смогли сосчитать всех желающих покаяться. Дети, молодежь, люди среднего возраста и пожилые со слезами склонялись перед Господом. Покаяние продолжалось около часа, так как каждый молился вслух.

На 4 марта было запланировано евангелизационное собрание в доме молитвы центральной зарегистрированной общины Тараза. Прибыл и старший пресвитер по области. Нам предоставили возможность полностью проводить служение. Присутствовало около пятисот слушателей. Тридцать человек обратились к Богу. Мы дали возможность помолиться каждому, кто захотел покаяться перед Богом.

Здесь произошел интересный случай. Когда желающие покаяться склонились на колени, один старец с множеством орденов на кителе стал упорно пробираться вперед, приговаривая:

— Дайте пройти, дайте пройти!

Подойдя к брату, державшему микрофон, он громко спросил:

— А участнику войны будут какие льготы?

— Конечно, будут,— серьезно ответил брат,— вам первому предоставляется возможность попросить у Господа прощение за свои грехи.

Вечером мы совершали служение в селении Мерке, в доме молитвы. Присутствовало сто десять человек, девять из них обратились к Богу.

На этом собрании мы с удовольствием слушали проповедь уверовавшего казаха. После служения люди долго не расходились, то тут, то там беседовали группами. Еще пять человек пожелали покаяться.

5 марта мы снова были в Киргизии.

Утром совершили служение в Доме культуры поселка Каинды. Присутствовало тридцать пять человек, покаялось — семь.

Вечером прибыли в столицу Киргизии — Бишкек. Было приятно видеть отстроенный дом молитвы, который вместил более ста пятидесяти человек. В прошлые годы мы дважды посещали Бишкек, но тогда никто из слушателей не обратился к Богу. Мы переживали и молились о пробуждении. Господь благословил служение: около тридцати душ покаялись.

6 марта было служение в Васильевке. Дом молитвы вместил около семидесяти человек, покаялось — пятеро.

Во время обеда, когда мы сели за стол, в комнату вошла сестра (бывшая мусульманка) и поставила передо мной большущий торт с надписью: «С днем рождения!» В постоянном служении нам некогда было думать о личных праздниках, но в этот раз пришлось вспомнить о своем дне рождения.

Вечером провели собрание на станции Ивановка. Отсюда почти все члены церкви выехали в Германию, но несколько человек осталось и дом молитвы сохранился. Благодаря усердию друзей было собрано около ста пятидесяти человек. Покаялось всего пять человек.

7 марта утром совершили служение в молитвенном доме села Орловка. Присутствовало восемьдесят человек, покаялось — одиннадцать.

Вечером приехали в Токмак. Небольшой дом молитвы мог бы еще вместить желающих, но их не было. Из шестидесяти присутствующих покаялось шестеро.

8 марта утром провели богослужение в Бишкекском доме молитвы и попрощались с Киргизией.

В 16 часов мы были уже в селении Кербулак (Казахстан). Евангелизационное собрание проходило в частном доме. Собралось пятьдесят человек. Покаялось — четверо.

9 марта утром совершили служение в Ленинском. Господь благословил общение. В доме молитвы собралось более ста человек, покаялось — восемнадцать.

В 16 часов началось богослужение в молитвенном доме зарегистрированной церкви города Шу. Небольшой дом был переполнен. Присутствовало около двухсот человек. Мы свидетельствовали об узком пути. Дух Божий побудил к покаянию около тридцати душ.

10 марта ночью прибыли в поселок Мирный. Церковь здесь молодая, совсем маленькая. Несмотря на угасающую жизнь в поселке, Господь помог братьям построить дом молитвы. На богослужение пришло тридцать пять слушателей. Покаялось девять человек.

Более жалкое зрелище представил собой поселок Аксуйек. Полная разруха. В неимоверно трудных условиях маленькая группа верующих подвизается добрым подвигом веры. В поселке нет даже питьевой воды. Ее привозят, бывает, и не каждый день. На праздник Жатвы на скромную витрину ставят стакан питьевой воды, за которую сердечно благодарят Господа.

В этом поселке евангелизационное собрание провели вечером 10 марта. Собралось человек сорок. Двое покаялись.

Далее наш путь лежал на юг Казахстана — в Алма-Атинскую область.

11 марта в обед совершили служение в зале общеобразовательной школы Каскелена, где уборщицей работала молодая казашка, обратившаяся к Богу. По ее просьбе директор бесплатно предоставил зал. Собралось более ста человек.

С большим вниманием и с благодарностью Господу мы слушали проповедь молодого проповедника из казахского народа, о котором можно написать целую повесть. Евангелие он стал читать шесть лет назад. Его отец — мулла (мусульманский священнослужитель) — сначала не придавал этому значения. Когда сын на нашем собрании покаялся (во время нашего первого посещения Каскелена) и заявил, что стал христианином, отец воздвиг на него сильные гонения. Видя кроткую твердость, его брат тоже заинтересовался Евангелием и покаялся. Когда мы посетили Каскелен в третий раз, оба брата были уже членами церкви. Они женились на казашках, которые приняли крещение по вере в Иисуса Христа. Потом обратилась к Господу и их сестра. Отец рассвирепел в полном смысле слова и заявил, что сыновей он еще может оставить в покое, как мужчин, но если дочь будет христианкой, он ее убьет. Дочь ушла из дома и жила при доме молитвы. Она-то и работала уборщицей в школе. Ко времени нашего последнего посещения Каскелена отца уволили из рядов священнослужителей, он начал читать Евангелие.

12 марта утром провели собрание в поселке Жалкамыс, в холодном помещении. Пришло всего двадцать два человека, но более десяти из них совершили молитву покаяния.

Вечером в поселке Мирном (Талгарский район) нам предоставили большой спортивный зал, где собралось около ста пятидесяти человек. Среди них были школьники.

13 марта мы были в Талгаре. Церкви нашего братства там нет. Евангелизационное собрание провели утром в актовом зале техникума. Собралось около сорока слушателей. Студенты то приходили, то уходили. К Богу обратилось три человека.

Вечером провели собрание в большом молитвенном доме церкви города Иссыка. Присутствовало более двухсот человек. Покаялось — двадцать девять (включая детей).

14 марта утром — служение в центральной церкви Алма-Аты. В доме молитвы присутствовало более двухсот пятидесяти человек. Покаялось шестьдесят четыре души (включая детей).

Вечером провели евангелизационное служение в доме молитвы по улице Котовского. Вместилось в дом сто восемьдесят человек, покаялось двадцать четыре.

15 марта утром совершили служение в доме молитвы города

Капчагай. Из ста присутствовавших двадцать обратились к Богу с покаянием.

К 17 часам мы с трудом успели на служение в Талдыкорган. Дом молитвы был сильно переполнен. Присутствовало не менее трехсот человек, покаялось — пятьдесят шесть.

16 марта утром благовествовали в Доме культуры города Уштобе. Собралось около двухсот слушателей. Покаялось девятнадцать человек.

Вечером провели евангелизационное собрание в служебном помещении на станции Коксу. Присутствовало семьдесят человек, покаялось — восемь.

17 марта ввиду поломки автобуса утреннее служение не состоялось.

Вечером провели собрание в городе Кугалы в здании бывшего горкома партии. Чудные дела Божьи! Присутствовало более ста человек, покаялось — семнадцать.

18 марта утром снова были в Талдыкоргане. В молитвенном доме собралось сто шестьдесят человек, восемь из них обратились к Богу.

Вечером провели служение в доме молитвы поселка Кировский. Присутствовало сто шестьдесят человек, покаялось — одиннадцать.

19 марта в 10 утра — собрание в Доме культуры поселка Карабулак. Было около двухсот человек, покаялось — пятнадцать.

Вечером состоялось евангелизационное служение в городе Текели. На собрании присутствовало сто сорок человек, покаялось — восемь.

20 марта утром провели евангелизацию в Андреевке, в школе искусств. Из ста десяти присутствовавших девять обратились к Богу.

Вечером у нас было молитвенное богослужение с местными христианами и вечеря Господня.

21 марта утром благовествовали в общеобразовательной школе города Аягуз. Пришло всего тридцать пять человек, один помолился молитвой покаяния.

22 марта утром провели евангелизационное служение в городе Усть-Каменогорске. Братья арендовали кинотеатр на пятьсот мест. Все места были заняты. Покаялось тридцать два человека.

К вечеру с большими трудностями пробрались через заснеженные горы в Зыряновск. Братья и сестры были очень рады нашему приезду, из-за плохих дорог их редко посещают. В доме молитвы собралось не менее трехсот человек. Покаялось сорок семь душ.

Утром пошел снег. Рейсовые автобусы стояли, но нам надо было

ехать: нас ждали в Северном Казахстане. Братья благословили нас в опасный путь, и мы с трудом проехали по горным неогражденным дорогам.

23 марта провели собрание в доме молитвы зарегистрированной церкви Семипалатинска. Из ста двадцати человек шестнадцать каялись перед Богом в своих грехах.

24 марта вечером благовествовали в заброшенном здании школы-интерната Темиртау. Братья и сестры местной церкви много потрудились, чтобы собрать народ. В коридоре поставили железные печки (буржуйки). Пришло около двухсот слушателей. Двадцать два человека покаялись. Среди покаявшихся были завуч школы и бывший лектор атеизма. После благовестия в этом районе организовалась группа верующих.

25 марта утром совершили служение в Карагандинском доме молитвы, на шестидесятой шахте. Из ста присутствовавших покаялось семь человек.

Вечером провели собрание в Токаревке. Присутствовало восемьдесят человек, покаялось — тридцать.

Далее наш путь лежал в Жезказган. Свирепствовал буран, дороги перемело, но собрания были назначены, и мы, помолившись, решили ехать. С нами попросился поехать служитель из Караганды — Рудольф Давидович Классен. Мы отговаривали его, так как путь был далеким и опасным, а здоровье у него слабое, но он упрашивал нас, повторяя:

— Я хоть буду молиться.

26 марта рано утром прибыли на станцию Жарык, где совершили служение в клубе железнодорожников. Присутствовало девяносто слушателей, покаялось — семнадцать.

Хотелось бы отметить ревностное служение ответственного за церковь брата. Он мог бы спокойно жить в Германии, но остался с семьей ради проповеди Евангелия. В 2000 году негодный человек убил его жену, но служитель все же не покинул церковь.

К вечеру достигли поселка Жайрем. Служение совершали в заброшенном детсаде. Из шестидесяти слушателей никто не ушел, хотя было очень холодно. Покаялось девятнадцать человек.

27 марта на рассвете отправились на рудник Сатпаев. Дорогу совершенно занесло снегом. Автобус двигался очень медленно, его кидало из стороны в сторону. Много раз приходилось выталкивать его из сугробов. Рудольф Давидович тоже толкал и совсем изнемог.

Лишь по милости Божьей мы не остались ночевать в заснеженной степи.

Служение на руднике было намечено на 19.30, а мы прибыли только в 21 час. К удивлению, многие ждали нас. Сразу сообщили о нашем приезде, кому было возможно, и совершили богослужение. Закончилось оно почти в полночь. Присутствовало сто десять человек, трое обратились к Богу.

Каким желанным был для нас отдых после такой трудной дороги! Господь по милости Своей обновил наши силы.

28 марта утром — евангелизационное собрание в Жезказгане. В доме молитвы было около двухсот слушателей, двадцать семь покаялись.

Нам предстоял длительный переезд до Темиртау и Караганды (около 500 км). Автобус был неисправен, но отменять намеченные богослужения мы не имели права. Помолились и решили ехать на поезде, а водителя с автобусом оставили.

29 марта в Темиртау нас встретили на вокзале, и мы опоздали на служение всего на двадцать минут.

Дом молитвы был сильно переполнен, присутствовало не менее четырехсот человек. Наша усталость была сполна вознаграждена: пятьдесят восемь душ обратились к Богу с покаянием, из них четверо были глухонемые.

К 13 часам братья доставили нас в Караганду. В доме молитвы собралось около трехсот человек, покаялось в тот день тринадцать душ.

В 17 часов нас привезли в дом молитвы меннонитов. Там собралось почти триста пятьдесят человек. Покаялось семнадцать душ. Мы были до предела утомлены, но вместе с Давидом искренне хотелось повторять: «Благослови, душа моя, Господа!»

30 марта утром наш водитель, совершенно изнемогший, приехал к нам на автобусе. Сменив его, мы отправились в путь и в полдень провели собрание в поселке Киевка. Некоторое время дом молитвы там пустовал: вся церковь выехала в Германию. Потом в Киевку переселился брат с семьей, и дело стало налаживаться.

Из семидесяти присутствовавших на евангелизационном служении тринадцать (включая детей) со слезами просили прощения у Господа.

Вечером мы прибыли в столицу Казахстана — Астану. Церкви нашего братства там не было. Служение назначили в зале общеобразовательной школы. Сначала было очень мало слушателей, но постепенно зал наполнился. Покаялось тринадцать человек.

31 марта утром прошло благословенное служение во Дворце культуры поселка Астраханка. В прошлый раз нам не дали помещения

для богослужения и мы благовествовали прямо на площади. Тогда прибыл сам начальник милиции с подчиненными. Они очень мешали нам. Теперь же брату, ответственному за церковь, предлагали даже выкупить Дворец культуры для богослужений. Во дворце собралось около двухсот пятидесяти человек, покаялось — двадцать девять.

Вечером — евангелизационное служение в Макинском доме молитвы. Из ста пятидесяти человек покаялось двадцать восемь.

1 апреля утром совершили служение в Степняке. Весна здесь еще совсем не ощущалась. В дом молитвы пришло около пятидесяти человек, покаялось — десять.

Вечером проводили собрание во Дворце культуры Степногорска. Слушателей было около трехсот человек, покаялось — тридцать два.

2 апреля утром благовествовали в Доме культуры поселка Заводской. Из сорока пяти слушателей тринадцать обратились к Богу с покаянием.

Вечером провели собрание в Щучинске. Дом молитвы вместил около ста восьмидесяти душ. Покаялось — одиннадцать, один из них — глухонемой.

3 апреля утром благовествовали в Кокчетаве, в Доме культуры. Присутствовало восемьдесят человек, покаялось — восемнадцать.

Вечером — служение в Красноармейске, тоже в Доме культуры. Присутствовало около ста человек, покаялось — двенадцать.

4 апреля утреннее служение провели в Рузаевке, в небольшом доме молитвы. Из шестидесяти присутствующих четырнадцать обратились к Богу.

Вечером нас пригласили в зарегистрированную общину поселка Чистополье. Провели собрание. Присутствовало более ста человек, покаялось — шестеро.

5 апреля Господь помог провести три евангелизационных собрания:

- в 10 часов — в кинотеатре поселка Красногорский. Присутствовало около ста человек, покаялось — девятнадцать;
- в 15 часов — в Доме культуры города Есиль. Народу собралось много, более двухсот человек, покаялось около сорока душ;
- в 20 часов — в клубе поселка Тасоба. Хотя мы и спешили прибыть на богослужение вовремя, все же опоздали на 50 минут. Некоторые из слушателей уже ушли. Осталось человек восемьдесят, покаялось — шестеро.

6 апреля мы пробирались в Аркалык. Кругом — море снега. Дорога представляла собой пробитый в снегу туннель. Стены снега по бокам были вровень с крышей автобуса. В таких ситуациях очень опасен снегопад, но, к счастью, Бог послал солнечную погоду.

В 14 часов совершили служение в колледже. Присутствовало сто десять человек, покаялось — пятеро. Церкви нашего братства в Аркалыке еще нет, но несколько христиан вышли из регистрированной церкви, желая совершать служение вместе с нами.

В 20 часов мы должны были благовествовать в селении Ишимское, но не смогли приехать вовремя из-за плохой дороги. Мы опоздали на целый час, но люди ждали в холодном помещении Дома культуры (было шесть градусов мороза). При такой температуре очень трудно играть на музыкальных инструментах. Но Господь и здесь благословил служение, так как души жаждали слышать слово истины. Из девяноста слушателей покаялось восемнадцать человек.

7 апреля утром совершили евангелизационное служение в таком же холодном клубе поселка Кийма. Пришло всего сорок человек, покаялся — один.

В 15 часов благовествовали в селении Лозовое. В Доме культуры собралось около семидесяти слушателей, один покаялся.

В 20 часов провели евангелизационное служение в селении Запорожье. В Дом культуры пришло около ста шестидесяти слушателей, четверо покаялись.

На этом наша поездка по Средней Азии и Казахстану закончилась. Мы прощались с дорогими тружениками на ниве Божьей, зная, что наш ансамбль в таком составе уже не посетит эти края. Было трудно сознавать, что подавляющее большинство людей здесь живет без Христа. Только отдельным душам Господь дал силы прийти к Нему. Это, конечно, очень маленький вклад в дело евангелизации мусульманских народов Средней Азии. Уезжая, мы молились о том, чтобы у каждого обращенного был душепопечитель, который помог бы возрасти духовно и влиться в живую церковь.

8 и 9 апреля мы были в пути.

10 апреля благовествовали в городе Калач-на-Дону. В зале музыкальной школы собралось около пятидесяти человек, покаялось — трое. Это служение мы совершили по настоятельной просьбе брата, переселившегося в этот город, чтобы совершать труд благовестия.

12 апреля прибыли в Ростов-на-Дону, откуда все поехали по своим домам на отдых, до последней поездки в Сибирь.

Последняя поездка по Сибири и Дальнему Востоку

9 ИЮЛЯ 1998 года музыканты-благовестники, составляющие камерный ансамбль, собрались в Харцызске. Все вместе мы просили нашего Господа благословить предстоящую поездку, чтобы многие грешники, услышав Благую весть, воспользовались возможностью спасения.

12 июля утром провели служение в Омском доме молитвы. Желающих послушать пришло очень много, покаялось тридцать восемь человек.

В 18 часов благовествовали в селении Алексеевка. Братья поставили там палатку. Присутствовало более ста человек, покаялось — тридцать три.

По настоятельной просьбе благовестника из селения Николайполь мы поставили усилительную аппаратуру около его двора и допоздна пели, играли, проповедовали. В этом селе он — единственный представитель братства СЦ. Слушателей собралось человек сто двадцать. Большинство из них были верующие. Никто не покаялся.

13 июля утром благовествовали в Полтавке возле клуба. Постоянных слушателей было около семидесяти человек, покаялось — шестеро.

Вечером провели служение в Азово, прямо на улице. Присутствовало около ста человек, покаялось — двадцать три.

14 июля утром провели служение в Южно-Подольске. В клубе собралось девяносто человек, шесть покаялись.

Далее наш путь лежал опять в Казахстан — в Павлодарскую церковь.

15 июля утром свидетельствовали о Боге в казахском селении Аксу. В Доме культуры было очень мало людей, но один человек все же обратился к Богу.

Вечером в Павлодарском молитвенном доме было столько людей, что сосчитать их не представлялось возможным. Покаялось тридцать три человека.

16 июля в 13 часов совершили служение в селении Табуны (Алтайский край). В доме молитвы присутствовало сто десять слушателей, десять из них покаялись.

Вечером — евангелизационное служение в Кулунде. Дом молитвы был переполнен. Присутствовало сто пятьдесят душ, покаялось — шестнадцать.

17 июля благовествовали в Немецком районе.

Утром — богослужение в Доме культуры селения Гальбштадт. Собралось сто сорок душ, покаялось — девятнадцать.

Вечером участвовали в служении в доме молитвы селения Хабары. Более двухсот человек слышали весть о спасении. Покаялось двенадцать грешников.

18 июля в 14 часов прибыли в просторный дом молитвы города Славгорода. Дом был наполнен, покаялось двадцать семь душ.

18 июля вечером провели служение в Яровом. В доме молитвы собралось около ста тридцати человек, покаялось — тринадцать.

19 июля утром — служение в Благовещенке. Большой, светлый новый дом молитвы вместил не менее трехсот слушателей, покаялось — тридцать семь.

19 июля вечером — собрание в Суворовке. В клубе присутствовало девяносто слушателей, восемь покаялись.

20 июля утром в клуб села Гонохово пришло всего шестнадцать человек, двое из них покаялись.

Вечером — богослужение в молитвенном доме Барнаула. Присутствовало около трехсот слушателей, покаялось — двадцать четыре.

21 июля благовествовали в кинотеатре Бийска. Собралось около ста человек, двадцать пять покаялись.

Вечером — мы снова в Барнауле. Молитвенный дом опять был переполнен, покаялось двадцать шесть человек вместе с детьми.

22 июля в 12 часов совершили служение в музыкальной школе Заринска. Присутствовало пятьдесят пять человек, покаялось — пятнадцать.

23–25 июля мы работали в студии звукозаписи при доме молитвы в Новосибирске. Господь позволил выпустить еще одну аудиокассету (пятую) под названием «Аллилуйя, Адонай!»

25 июля, после обеда, нас срочно вызвали на неурочное служение в Белово, о чем стоит написать более подробно.

За несколько дней до нашего приезда в Белово братья поставили палатку, где намеревалась трудиться группа благовестия (в Белово верующих нашего братства было всего несколько человек). Православные священники настроили народ против верующих, и палатку разобрали. Братья дважды пытались восстановить палатку, но безуспешно. Городские власти встали на сторону православных священников.

У нас не было намерения ехать в Белово, но ответственный за благовестие по Сибири Валентин Яковлевич Фот упросил нас

прибыть к назначенному времени, чтобы совместными усилиями отстоять данное Господом право нести Евангелие всем людям.

Это было очень правильное решение, соответствующее известному правилу: в решающий момент в решающем месте сосредоточить решающие силы.

Проезжая мимо назначенного для евангелизации места, чтобы изучить обстановку, мы увидели большое скопление милиции и солдат. Они не пускали верующих на место запланированного собрания. Верующие стояли небольшими группами рядом с пятиэтажными домами. Мы отъехали метров на пятьсот и остановились. К нам тут же подъехал легковой автомобиль с четырьмя офицерами милиции. Не выходя из машины, они некоторое время приглядывались к автобусу, но, вероятно, сделали вывод, что никакого отношения к проведению общения мы не имеем, и уехали.

Помолившись, мы решили ехать к братьям на место общения. Водителю автобуса я сказал:

— Смело проезжай мимо работников милиции и солдат, ни в коем случае не останавливайся и старайся заехать прямо в середину, где наши друзья.

Он так и сделал.

Взяв микрофон, я обратился к присутствующим:

— Приветствуем всех вас, дорогие братья и сестры! Мы, представители русско-украинского братства евангельских христиан-баптистов, прибыли, чтобы тщательно расследовать и зафотографировать бесчинства, которые совершают православные в сговоре с местной властью по отношению к нашим единоверцам.

Пока я говорил, один брат взобрался на крышу микроавтобуса и стал фотографировать происходящее. Мы ожидали бурной реакции со стороны солдат и милиции, но они были в полном бездействии. Мои сотрудники быстро установили основную усилительную аппаратуру. Местные братья, зная, что жителям близлежащих домов запретили предоставлять нам доступ к электросети, привезли переносную электростанцию. Таким образом, через пять минут ансамбль уже исполнял первый гимн.

Поборов чувство волнения, мы, как обычно, два часа совершали служение (проповеди, стихи, гимны). Люди все подходили и подходили. Было видно, что представители власти находятся в какой-то нерешительности. Господь так устроил, что Евангелие было проповедано всем. Потом солдатам кто-то купил мороженого, и они уехали.

В конце был сделан призыв к покаянию. Несмотря на неподхо-

дящую, казалось бы, обстановку, семь человек попросили у Господа прощения.

Заканчивая богослужение, я обратился к жителям города:

— Дорогие слушатели, вы были свидетелями, что мы проповедовали только из Библии. Неужели у вас есть такие священники, которые дерзнули воспрепятствовать проповеди Евангелия и разобрали палатку? Может, это сделали работники государственной безопасности?

В этот момент ко мне решительно подошел высокий седеющий мужчина в гражданском и горячо сказал:

— Клянусь честью офицера! Поверьте, мы не разбирали палатку! Это сами священники затеяли...

Слава Господу, Он помог и в том месте совершить дело, к которому мы призваны!

26 июля утром — многолюдное собрание в Новосибирском доме молитвы по улице Севастопольской. Желающие слушать размещались кто где мог. Господь касался сердец. Более пятидесяти человек обратились к Богу с покаянием.

В 17 часов — служение во втором доме молитвы по улице Прокатной. Присутствовало более двухсот слушателей, покаялось девять человек. Покаяние было прервано нашим уходом, так как к 19 часам братья пообещали доставить нас в зарегистрированную церковь.

Минут на пятнадцать мы все же опоздали. Присутствовало не менее трехсот человек. Здесь мы уже не торопились и старались больше рассказать о пути, которым идет наше братство. Пятнадцать душ произнесли молитву покаяния, открыто признавая свою греховность.

27 июля утром мы опять были в студии звукозаписи, а вечером совершили служение в молитвенном доме селения Пашино. Присутствовало пятьдесят слушателей, двое покаялись.

28 июля нас опять записывали в студии. Требовательные звукооператоры старались сделать безупречную запись.

Вечером проводили служение в Бердском доме молитвы. Было около семидесяти человек, покаялось — двадцать два.

29 июля вечером совершили служение в Прокопьевске. Братья поставили большую палатку, но людей было гораздо больше, чем мест. Пришедшие плотным кольцом стояли вокруг палатки. Покаялось сорок два человека. Среди них были глухонемые.

30 июля утром благовествовали около кинотеатра в поселке Карагайлинский. Присутствовало около ста постоянных слушателей,

не считая большого числа прохожих. Под открытым небом покаялось тринадцать человек.

Вечером — богослужение в большом, новом доме молитвы Прокопьевска. Людей было не менее шестисот. Покаялось сорок человек. Это было особенное служение. Слезы радости об обращенных душах смешивались со слезами разлуки с любимым пресвитером церкви Иваном Даниловичем Унижонным. Он отошел в вечность 29 июля, но евангелизационного общения никто не хотел отменять. Оно было как бы последней проповедью старца, фамилия которого вполне соответствовала его кроткому нраву.

31 июля утром мы заехали в скромнейшую хижину, где жил Иван Данилович, попрощались с его телесной храминой, помолились с родными, а в 11 часов уже совершали служение в новом молитвенном доме Киселевска. Присутствовало около двухсот душ, покаялось — тридцать восемь.

В 18 часов — богослужение в новом доме молитвы города Новокузнецка (Байдаевка). Пришли многие из зарегистрированной церкви. Всего слушателей было не менее трехсот пятидесяти, но покаялось всего пять.

1 августа утром провели служение в Кемерово. Нас радовало усердие братьев-сибиряков в постройке домов молитвы. Здесь тоже был новый дом молитвы, в который пришло сто восемьдесят человек. Покаялось тридцать две души, в том числе восемь глухонемых.

Вечером благовествовали в Юрге. Дом молитвы там очень маленький, и братья сняли Дом культуры. Присутствовало сто сорок человек, покаялось — восемнадцать.

2 августа утром провели собрание в доме молитвы города Томска. Было более двухсот человек, двадцать покаялись. Господь еще раз подарил мне встречу с дорогими братьями и сестрами, которые опекали меня в ссылке. Да воздаст им Господь Своей милостью!

Вечером совершали служение в доме молитвы Анжеро-Судженска в присутствии двухсот тридцати человек. В служении принимал участие один из старейших служителей Совета церквей Борис Яковлевич Шмидт. Покаялось, включая детей и глухонемых, более пятидесяти человек.

3 августа — мы на пути в Хакасию.

4 августа утром и вечером благовествовали под открытым небом в деревне Мигна. Утром было очень мало людей, а вечером, когда друзья обошли селение и еще раз пригласили людей, собралось человек девяносто. Покаялось тридцать человек, включая детей.

5 августа провели два служения в Абакане во дворе большого

строящегося дома молитвы. На обоих богослужениях присутствовало более трехсот человек, покаялось — тридцать.

6 августа прибыли в Красноярск и совершили импровизированное служение в жилом квартале. Собралось человек шестьдесят вместе с детьми, девятнадцать душ покаялись.

7 августа утром благовествовали возле Дома культуры в Дзержинском. Здесь есть группа верующих. На служение собралось около тридцати слушателей, покаялось девять человек.

Вечером евангелизационное служение в Канске. В большой палатке присутствовало более девяноста слушателей, покаялось семнадцать человек. Теперь в Канске есть дом молитвы и два служителя, переселившиеся из Кемерово.

8 августа утром благовествовали возле Дома культуры в Иланском. Покаялось четырнадцать душ.

Вечером свидетельствовали о Господе в селении Партизанское, во дворе детсада. Присутствовало более ста слушателей, покаялось двадцать семь человек.

9 августа мы опять были в Красноярске. За несколько дней до нашего приезда братья поставили палатку. Городские власти категорически запретили совершать служение, угрожая репрессиями.

В 10 утра мы помолились и решили начинать служение. Люди подходили и подходили, так что пришлось поднять края палатки. Удивительно, но никто даже не попытался нам помешать. Двадцать два человека обратились к Богу с покаянием.

В 17 часов провели богослужение в небольшом доме молитвы Красноярской церкви. Сначала присутствовало человек восемьдесят, но к концу служения некоторые ушли. Покаялось два человека.

Далее наш маршрут пролегал через труднопроходимые места Заангарья. Мы вынуждены были оставить свой автобус (наш дом на колесах), договорившись с водителем встретиться в Тулуне Иркутской области.

По трудным дорогам Заангарья нас возили на двух микроавтобусах опытные местные братья.

Заангарье зовут медвежьим краем. Это название вполне соответствует действительности: глухомань, где водятся медведи и множество зайцев. Люди очень мало интересуются духовными вопросами.

10 августа плыли на пароме по красавице Ангаре.

11 августа прибыли в Мотыгино.

В 12 часов совершили служение в центре поселка. Люди проходили мимо. Постоянных слушателей было около сорока.

Графика проведения собраний в этой местности почему-то

не было. Мы на ходу планировали с местными братьями наше дальнейшее служение.

Слава Христу! И здесь есть души, горящие желанием нести людям весть о спасении. Молодой брат, переселяющийся в поселок Первомайск, не отходил от нас со своей просьбой, пока мы не согласились совершить там незапланированное служение. Нам опять пришлось переправляться через реку и отклоняться от намеченного маршрута.

12 августа в 12 часов благовествовали в Первомайске возле Дома культуры. Собралось более семидесяти человек, покаялось — семь. Сейчас в этом поселке организована община.

Вечером мы поставили усилительную аппаратуру около многоэтажных домов в Раздолинске. Многие слушали проповедь Евангелия, не выходя из своих квартир. Около нас собралось восемьдесят человек, семь из них покаялись. Один из покаявшихся сложил у наших ног кришнаитскую литературу.

Далее нам преградила путь мелководная, но широкая и быстрая река. Наши водители додумались вывести вверх выхлопную трубу в микроавтобусах и перевезли нас через реку. До этого, пока мы совершали служение, они несколько часов провели в холодной воде, выискивая наиболее удобное для переезда место.

13 августа с трудом прибыли в Каменку, а слушателей у клуба собралось человек двадцать пять. Молитву покаяния совершил один мужчина, да и то в нетрезвом виде. Здесь я много раз вспоминал труд сибиряков-благовестников, которые затрачивали ради немногих душ много средств и сил.

Вечером мы благовествовали в клубе поселка Орджоникидзе. Из шестидесяти пяти слушателей тринадцать человек покаялись.

14 августа отправились в Кодинск. Проезжая через селение Богучаны, решили провести служение в центре села. Остановившись, стали приглашать прохожих посетить богослужение в доме молитвы.

У этого селения такое красивое название, но как мало люди интересуются духовными вопросами! Они проходили мимо нас, только человек шесть остановились и внимательно слушали.

Вечером в молитвенном доме Кодинска собралось более сорока человек, покаялось только трое.

15 августа мы были уже в Иркутской области. В этот день провели три служения: два в Братске (слушателей было мало, но восемь душ покаялись) и одно в Вихоревке, около Дома культуры. Из сорока присутствующих только одна душа обратилась к Богу.

16 августа прибыли в Тулун, где нас ожидал наш автобус.

Утром мы провели молитвенное богослужение с местными братьями и сестрами в маленьком домике, где они собираются для прославления Господа.

Днем и вечером благовествовали под открытым небом в разных районах города. На обоих служениях присутствовало около ста слушателей, покаялось — шестнадцать.

17 августа прибыли в Иркутск. Евангелизационное собрание было назначено в Доме культуры на 18 часов. Вместо отдыха мы согласились провести незапланированное благовестие в жилом квартале среди многоэтажных домов. Приглашали также слушателей на богослужение в Дом культуры. Слушали нас около тридцати человек.

Вечером в Доме культуры было около семидесяти человек, десять покаялись.

18 августа благовествовали в поселке Мухоршибирь (Бурятия). Из шестидесяти пяти слушателей семь человек обратились к Богу.

19 августа провели два собрания в Чите. На обоих служениях в доме молитвы присутствовало сорок пять человек, семь из них произнесли молитву покаяния.

В Чите мы опять оставили водителя с автобусом, так как на Дальний Восток для автобуса дороги нет.

21 августа на поезде прибыли в Амурскую область, в Шимановск.

В 13 часов благовествовали возле рынка и приглашали слушателей на богослужение, назначенное на следующий день в доме молитвы.

Вечером провели молитвенное служение с местными братьями и сестрами.

22 августа в 10 часов мы опять свидетельствовали о Боге возле кинотеатра и приглашали людей в дом молитвы.

В 14 часов служение совершали во дворе дома молитвы, так как в доме все желающие не смогли бы уместиться. Из приглашенных пришло человек пятьдесят. К великой радости местных братьев и сестер, семь человек покаялись. Для нас это было маленькое, обычное собрание, а для них — большое, благословенное, так как здесь уже три года не было ни одного крещения.

Вечером мы посетили молитвенный дом зарегистрированной церкви. У нас создалось такое впечатление, что все тридцать пять присутствующих еле-еле живы духовно. Покаяний не было.

23 августа в 10 часов совершили служение в Благовещенском доме молитвы. Из ста десяти слушателей покаялось пятнадцать человек.

В 16 часов провели собрание в зарегистрированной церкви. Присутствовало около ста человек, пятеро покаялись.

24 августа, соответственно плану, провели три евангелизационных служения:

- в Знаменке — возле Дома культуры. Из двадцати слушателей покаялось девять;
- в Святорусовке — тоже возле Дома культуры. Из тридцати слушателей четверо обратились к Богу;
- в Ровно — тоже возле Дома культуры. Присутствовало сорок пять человек, двенадцать покаялись.

25 августа утром благовествовали в селении Дим. Верующих там еще не было, но собралось более пятидесяти слушателей, пятнадцать человек покаялись. Некоторые со слезами рассказывали о своих родителях, расстрелянных за веру в Иисуса.

В 16 часов в Поярково провели евангелизационное служение во дворе молитвенного дома. Из шестидесяти сельчан покаялось одиннадцать.

26 августа утром благовествовали в Доме культуры поселка Бурея. Из пятидесяти слушателей покаялось десять человек.

Вечером в поселке Прогресс провели евангелизацию возле Дома культуры. Это здание расположено на центральной площади, которую окружают многоэтажные дома. Мы решили в здание не заходить. Людей собралось, на удивление, много. Слушали очень внимательно.

Прибывшие представители власти велели мне зайти в здание Дома культуры и стали угрожать арестом. Я заявил, что сейчас сообщу об их угрозах собравшимся на площади людям и пусть они сами решат, продолжать ли нам служение. Представители власти запротестовали. В ответ на это я заявил, что должен идти к друзьям, но меня не отпускали. Служение продолжалось. Представители власти вызвали нашего солиста и с угрозой заявили, что дают нам час, и, если мы в течение этого времени не уберемся, нам будет плохо. Брат спокойно посмотрел на часы (служение шло уже полтора часа) и сказал, что очень благодарен за предоставленное время — это даже больше, чем нам нужно.

Покаялось в тот вечер четыре человека. Слушатели задавали много вопросов.

27 августа провели два служения в Свободном. На обоих собраниях возле разных домов культуры присутствовало около шестидесяти человек, покаялось — пятнадцать.

28 августа утром — служение в небольшом молитвенном доме

зарегистрированной церкви Белогорска. Присутствовало пятьдесят слушателей, три человека покаялись.

На поезде отправились в Хабаровский край.

29 августа в 4 утра прибыли в Биробиджан и только к 8 утра разыскали домик, где собирается группа верующих нашего братства. Почти не отдохнув, провели благовестие около дома. Присутствовало двадцать пять слушателей, трое покаялись.

Сразу после служения поспешили на поезд, отправляющийся в Хабаровск.

30 августа в 10 утра (опять почти без отдыха) совершали служение в новом доме молитвы Хабаровской церкви. Присутствовало девяносто человек, покаялось — десять.

В 20 часов мы уже были в молитвенном доме Комсомольска-на-Амуре. Церковь здесь молодая, в ней около восьмидесяти членов. Когда мы были здесь два года назад, нам запланировали пять служений в один день. Тогда на последние два служения нам пришлось разделиться. Конечно, провести столько собраний полноценно было просто невозможно, но это говорило о горячем желании церкви отдать на благовестие все силы.

31 августа, спустившись по Амуру вниз, совершили служение в Богородском. В просторном доме молитвы собралось около семидесяти душ. Покаялись две женщины, одна из них — ульчанка.

1 сентября совершили два служения в небольшом доме молитвы в поселке Булава. На обоих собраниях присутствовало пятьдесят пять человек, покаялось — трое, одна из них ульчанка.

2 сентября благовествовали в клубе села Нижнетамбовского. Из сорока слушателей пятнадцать обратились к Богу.

3 сентября мы должны были ехать в Амурск, но директор школы в Нижнетамбовском упросила провести у них служение. Были собраны все старшеклассники. Мы много свидетельствовали об Иисусе Христе. К покаянию они не были готовы.

К 13 часам мы все же успели на запланированное служение в больнице города Амурска. Слушателей было очень мало.

Вечером благовествовали в каком-то общежитии. Присутствовало около пятидесяти душ, покаялось — одиннадцать.

4 сентября утром прибыли в Комсомольск-на-Амуре. Здесь с нами произошла незабываемая история.

Незадолго до нашего приезда христиане хоронили почившую в Господе старицу. Ее сын — нераскаянный грешник — был членом местной мафии. На похоронах присутствовал главный мафиози по прозвищу Джем. В прошлом он отбывал наказание вместе

с Николаем Ерофеевичем Бойко. Расспрашивая о нем у верующих, Джем узнал о приезде нашего ансамбля и пригласил совершить служение у него в «реабилитационном центре». Это был большой остров на Амуре, где Джем содержал освободившихся рецидивистов.

Не предупредив нас, местные братья дали согласие на проведение собрания на острове, а утром сообщили нам об этом.

Приехали мафиози на дорогих иномарках. Всех машин, включая джипы, было более двадцати. Джем — седеющий, крепкого телосложения мужчина — громко назвал мою фамилию. Я отозвался. Он задал несколько проверочных вопросов о Николае Ерофеевиче Бойко, на которые я быстро ответил, так как хорошо знал брата.

— Ну что, поехали? — спросил он.

Я посмотрел на моих оробевших сестричек, мысленно помолился и с улыбкой ответил:

— Конечно, поехали. Сейчас погрузим аппаратуру и инструменты.

— Вам грузить не придется,— сказал Джем и скомандовал: — Быстро все погрузить!

Крепкие, коротко постриженные молодцы, до сих пор молча стоявшие у автомобилей, мигом все погрузили и рассадили нас, двенадцать приезжих и местного пресвитера, по машинам. Одна сестра только на острове вспомнила, что ее скрипка осталась в доме молитвы,— так все было неожиданно.

Колонна, которой все уступали дорогу, примчалась на берег Амура, к закрытым воротам с надписью: «Благотворительное общество „Сострадание“». Ворота распахнулись. Нас пересадили в небольшие быстроходные катера, и минут двадцать мы плыли по Амуру к загадочному острову.

На берегу острова мы увидели стоявших плотной стеной его обитателей. Их было не менее ста пятидесяти.

Подключившись к передвижной электростанции, мы приготовились к служению. По команде Джема слушатели расположились кто на лавках, кто на траве. Сам Джем сел впереди с двумя женщинами. Ему заботливо подали пиалу с чаем и рядом поставили горячий чайник.

Вначале я допустил оплошность: мне нужно было самому совершить молитву, тактично предложив слушателям встать, а я поручил начать служение молитвой сопровождавшему нас молодому служителю. Он громко, почти командным тоном, велел всем встать для молитвы. Джем сразу возмутился:

— Что, сразу и агитировать? Не надо! Тут я командую. Мы

тоже верующие. Могу крест показать. Мы вот батюшке к церкви асфальт проложили. Доброе дело делаем. Он у нас тоже на иномарке ездит...

Я постарался снять эту напряженность, и мы начали свидетельствовать о Господе. Слушали нас очень внимательно. В глазах несчастных людей отражалась глубокая скорбь и непреодолимое желание жить другой жизнью. Когда мы рассказали о наших страдальцах за веру и исполнили гимны «О Тебе пою, Спаситель», «Безграничный, в милости великий» и музыкальную композицию «Мама» со словами:

За железной тюремной решеткою
Ослабевший в тяжелой борьбе,
Помолившись у нар Богу шепотом,
Мама, вспомнил я вновь о тебе...

— лица многих поникли. Казалось, у некоторых на глазах вот-вот выступят слезы, но для этих людей слезы — позор.

В заключительном слове я говорил о милости Господа к каждому раскаявшемуся грешнику и закончил такими словами:

— Перед Иисусом Христом преклонится всякое колено! Перед безбожниками и наши братья не преклонялись, но перед распятым Спасителем, за меня отдавшим жизнь, я смиренно склоняюсь, благодаря Его за любовь и спасение, подаренное всем людям. Очень прошу встать тех, кому дорог распятый за нас Христос, и я помолюсь за вас...

Джем несколько секунд сидел. Все смотрели на него. Потом он медленно поднялся и сказал:

— Ну, перед Христом, братва, надо встать.

Все поднялись. Я совершил молитву.

Мы стали собираться в обратный путь. Нас приглашали на уху из кеты, но мои сестрички явно желали скорее уехать, да и до следующего служения оставалось мало времени. Нас благополучно доставили до пристани, а потом — до дома молитвы. В нашем присутствии никто не произнес ни одного скверного слова. Только один попытался сказать что-то нецензурное, но Джем так взглянул на него, что тот в лице изменился.

Вечером мы благовествовали возле школы в поселке Галичный. Людей было совсем мало. К нашей радости, покаялся завуч школы.

5 сентября прибыли в порт Ванино. Сколько заключенных христиан было отправлено в места ссылок из этого порта! Сколько здесь было пролито слез! Два с половиной года назад мы с камерным

ансамблем посещали эту местность. После этого церковь пережила разделение. Господь помог братьям и сестрам построить дом молитвы. Утром в этом доме собралось не менее ста слушателей, семнадцать человек покаялись.

6 сентября мы совершили служение в Комсомольске-на-Амуре во дворе молитвенного дома, так как в доме невозможно было уместить всех желающих. Покаялось двадцать пять душ.

В 15 часов благовествовали в парке. Присутствовало человек пятьдесят. Никто не покаялся.

Вечером провели богослужение в Эльбане в строящемся доме молитвы. Собралось шестьдесят пять человек, пять обратились к Богу.

Ночью на поезде мы поехали в Вяземский.

7 сентября нас с вокзала привезли в новый, большой дом молитвы. Здесь мы провели два служения. На обоих служениях присутствовало более ста пятидесяти человек, одиннадцать из них обратились к Богу.

8 сентября мы были уже в Приморье. Провели собрание в Кировском. Было всего тридцать пять слушателей, пять из них покаялись.

9 сентября утром свидетельствовали в поселке Спасск-Дальний, в Доме культуры. Присутствовало всего двадцать девять слушателей, четыре человека покаялись.

Вечером провели служение в Ярославском. Из пятидесяти слушателей шесть произнесли молитву покаяния.

10 сентября совершили евангелизационное служение в жилом квартале поселка Хороль. Присутствовало около пятидесяти слушателей, покаялось — одиннадцать.

Вечером благовествовали в поселке Новошахтинский около Дома культуры. Из шестидесяти слушателей двенадцать обратились к Богу.

11 сентября в 10 утра — богослужение в доме молитвы зарегистрированной общины Владивостока. Присутствовало сто тридцать душ, покаялось тринадцать человек.

Вечером благовествовали в кинотеатре «Владивосток». Присутствовало не менее двухсот слушателей, десять покаялись.

12 сентября утром провели служение в небольшом молитвенном доме села Варфоломеевка. Из тридцати слушателей шесть обратились к Богу.

Днем совершили служение в молитвенном доме города Арсеньева. Из сорока слушателей двое покаялись.

Вечером благовествовали в военном городке поселка Воздвиженка. В Доме культуры присутствовало сорок взрослых и очень много детей. Четверо взрослых покаялись. Многие дети тоже хотели покаяться. Мы совершили о них общую молитву.

13 сентября утром провели богослужение в Уссурийске — в новом большом доме молитвы. Из ста двадцати присутствовавших семнадцать человек покаялись.

Вечером мы опять были во Владивостоке в строящемся доме молитвы. Из ста слушателей десять человек покаялись.

14 сентября утром благовествовали в совхозе, неподалеку от города Артема. Шел дождь. Пришлось тесниться в маленьком доме. Из тридцати вместившихся в дом шестеро покаялись.

Вечером провели служение в Новом, в Доме культуры. Присутствовало пятьдесят человек, восемь из них покаялись.

15 сентября утром провели служение около Дома культуры в селе В.-Надеждинское. Из тридцати присутствовавших шестеро покаялись.

В 17 часов — собрание около многоэтажных домов в Раздольном. Присутствовало девяносто слушателей, к Богу обратилась только одна душа.

Наша поездка по Дальнему Востоку подошла к концу. Мы благодарили Господа за то, что Он помог нам еще раз проповедовать Евангелие в таком далеком крае, но грустно было сознавать, что этим составом мы уже никогда не будем благовествовать. Вдали от Украины, на берегу Тихого океана, наш ансамбль заканчивал свое девятилетнее служение Господу — проповедь Евангелия многим народам. В течение этой поездки мы провели сто двадцать одно служение.

Поездом мы добрались до Читы и через Мухоршибирь на своем автобусе поехали в Красноярск.

20 сентября утром мы совершили молитвенное благодарственное служение в Красноярской церкви.

21 сентября приехали в Новосибирск. Братья посоветовали нам ехать новой дорогой на Омск. Дорога была отличная, но, не доезжая шестьдесят километров до Омска, она перешла в грунтовую.

Шел мокрый снег. Автобус застрял в грязи. Произошла серьезная поломка. Водитель объявил, что нужно одну деталь ковать в кузнице и на это уйдет не менее суток.

Это случилось 23 сентября. В нашей группе была сестра, которой через три дня предстояло бракосочетание. Все были очень печальны, а невеста — в крайне подавленном состоянии. Стали

молиться. Перед многими встал вопрос: почему так случилось? После молитвы решили отправить невесту поездом в Москву. Расставались сестры со слезами. Невеста смирялась с тем, что на браке не будет дорогих сотрудников и ансамбля.

Но Бог и в этот раз не оставил нас! Наш солист ушел в степь и через час вернулся на трехосном вездеходе. Шофер откликнулся на просьбу нашего брата и пожелал помочь. Нам он рассказал, что его родители были верующими. Замерили деталь, и через четыре часа она уже была готова.

Через шесть часов после поломки мы с благодарностью Господу тронулись в путь, а невеста с огорченным сердцем уехала поездом. Какой же она была изумленной и радостной, когда, восходя на помост, сделанный для новобрачных, увидела, что ансамбль в полном составе готов прославлять Господа!

Но на этом наше служение еще не закончилось. Служители Совета церквей еще раз направили нас в Германию на конференцию миссии «Фриденсштимме».

Конференция была очень многолюдной (присутствовало около семи тысяч слушателей). В Западной Германии нам почему-то запланировали всего восемь служений, зато несколько служений мы могли совершить в Восточном Берлине.

Из Германии мы возвращались осенью. Увядающая природа навевала грусть. Короткое время массового благовестия заканчивалось. Предстояла разлука сродненных на нивах благовестия. Наши поездки в изменяющейся обстановке уже не оправдывали себя. Мы решили обработать и издать наш репертуар, чтобы подобные ансамбли формировать на местах.

С грустью мы понимали, что совершено много служений, пройдено много дорог, но все это — капля в море на бескрайних нивах. Со слезами на глазах я прощался с дорогими братьями и сестрами, благодаря Господа за их самоотверженный труд.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Свое повествование я заканчиваю в начале 2001 года. Друзья из Германии помогли нам приобрести девятиместный микроавтобус, на котором сейчас совершается служение благовестия вновь сформированного ансамбля. Он состоит из музыкантов и солистов двух церквей Донецкого объединения — Харцызской и Мариупольской.

Каждую субботу мы совершаем служения по объединению, возвращаясь на воскресенье домой. Музыкальный уровень нашего ансамбля, конечно, намного ниже, чем у ансамбля, описанного в данной книге. Круг служения стал гораздо уже, но мы стараемся и в малом быть верными Господу. Благодарю моего Искупителя за то, что Он еще позволяет мне трудиться на Его ниве!

Слава Богу за все!

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫ БЫЛ ВСЮДУ СО МНОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
СВЕТ ЕВАНГЕЛИЯ СРЕДИ МОИХ РОДСТВЕННИКОВ 7
МОИ РОДИТЕЛИ 13
ГОДЫ ВОЙНЫ 16
ПАПА В ТЮРЬМЕ 20
ОТРОЧЕСТВО 23
ЮНОСТЬ 30
СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ 49
ОБЕЩАНИЕ БОГУ ДОБРОЙ СОВЕСТИ 65
В ЧЕЛЯБИНСКЕ 70
В ХАРЦЫЗСКЕ 83
ПЕРВЫЙ СРОК ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ 95
ВТОРОЙ СРОК ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ 117
НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ 127
В ССЫЛКЕ 146

БЛАГОВЕСТИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 168
ДЕЛО БЛАГОВЕСТНИКА 169
Что сказать? 169
Как сказать? 177
Кому сказать? 182
Когда сказать? 195
Методы благовестия 200
Условия для успешного благовестия 203
КАМЕРНЫЙ АНСАМБЛЬ МХО 208
Служение ансамбля 209
Последняя поездка в Среднюю Азию 238
Последняя поездка по Сибири и Дальнему Востоку 252
ПОСЛЕСЛОВИЕ 267